

ISSN 2712-9276 (PRINT)
ISSN 2949-2424 (ONLINE)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОРТОДОКСИЯ

ТЕМА НОМЕРА

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ
СЕРГИЙ (СТРАГОРОДСКИЙ).
ЧАСТЬ II

ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД
С 2021 ГОДА

№ 2 / 2024

ISSN 2712-9276 (PRINT)
ISSN 2949-2424 (ONLINE)

SCIENTIFIC JOURNAL

ORTHODOXIA

ISSUE TOPIC

PATRIARCH OF MOSCOW AND ALL RUS'
SERGIUS (STRAGORODSKY).
PART II

FREQUENCY: QUARTERLY
SINCE 2021

No. 2 / 2024

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Щипков Александр Владимирович — д-р полит. наук, ректор РПУ св. Иоанна Богослова, профессор кафедры философии политики и права МГУ им. М. В. Ломоносова

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Щипков Василий Александрович — д-р филос. наук, доцент кафедры международной журналистики МГИМО МИД России, директор Русской экспертной школы

ШЕФ-РЕДАКТОР

Михайлов Родион Владимирович — канд. полит. наук

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Пуцаев Юрий Владимирович — канд. филос. наук, старший научный сотрудник философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, старший научный сотрудник ИНИОН РАН

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Мамаев Егор Евгеньевич — научный сотрудник Русской экспертной школы, старший преподаватель кафедры богословия РПУ св. Иоанна Богослова

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Багдасарян Вардан Эрнестович — д-р ист. наук, профессор кафедры государственной политики МГУ им. М. В. Ломоносова, декан факультета истории, политологии и права Государственного университета просвещения

Вассоевич Андрей Леонидович — д-р филос. наук, директор Института востоковедения РГПУ им. А. И. Герцена

Гайда Фёдор Александрович — д-р ист. наук, доцент кафедры истории России XIX века — начала XX века МГУ им. М. В. Ломоносова

Катасонов Владимир Николаевич — д-р филос. наук, д-р богословия, профессор Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. свв. равноап. Кирилла и Мефодия

Корольков Александр Аркадьевич — д-р филос. наук, академик Российской академии образования

Маслин Михаил Александрович — д-р филос. наук, заведующий кафедрой русской философии МГУ им. М. В. Ломоносова, заслуженный профессор Московского университета

Минаков Аркадий Юрьевич — д-р ист. наук, профессор Воронежского государственного университета, директор Зональной научной библиотеки

Мягков Михаил Юрьевич — д-р ист. наук, научный директор Российского военно-исторического общества

Перевезенцев Сергей Вячеславович — д-р ист. наук, профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова

Полунов Александр Юрьевич — д-р ист. наук, заведующий кафедрой управления в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений МГУ им. М. В. Ломоносова

Пономарёва Галина Михайловна — д-р филос. наук, профессор кафедры философской антропологии МГУ им. М. В. Ломоносова

Саврей Валерий Яковлевич — д-р филос. наук, профессор кафедры философии религии и религиоведения МГУ им. М. В. Ломоносова

Шестопал Алексей Викторович — д-р филос. наук, почётный профессор МГИМО

Шмонин Дмитрий Викторович — д-р филос. наук, директор Института теологии Санкт-Петербургского государственного университета

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: серия ПИ № ФС77-79913 от 18 декабря 2020 г.

Условия распространения материалов: контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

Учредитель, издатель, редакция: Автономная некоммерческая организация социального и творческого развития «Русская экспертная школа».

Адрес издателя: 119192, Россия, г. Москва, Мичуринский просп., д. 8, стр. 1, к. 1302

Сайт: www.journal-orthodoxia.ru

E-mail: mail@journal-orthodoxia.ru

Копирайт: © АНО «Русская экспертная школа», 2024

Индексирование: журнал входит в библиографическую базу данных РИНЦ

Цена: свободная

Подписано в печать: 01.06.2024

Отпечатано: АО «Первая Образцовая типография», филиал «Чеховский Печатный Двор».

Адрес: 142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Формат: 70x100 1/16.

Тираж 350 экз.

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander V. Shchipkov — Dr. Sci. (Political Studies), Rector of Russian Orthodox University of St. John the Divine, Prof., Department of Philosophy of Politics and Law, Lomonosov Moscow State University

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Vasily A. Shchipkov — Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., School of International Journalism, MGIMO University, Director of the Russian Expert School

CHIEF EDITOR

Rodion V. Mikhailov — Cand. Sci. (Political Studies)

SCIENTIFIC EDITOR

Yuri V. Pushchaev — Cand. Sci. (Philosophy), Senior Researcher, Department of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; Senior Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

EXECUTIVE SECRETARY

Egor E. Mamaev — Researcher, Russian Expert School; Sen. Lect., Department of Theology, Russian Orthodox University of St. John the Divine

EDITORIAL BOARD:

Vardan E. Bagdasaryan — Dr. Sci. (History), Prof., Department of Public Policy, Lomonosov Moscow State University, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, State University of Education

Andrey L. Vassoevich — Dr. Sci. (Philosophy), Director of the Institute of Oriental Studies, Herzen University

Fedor A. Gaida — Dr. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Russian History of the 19th — early 20th century, Lomonosov Moscow State University

Vladimir N. Katasonov — Dr. Sci. (Philosophy), Dr. Sci. (Theology), Prof., Ss. Cyril and Methodius Theological Institute of Post-Graduate Studies in Moscow

Alexander A. Korolkov — Dr. Sci. (Philosophy), Academician of the Russian Academy of Education

Mikhail A. Maslin — Dr. Sci. (Philosophy), Prof. emeritus, Head of the Department of Russian Philosophy, Lomonosov Moscow State University

Arkady Yu. Minakov — Dr. Sci. (History), Prof., Voronezh State University, Director of the Zonal Scientific Library

Mikhail Yu. Myagkov — Dr. Sci. (History), Scientific Director of Russian Military Historical Society

Sergey V. Perevezentsev — Dr. Sci. (History), Prof., Department of the History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Sciences, Lomonosov Moscow State University

Alexander Yu. Polunov — Dr. Sci. (History), Head of the Department of Interethnic and Interdenominational Relations Management, Lomonosov Moscow State University

Galina M. Ponomareva — Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Philosophical Anthropology, Lomonosov Moscow State University

Valery Ya. Savrey — Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, Lomonosov Moscow State University

Alexey V. Shestopal — Dr. Sci. (Philosophy), Prof. emeritus, MGIMO University

Dmitry V. Shmonin — Dr. Sci. (Philosophy), Director of the Institute of Theology, Saint Petersburg State University

Mass Media Registration Certificate: PI No. FS77-79913 dated December 18, 2020

Distribution Terms: The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Founder, Publisher, Editorial Office: Autonomous non-profit organization for social and creative development "Russian Expert School".

Address: 119192, Russia, Moscow, Michurinsky ave., 8, building 1, room 1302

Website: www.journal-orthodoxia.ru

E-mail: mail@journal-orthodoxia.ru

Copyright: © ANO Russian Expert School, 2024

Indexing: the Journal is included in the bibliographic database Russian Science Citation Index (RINTS)

Price: free

Published: 01.06.2024

Printed: JSC "First Model Printing House", Branch "Chekhov Printing House"

Address: 142300, Russia, Moscow Region, Chekhov, Poligrafistov St., 1

Format: 70x100 1/16.

Print run 350 copies.

Содержание

Представляем номер: «Патриарх Московский и всея Руси Сергий (Страгородский). Часть II»	9
О. Ю. Васильева Митрополит Сергий (Страгородский): служение и судьба	10
Архиепископ Савва (С. А. Тутунов) Патриарх Сергий и патриарше-соборный строй	46
Протоиерей В. А. Цыпин Патриарх Московский и всея Руси Сергий и Советское государство	54
Игумен Виталий (И. Н. Уткин) Сергий (Страгородский), война и Родина: от святого царя-страстотерпца Николая II до Сталина	80
Т. И. Шевченко Сергий (Страгородский), архиепископ Финляндский и Выборгский — особенности архипастырского служения в политическом и социокультурном контекстах	128
Л. К. Александрова-Чукова Святейший Патриарх Сергий, митрополит Григорий и духовные школы Московской Патриархии 1944–2024 годов	174
Игумен Виталий (И. Н. Уткин) «Патриаршая власть всегда остаётся в Церкви налицо во всем её объёме»: патриарх Тихон, митрополит Сергий (Страгородский) и идеи церковной демократии	206
А. Н. Кашеваров Митрополит Сергий и «Журнал Московской Патриархии» в 1931–1935 годах.	234

Contents

Presenting the Issue: “Patriarch of Moscow and all Rus’ Sergius (Stragorodsky). Part II”	9
O. Yu. Vasilieva Metropolitan Sergius (Stragorodsky): Ministry and Destiny	10
Archbishop Savva (S. A. Tutunov) Patriarch Sergius and the Patriarchal Conciliar System	46
Archpriest V. A. Tsy-pin Patriarch of Moscow and all Rus’ Sergius and the Soviet State	54
Hegumen Vitaly (I. N. Utkin) Sergius (Stragorodsky), War and Homeland: From the Holy Tsar-Martyr Nicholas II to Stalin	80
T. I. Shevchenko Sergius (Stragorodsky), Archbishop of Finland and Vyborg — Features of Pastoral Service in Political and Socio-Cultural Contexts	128
L. K. Aleksandrova-Chukova His Holiness Patriarch Sergius, Metropolitan Gregory and the Theological Schools of the Moscow Patriarchy from 1944 to 2024	174
Hegumen Vitaly (I. N. Utkin) “The Patriarchal Authority Always Remains Present in the Church in its Entirety”: Patriarch Tikhon, Metropolitan Sergius (Stragorodsky) and the Ideas of Church Democracy	206
A. N. Kashevarov Metropolitan Sergius and the “Journal of the Moscow Patriarchate” in 1931–1935	234

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР: «ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ СЕРГИЙ (СТРАГОРОДСКИЙ). ЧАСТЬ II»

Уважаемый читатель!

Мы представляем вашему вниманию второй из двух номеров «Ортодоксии», посвящённых личности и жизненному подвигу патриарха Сергия (Страгородского) и приуроченных к 80 годовщине с даты смерти Предстоятеля.

Выдающаяся роль патриарха Сергия в истории Церкви обусловлена тем, что, несмотря на ежечасное попечение о дне сегодняшнем, о решении неотложных текущих проблем, целенаправленно создаваемых Церкви безбожной властью, он мог мыслить и видеть её положение в большой исторической перспективе. Этим объясняется принципиальная борьба патриарха Сергия с ектlesiологическими искажениями и ересями в тех тяжелейших условиях, когда эти вопросы, казалось бы, должны были отходить на второй план.

В истории Церкви патриарх Сергий сыграл роль апологета и борца за её духовную независимость от агрессивной секулярной культуры. Показательно, что именно при патриархе Сергии завершилась история обновленческого движения, истоки которого восходят не только к постреволюционным 1920-м годам, но и к более раннему времени, концу XIX — началу XX века, когда формировались соответствующие идеи и настроения в среде либерально мыслящего духовенства и интеллигенции.

Усилиями патриарха Сергия в России второй раз было восстановлено патриаршество, после чего патриаршая власть до сего времени не прерывалась. Благодаря этому, невзирая на все последовавшие всплески антицерковных гонений, Церковь смогла выстоять.

При патриархе Сергии был заложен административный фундамент Русской Церкви, благодаря которому все последующие годы и десятилетия она смогла сосредотачиваться, накапливать потенциальную внутреннюю силу, чтобы в конце Перестройки, после окончательного обретения свободы, суметь этот потенциал реализовать в практической богословской, миссионерской, просветительской и социальной деятельности. Заслуга патриарха Сергия состоит в том, что Церковь смогла принять дарованную ей минимальную свободу и воспользоваться ею в тот исторический период.

А. В. Щипков

О. Ю. Васильева

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ,
МОСКВА, РОССИЯ

Митрополит Сергей (Страгородский): служение и судьба

Аннотация. В статье рассматривается биография будущего патриарха Сергея (Страгородского) и обстоятельства его жизни, повлиявшие на формирование личности Предстоятеля как одного из выдающихся церковных деятелей XX века. Рассматриваются основные вехи его пасторского служения, богословских, миссионерских, административных трудов, понесённых им на благо Церкви. В статье приводятся обстоятельства драматического участия митрополита Сергея в обновленческом расколе и выхода из него через принятие публичного покаяния. В центре внимания статьи — история отношений Русской Православной Церкви и советской власти в 20-е—30-е годы XX века, одним из ключевых участников которых был митрополит Сергей. Наиболее трудным для Церкви в XX веке был период отсутствия патриаршей власти с 1925 по 1943 год, сопровождавшийся многочисленными интригами и административным давлением со стороны большевистской власти. В статье обосновывается утверждение, что политика митрополита Сергея была прямым продолжением того пути, на который встал в последние годы своего предстоятельства патриарх Тихон. Автор статьи приходит

к выводу о том, что владыка Сергей намеренно выбрал компромисс с властью, встал на путь мученичества и самоуничтожения ради спасения Церкви. В 1927 году митрополит Сергей вместе с членами созданного Временного Патриаршего Священного Синода подписали «Послание пастырям и пастве», ставшее меморандумом политической лояльности Церкви по отношению к советской власти. Большое внимание в статье уделено пресс-конференции Сергея перед советскими и иностранными журналистами, ставшей ответом на многочисленные обвинения Советского государства в притеснениях Церкви. Автор статьи приходит к выводу о том, что служение митрополита Сергея — это мученическое служение по преимуществу. Сознательный отказ от личной славы ради спасения Церкви — это подлинный подвиг патриарха Сергея и его неоспоримая заслуга перед всеми верующими.

Ключевые слова: патриарх Сергей (Страгородский), гонения на Церковь, «Декларация 1927 года», пресс-конференция 1930 года, соловецкие епископы, репрессии против епископата, Обращение к советской власти, митрополит Пётр (Полянский)

Для цитирования: Васильева О. Ю. Митрополит Сергей (Страгородский): служение и судьба // Ортодоксия. — 2024. — № 2. — С. 10–45. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-2-10-45

Оценка жизни и служения митрополита Сергея (Страгородского) является одним из самых спорных и трудных вопросов церковной истории двадцатого столетия. Пожалуй, ни о ком не написано больше, при этом количество авторских листов иностранного происхождения в разы превышает количество отечественных. Можно встретить особые термины: сергианство, сергианская линия, сергианцы, которыми награждались и награждаются сторонники митрополита. Обсуждали и обсуждают в основном три момента: «Декларацию 1927 года», пресс-

конференции 1930 года и каноничность предстоятельства митрополита в Церкви. Традиционно принимается всё, что указывает на отношения иерарха с властью, и обходится всё, что объясняет причины этих контактов. Под сомнение ставится позиция Церкви в конце 20-х — начале 40-х годов XX века.

Упрощённо и схематично толкуется личность самого иерарха, чья судьба связана с самым трудным периодом в жизни Церкви. Однако вряд ли кому из Первосвятителей выпадал такой тяжкий жребий служения, какой пришёлся на долгие годы митрополита, а с осени 1943 года и патриарха Сергия.

Будущий Первосвятитель (Иван Николаевич Страгородский) родился в семье священника Алексиевского женского монастыря в городе Арзамасе. Дата рождения — 2 января 1867 года. Духовное училище он закончил в родном городе, в Нижнем Новгороде продолжил обучение в семинарии, закончив её по первому разряду. Незаурядность мышления вдумчивого исследователя открылась в годы обучения в Петербургской академии.

На последнем курсе, 30 января 1890 года, в день памяти трёх святителей, Иван принял монашеский постриг с именем Сергия Валаамского. Академический курс он закончил со степенью кандидата богословия за сочинение «Православное учение о вере и добрых делах». В работе была предпринята попытка через полемику с католическим учением о «сверхдолжных» заслугах святых и протестантской доктриной об оправдании только верой изложить православное учение о Спасении, основанное на святоотеческой традиции. Этой же теме будущий митрополит посвятил и свою магистерскую диссертацию, защищённую им в 1896 году и выдвинувшую его в ряд ведущих православных богословов своего времени.

Но это будет позже. А пока осенью 1890 года иеромонах Сергей приехал в Токио, чтобы стать одним из ближайших помощников архиепископа Николая (Касаткина), оказавшего в своё время сильное влияние на будущего Предстоятеля Зарубежной Церкви митрополита Антония (Храповицкого).

Через несколько месяцев иеромонах Сергей начинает преподавать догматическое богословие в семинарии в Токио. Сейчас трудно представить, что он смог выучить японский язык для преподавания всего за несколько месяцев.

Зиму 1891/92 годов отец Сергей провёл на русском крейсере «Память Азова», замещая заболевшего судового священника.

Указ о переводе в Россию, сначала в Петербург, а потом в Московскую духовную академию на должность инспектора, пришёл в 1893 году. Именно здесь произошла встреча и сближение с ректором МДА, архимандритом Антонием (Храповицким), известным просветителем и богословом. Ректор настоял, чтобы отец Сергей переработал курсовое сочинение в магистерскую диссертацию, которая сначала была опубликована в академическом «Богословском вестнике», а позже вышла отдельной книгой.

С 1894 по 1896 год иеромонах Сергей служил в Афинах в посольской церкви, там же был возведён в сан архимандрита. Затем он вновь отправился в Японию, где прослужил до 1899 года. В январе 1901 года Указом Святейшего Синода будущий митрополит был назначен ректором Санкт-Петербургской духовной академии, а 25 февраля того же года состоялась его хиротония во епископа Ямбургского, третьего викария Санкт-Петербургской епархии. При наречении молодой епископ произнёс речь, которую можно рассматривать как своеобразную перспективу всего его последующего служения. Были там и такие слова: «Быть же пастырем — значит жить не своею особой жизнью, а жизнью паствы, болеть её болезнью, нести её немощи с единственной целью: послужить её спасению, умереть, чтобы она была жива. Истинный пастырь постоянно, в ежедневном делании своим “душу свою полагает за овцы”, отрекается от себя, от своих привычек и удобств, от своего самолюбия, готов пожертвовать самой жизнью и даже душой своей ради Церкви Христовой, ради духовного благополучия словесного стада». И ни сам епископ и никто из присутствующих не могли предположить, насколько пророческими окажутся эти слова.

Шесть лет ректорства были заполнены административной и научной работой. В 1902 и 1905 годах вышли его статьи «Что нас разделяет со старокатоликами» и «К вопросу о том, что нас разделяет со старокатоликами».

Их написание было связано с деятельностью епископа Сергия в Синодальной Комиссии по старокатолическому и англиканскому вопросам.

Бурная церковная жизнь начала XX века не оставила в стороне епископа. Особо ярко он проявил себя в деятельности «Религиозно-философских собраний», открытых в Петербурге с разрешения высшей церковной власти в ноябре 1901 года. Именно тогда впервые русские интеллигенты — «богоискатели» — лицом к лицу встретились с представителями Русской Православной Церкви «для свободного обсуждения

вопросов Церкви и культуры». Протоиерей Георгий Флоровский, выдающийся русский богослов, считал, что собрания явились преодолением нигилизма и безбожия 60-х годов XIX века и возвратом к вере. Епископ Сергей по благословению митрополита Антония (Вадковского) стал Председателем РФС. Просуществовав около полутора лет, собрания стали особой вехой церковной истории, доказав, что богословски просвещённые православные клирики и миряне заинтересованы в разрешении церковно-общественных вопросов так же сильно, как и «богоискательски» настроенная интеллигенция.

И те, и другие искренне желали религиозного возрождения на основе соборности. На заседаниях РФС обсуждались отношения Церкви и интеллигенции, вопросы о Л. Н. Толстом, о свободе совести, о соотношении духа и плоти, о браке.

Всего прошло более двадцати заседаний. Конечно, на многие проблемы участники смотрели с диаметрально противоположных позиций. РФС постепенно превращался в политический клуб. В апреле 1903 года обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев настоял на закрытии собраний. Но их идеи оказались плодотворными. Так, протоиерей Георгий Флоровский позже отмечал, что и в Церкви должен был начаться подъём. Этого требовала сама жизнь, логика истории, логика событий.

В октябре 1905 года последовало назначение епископа Сергея на Финляндскую и Выборгскую кафедру с возведением в сан архиепископа. На этом поприще вновь проявились его миссионерские качества. Он созывает епархиальные съезды, при Выборгском соборе организует Православную миссию, создаёт братство святого Георгия Победоносца. Всё это укрепляет православие среди беломорских карел.

В 1911 году архиепископ Сергей (Страгородский) становится членом Святейшего Синода, где в разные годы руководит важнейшими синодальными учреждениями: Председатель Особого Совещания по вопросам внутренней и внешней миссии, Председатель Совещания по исправлению церковно-богослужебных книг. В 1912 году следует его назначение Председателем Предсоборного Совещания, а в 1913 году архиепископ Сергей возглавил Миссионерский совет.

Февраль 1917 года окончательно нарушил плановое служение епископата и клира Русской Церкви. В апреле Временное правительство распустило прежний состав Синода: митрополита Киевского Владимира (Богоявленского), архиепископов Литовского Тихона (Беллавина), Новгородского Арсения (Стадницкого), Гродненского Михаила

(Ермакова), Нижегородского Иоакима (Левицкого), Черниговского Василия (Богоявленского), протопресвитеров Александра Дернова и Георгия Шавельского — всех, кроме архиепископа Финляндского Сергия (Страгородского).

Одним из поводов к увольнению архиереев послужило их несогласие с противоречившим принятому в Синоде порядку решением о передаче его официального органа «Церковного вестника» (1875–1917) из прямого ведения Синода в ведение Санкт-Петербургской духовной академии. Тогда же, 15 апреля «революционный» обер-прокурор организовал новый состав Святейшего Синода.

На летнюю сессию были вызваны новые члены и присутствующие: экзарх Грузии архиепископ Платон (Рождественский), архиепископ Агафангел (Преображенский), епископ Уфимский Андрей (Ухтомский), епископ Самарский Михаил (Богданов), настоятель Успенского собора Московского Кремля протопресвитер Николай Любимов, профессора — протоиереи Александр Смирнов и Александр Рождественский, протоиереи Фёдор Филоненко.

5 июля 1917 года Святейший Синод своим определением утвердил Положение о созыве Поместного Собора Православной Российской Церкви. В конце июля Определением № 4652 Святейший Синод постановил, ввиду открытия 15 августа Поместного Собора, перенести заседания из Петрограда в Москву.

10 августа 1917 года Синодальным указом архиепископ Сергей был утверждён архиепископом Владимирским и Шуйским на Владимирскую кафедру. А пять дней спустя, 15 августа, в Москве в Успенском соборе открылся первый за 250 лет Поместный Собор. Его открытие произошло в праздник Успения Пресвятой Богородицы под колокольный звон сотен московских церквей.

На открытии вместо православного императора, как предполагалось ранее, присутствовали иные официальные лица: министр-председатель А. Ф. Керенский, министр внутренних дел Н. Д. Авксентьев, министр вероисповедания А. В. Карташев, председатель IV Государственной думы М. В. Родзянко. Всего было 540 делегатов из числа епископата, клира и мирян.

Своим почётным председателем Собор утвердил митрополита Киевского Владимира.

В работе Поместного Собора 1917–1918 годов архиепископ Сергей принял самое деятельное участие, руководя работой отдела «Церковный

суд» в качестве его председателя. 28 ноября 1917 года указом Святейшего Патриарха Тихона в сан митрополита были возведены пять старейших иерархов Русской Православной Церкви: архиепископ Харьковский и Ахтырский Антоний (Храповицкий) — как один из кандидатов на патриарший престол, а также учёнейший архипастырь и известный церковно-общественный деятель; архиепископ Новгородский и Старорусский Арсений (Стадницкий) — по тем же основаниям; архиепископ Ярославский и Ростовский Агафангел (Преображенский) — как один из старейших и заслуженнейших архипастырей; архиепископ Казанский и Свияжский Иаков (Пятницкий) — по тем же основаниям; архиепископ Владимирский и Шуйский Сергей (Страгородский) — как один из видных богословов и деятельных архипастырей.

На пути митрополита Сергия, таком ровном и спокойном, первое искушение пришло в июне 1922 года, когда был обнародован «Меморандум трёх». Правящие архиереи Владимирский Сергей (Страгородский), Нижегородский Евдоким (Мещерский) и Костромской Серафим (Мещеряков) опубликовали в печатном органе «Живой церкви» воззвание, в котором признали каноничность обновленческого Высшего церковного управления (ВЦУ) и призвали свою паству и всю Русскую Православную Церковь подчиниться ему. Этот документ послужил соблазном для многих церковных людей и мирян.

Как уже отмечалось выше, митрополит Сергей был одним из самых авторитетных архипастырей Русской Церкви. Принятие ВЦУ целым рядом архиереев, в том числе митрополитом Сергием, было вызвано, по их словам, тем, что они не видели альтернативы: другого церковного административного центра не было, а жизнь без него казалась невыносимой.

Кроме того, они считали необходимым сохранить в тяжёлое время гонений церковное единство. Но уже в октябре того же года митрополит Сергей заявил о прекращении церковного общения с деятелями «новой демократической церкви» и покинул созданное ими Высшее церковное управление. 27 августа 1923 года митрополит Сергей принёс всенародное покаяние за поддержку обновленческого ВЦУ. «Без мантии и клобука, без архиерейской панагии и наперсного креста стоял он на амвоне Малого Собора Донского монастыря и глухим дрожащим голосом произносил покаянные слова. Совершив земной поклон, он сошёл с солеи, приблизился к кафедре. Сделал ещё один поклон, и тогда Святейший Патриарх вручил ему мантию и святую панагию с крестом, белый клобук и посох»

(Святитель Тихон 2013: 164). После взаимного лобзания, со слезами на глазах патриарх приветствовал вновь обретённого собрата, а затем они отслужили Божественную литургию.

После воссоединения с патриаршей Церковью митрополит Сергей был назначен на Нижегородскую кафедру, которую прежде занимал отступник — лжемитрополит Евдоким (Мещерский).

После смерти патриарха Тихона начался долгий этап противостояния двух ветвей Русской Православной Церкви — Русской и Зарубежной. Все самые острые моменты этого процесса пришлось на годы служения митрополита Сергея. Зарубежные архиереи не согласились с подлинностью завещания патриарха. Сразу же после его обнародования посыпались упрёки в адрес митрополита Петра (Полянского), которого оппоненты и прошлые, и нынешние упрекали в давлении на Святейшего, умалчивая о реальных причинах его ареста 10 декабря 1925 года (Отказ от предложенных властью условий легализации). Митрополит Пётр успел 5–6 декабря составить два завещания о преемственности церковной власти по образцу завещания, составленного Святейшим Патриархом Тихоном.

В первом он предоставлял права и обязанности Патриаршего Местоблюстителя до законного выбора нового патриарха, согласно воле покойного Святейшего, митрополитам Казанскому Кириллу, Ярославскому Агафангелу и митрополиту Арсению. Если же возможности осуществить это не представится, то права и обязанности Патриаршего Местоблюстителя переходят к митрополиту Нижегородскому Сергию.

А днём позже митрополит Пётр в своём письменном распоряжении указал, что в случае невозможности выполнить порученное митрополитом Сергием временное исполнение прав и обязанностей Патриаршего Местоблюстителя переходит к митрополиту Михаилу (Ермакову) или архиепископу Иосифу (Петровых).

Из этого большого списка на свободе оставался только митрополит Сергей.

14 декабря 1925 года, спустя четыре дня после ареста митрополита Петра, он сообщил из Нижнего Новгорода викарию Московской епархии епископу Клинскому Гавриилу (Красновскому) о своём вступлении в исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя. Чуть позже и до 1936 года митрополит Сергей стал называть себя Заместителем Патриаршего Местоблюстителя.

Первые дни вступления в права и обязанности митрополита Сергея в декабре 1925 года омрачились угрозой нового раскола.

Десять епископов в Донском монастыре под председательством архиепископа Екатеринбургского Григория (Яцковского) на своём совещании высказали недовольство по поводу единоличного управления Церковью митрополитом Петром, который якобы не хотел созывать Собор, и образовали Временный Высший Церковный Совет под председательством архиепископа Григория.

Большевистская власть поддержала «григорианский» Временный Высший Церковный Совет (ВВЦС), который очень скоро получил право на легализацию. Ослабление Церкви путём создания параллельного Местоблюстителю и его Заместителю Церковного центра неизбежно привело бы к нарушению единства Церкви.

14 января 1926 года митрополит Сергей в своём письме архиепископу Григорию выступил с протестом против самочинного ВВЦС.

В ответном письме его председатель пригласил митрополита Сергея не только войти во Временный Совет, но и даже возглавить его. Последовал резкий отказ и запрет на служение архиепископа Григория и его сторонников.

Григориане не сдавались. При содействии власти им удалось посетить митрополита Петра во внутренней тюрьме Лубянки и убедить его в том, что митрополит Сергей не может управлять Церковью, так как находится в Нижнем без права выезда. При этом от Местоблюстителя митрополита Петра было скрыто то обстоятельство, что ВВЦС был образован, когда участники совещания в Донском монастыре уже знали о назначении Заместителя Местоблюстителя.

Итогом встречи с митрополитом Петром стала резолюция о временной передаче Высшей Церковной власти коллегии из трёх архиереев: архиепископов Владимирского Николая (Добронравова), Томского Димитрия (Беликова) и Екатеринбургского Григория (Яцковского). При этом григориане умолчали о том, что архиепископы Димитрий и Николай находятся в ссылке. Резолюцию члены Временного Высшего Церковного Совета рассматривали как передачу церковной власти архиепископу Григорию.

Митрополит Сергей отказался подчиниться этой резолюции, указав на неосведомлённость Местоблюстителя об истинном состоянии церковных дел.

Он вступает в переписку с митрополитом Петром, его позицию поддерживают многие архиереи. И 22 апреля 1926 года в письме митрополиту Сергию Местоблюститель объявляет об упразднении Временного

Высшего Церковного Совета и подтверждает ранее сделанное назначение Сергия Заместителем Местоблюстителя¹.

Весна 1926 года принесла обострение вопроса о преемственности канонической власти. Из ссылки вернулся митрополит Ярославский и Ростовский Агафангел (Преображенский), названный в завещании патриарха Тихона вторым кандидатом на Местоблюстительство.

18 апреля 1926 года он заявил о своём вступлении в права Местоблюстителя Патриаршего престола. Это он сделал в своём «Послании к Церкви».

В начавшейся переписке между митрополитом Сергием и новым претендентом на высшую церковную власть (от 30 апреля, 16 мая, 23 мая) поднимались самые острые вопросы. Митрополиту Сергию удалось объяснить владыке Агафангелу, что в распоряжении патриарха Тихона нет ни слова о том, что Местоблюститель Пётр принял власть временно, до возвращения старейших кандидатов. Приняв власть законно, он может быть лишённым её только на законных основаниях, то есть в случае добровольного отхода или по суду архиереев. Не соглашаясь с митрополитом Сергием внутренне, владыка Агафангел ради церковного мира отказался от своих прав, уведомив об этом Сергия телеграммой в июле 1926 года.

Разрешив очередной конфликт, владыка Сергей должен был решить самую важную церковную задачу: легализовать церковную жизнь в большевистской России. После кончины патриарха прекратил существование учреждённый им Временный Патриарший Синод. Для создания организационных структур и признания их полномочий требовались контакты с богоборческой властью, на которые незадолго до смерти пошёл святитель Тихон, указав тем самым своим преемникам единственный путь существования Церкви в новых условиях. Оппоненты до сегодняшнего дня не признают того, что политика преемников патриарха была продолжением и развитием основ, заложенных святителем Тихоном.

Они по-прежнему настаивают на том, что до «Декларации 1927 года», речь о которой пойдёт ниже, русский епископат был против легализации. Она, бесспорно, была нужна для нормальной внутрицерковной жизни. Не созывались Соборы, не работал Синод. Церковь физически была обескровлена — через Соловки к 1930 году прошёл почти весь епископат Русской Церкви. Жизнь в приходах угасала. Но условия легализации

¹ Григориане не подчинились воле Церкви, сохранив свои приходы вплоть до 1943 года. Архиепископ Григорий до своей кончины в 1932 году руководил несколькими общинами на Урале. Последние из них принесли покаяние митрополиту Сергию в 1943 году.

богоборческой власти не приняли ни митрополит Пётр (1925 год), ни митрополит Сергей в 1926 году. И величайшая роль в разрешении этой проблемы — отношения Церкви с властью — принадлежит соловецким узникам.

Соловецкий монастырь в истории России неоднократно оказывался духовным центром, определявшим церковную жизнь в России. В XX столетии ему суждено было стать самым известным в стране концлагерем. Важнейшим моментом церковной жизни середины 1920-х годов было его влияние на всю церковную политику.

К 1926 году на Соловках находились 29 православных иерархов. Их деятельность была объединена в самостоятельный церковный орган, вошедший в историю как «Собор соловецких епископов». Первыми епископами на Соловках последовательно избирались: архиепископ Приамурский и Благовещенский Евгений (Зернов), архиепископ Верейский Иларион (Троицкий), архиепископ Воронежский Пётр (Зверев). Судьба каждого из них — судьба мученика, положившего свою жизнь за Христа.

Конечно, на статус полномочного церковного Собора соловецкое собрание епископов-заключённых претендовать не могло и не претендовало, но мнение соловчан — в условиях, когда настоящий Собор созвать было невозможно, — стало одним из самых представительных выражений Церкви. Именно поэтому к голосу соловецких епископов прислушивались духовенство и верующие, оставшиеся на свободе. А сами соловецкие мученики не раз обращались к Церкви с посланиями, реагируя на наиболее болезненные проблемы того времени, и тем самым влияли на церковную жизнь страны. Известно, что митрополит Сергей (Страгородский) также опирался в своей деятельности на авторитет соловчан.

В июне 1926 года соловецкие епископы (17 человек) во главе с архиепископами Иларионом (Троицким), Евгением (Зерновым), Пахомием (Кедровым), Ювеналием (Масловским) пишут «Памятную записку Соловецких епископов, представленную на усмотрение Правительства». Основная мысль этого документа — просьба легализации без вмешательства во внутренние дела Церкви. Мировоззренческого примирения быть не может, так как условием бытия и смысла существования Церкви является именно то, что категорически отрицает коммунистическая идеология.

28 мая 1926 года митрополит Сергей пишет проект Обращения к советской власти, которое явилось приложением к его одновременному

ходатайству НКВД о легализации церковных органов, в частности о регистрации его в должности Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, о регистрации местных церковных органов, о разрешении на созыв архиереев (Архиерейский Собор) и на издание «Вестника Московской Патриархии», об открытии духовных учебных заведений. Так же как и соловчане, митрополит Сергей подчеркнул в Обращении, что не имеет смысла умалчивать о существующем противоречии между православными и большевиками, стоящими у власти. Обещая лояльность, отмечал митрополит, мы не можем наблюдать за политическими партиями наших единоверцев и применять церковные кары для отмищения. Об отношении к зарубежному духовенству митрополит написал следующее: «Здесь требуют выяснения наши отношения к русскому духовенству, ушедшему за границу и там образовавшему из себя некоторое филиальное отделение Русской церкви. Не признавая себя гражданами Советского Союза и не считая себя обязанными по отношению к Советской власти никакими обязательствами, заграничные духовные лица иногда позволяют себе враждебные выступления против Союза, и ответственность за эти выступления падает на всю Русскую церковь, в клире или Иерархии которой они продолжают оставаться»².

Выход, по мнению митрополита Сергея, был один: «Выразить наш полный разрыв с таким политиканствующим духовенством»³. А для этого нужно было «установить правилом, что всякое духовное лицо, которое не пожелает признать своих гражданских обязательств перед Советским Союзом, должно быть исключено из состава клира Московского Патриархата и поступать в ведение заграничных поместных православных церквей, смотря по территории»⁴.

Митрополит не только не грозил церковным судом, но и предлагал уйти в другие юрисдикции Поместных Православных Церквей.

С этим Обращением вместе с ходатайством о легализации церковного управления патриаршей Церкви 10 июня 1926 года митрополит обратился в НКВД (следует подчеркнуть, что проект Обращения был разослан для ознакомления по епархиям и получил одобрение клира и мирян).

Ни проекту «Декларации» митрополита Сергея, ни Памятной записке соловецких епископов не суждено было стать официальными

² Проект послания митрополита Сергея (Страгородского) к верующим. 10 июня 1926 г. — URL : <https://istmat.org/node/34537?ysclid=lv8oul5mkj73515369> (дата обращения: 19.04.2024).

³ Там же.

⁴ Там же.

церковными документами, но они являлись подтверждением единства взглядов епископата на задачи, стоявшие перед Церковью.

Невозможность стабилизировать положение Церкви легальным путём толкнула митрополита Сергия (Страгородского) на организацию тайных выборов патриарха осенью 1926 года. Обе стороны — и Церковь, и советское государство — оказались в тупике. Масштабные расколы в патриаршей Церкви, инспирированные властью, не дали планируемых результатов. Церковь не добилась возможности провести Собор и утвердить легитимность центральной церковной власти.

В этой ситуации Заместитель Местоблюстителя Патриаршего престола митрополит Сергей даёт своё согласие на шаг опасный и рискованный — на тайные выборы патриарха.

Избранный патриарх, даже если бы он был в ссылке, мог бы ясно и определённо установить авторитетный для всех порядок преемства власти и возглавил бы Церковь в сложный период, когда ей предстояло определить допустимые пределы компромисса с властью.

Инициатива тайного избрания принадлежала епископу Павлину (Кротечкину) и архиепископу Кириллу (Соболеву). Заместитель Местоблюстителя Патриаршего престола митрополит Сергей поначалу сомневался в целесообразности этой акции, справедливо опасаясь реакции власти, но уступил, поставив сторонникам тайного избрания непременным условием известить обо всём митрополита Петра (Полянского). Условие это выполнено не было.

Кандидат в патриархи был один — первый из архиереев, назначенных в Местоблюстители по завещанию патриарха Тихона, митрополит Казанский Кирилл (Смирнов), срок ссылки которого заканчивался. Этот выбор поддерживали словчане, в том числе и архиепископ Иларион (Троицкий).

Осенью 1926 года посланники епископа Павлина — иеромонах Таврион (Батозский), миряне из купцов отец и сын Кувшинниковы — объезжали православных архиереев и собирали сведения том, отдали бы они свой голос «за» или «против» намеченного кандидата на патриарший престол. Сами иерархи свои ответы запечатывали в конверт. К ноябрю 1926 года было собрано около 70 подписей об избрании патриархом митрополита Казанского Кирилла (Смирнова).

ОГПУ с самого начала было осведомлено о «выборах». В ноябре-декабре 1926 года последовали аресты участников «тайных выборов». Арестован был и митрополит Сергий.

Следует подчеркнуть, что впоследствии православные епископы относились с осторожностью к результатам «выборов» и не ссылались на них даже после опубликования «Декларации 1927 года», когда, казалось бы, у самых «непримиримых» иерархов имелась возможность напомнить митрополиту Сергию о волеизъявлении значительной части епископата. Ни разу не апеллировал к результатам «выборов» и митрополит Кирилл, также не придавая им канонической силы.

Кроме тайных «выборов» патриарха митрополит Сергей совершил ещё одно «противоправное» действие: он обращается с письмом к зарубежным епископам. Оно было направлено 12 сентября 1926 года. Письмо пронизано братской искренностью и заботой о дальнейшей судьбе православных за границей. В конце письма владыка подчёркивает, что Святейший действительно подал распоряжение о закрытии Заграничного Синода. Далее в письме звучит мысль о возможности создания такого центра, если бы существовало согласие между иерархами. А его нет, и митрополит пишет: «Если такого органа, общепризнанного всею эмиграцией, создать, по-видимому, нельзя, то уже лучше покориться воле Божией, признать, что отдельного существования эмигрантская церковь устроить себе не может и поэтому всем Вам пришлось время встать на почву канонов и подчиниться (допустим, временно) местной православной власти, например в Сербии — Сербскому Патриарху, и работать на пользу той частной Православной Церкви, которая вас приютила» (Васильева 1997: 180).

Далее митрополит подчеркнул, что такое отдельное существование скорее предохранит от взаимных распрей, чем старание всех удержать и подчинить искусственно созданному центру, и что именно такая постановка более соответствует теперешнему положению Церкви в России. Так же как и в случае с обращениями патриарха, зарубежные епископы не захотели понять и теперешнее положение Церкви в России. Исторический шанс не был использован деятелями эмиграции, не пожелавшими отказаться от возможности говорить от лица всей Русской Церкви.

Доверительное послание митрополита Сергея Карловацкому Синоду от 12 сентября сразу после ареста архипастыря было опубликовано в «Ревельской газете», а потом перепечатано в Париже.

Письмо митрополита Сергея вызвало сильнейшее раздражение власти: уход эмигрантов в юрисдикцию других Поместных Церквей лишал чуть ли не главного козыря в борьбе с Церковью — делал беспочвенными обвинения её в связях с «монархической контрреволюцией» за границей.

В последующие четыре месяца после ареста митрополита Сергея в ноябре 1926 года (по обвинению в связях с эмиграцией и в подготовке нелегальных выборов патриарха) сменилось два Заместителя Местоблюстителя Патриаршего престола: митрополит Иосиф (Петровых) и архиепископ Серафим (Самойлович). Сам митрополит Сергей был этапирован из Нижнего Новгорода в Москву, на Лубянку.

Ни у кого не оставалось сомнений: с самого начала ОГПУ наблюдало за ходом выборов.

Митрополит Сергей был освобождён из тюрьмы 2 апреля 1927 года. Безусловно, на него оказывали серьёзное давление для того, чтобы вынудить пойти из уступки власти. Этот его третий арест на долгие годы внёс сомнения в умы православных. И по сей день бытует мнение о том, что митрополит Сергей вступил на путь сотрудничества с ОГПУ, что подтверждением этого соглашения явилась «нужная» власти «Декларация 1927 года». Свои выводы оппоненты по сей день подкрепляют аргументами такого свойства: срок ареста краткий, разрешено жить в Москве, а до ареста жить не мог, «Декларацию» не приняло 2/3 клира и т. д.

До ноябрьского ареста 1926 года митрополит Сергей был одним из самых уважаемых епископов России. Самым естественным, казалось бы, путём для него был бы путь отшельничества в какой-нибудь глуши, где можно было бы и не прекращать богословских трудов. Путь почётный и лёгкий. Но митрополит выбрал другой — продолжение пути, начертанного святителем Тихоном, — сохранение Церкви в условиях тоталитарного государства.

Он никогда никого не боялся. И реакцию властей на сентябрьское письмо к зарубежным епископам он знал заранее, но шёл на этот шаг ради последних, давая возможность ухода в другую юрисдикцию.

Митрополит Сергей дал согласие на тайные выборы патриарха, зная ответную реакцию власти в случае провала, но надеялся, что можно будет провести их быстро, и Церковь вновь обретёт своего Первосвятителя в такой трагический для неё период. Он не строил иллюзий, зная, что весь епископат находится под постоянной слежкой ОГПУ и личным контролем Тучкова.

Владыка Сергей выбрал компромисс с властью, встав на путь мученичества через своё унижение и поправление ради спасения Церкви. Сбылись его пророческие слова, что истинный пастырь «душу свою полагает за овцы, отрекается от себя, от своих привычек и удобств, от своего самолюбия, готов пожертвовать самой жизнью и даже душой своей ради Церкви

Христовой, ради духовного благополучия словесного стада», сказанные в далёком 1901 году. Был и ещё один фактор, человеческий.

По свидетельству митрополита Серия (Воскресенского), Заместителю Местоблюстителя угрожали в тюрьме расстрелом его сестры (впоследствии она была расстреляна) и многих арестованных архиереев и священников.

К моменту освобождения митрополита Сергия из заключения ситуация с высшим церковным управлением была очень запутанна. Постоянные аресты иерархов, которые могли возглавить Церковь, привели к ослаблению церковного центра и создали предпосылки к центробежным тенденциям. В разное время многие из тех, чьи имена связывались с Местоблюстительством: митрополит Агафангел (Преображенский), митрополит Иосиф (Петровых), архиепископ Серафим (Самойлович) — упоминали патриарший указ от 20 ноября 1920 года о церковной автономии в случае невозможности нормального общения с церковным центром.

В свою очередь, советская власть делала всё, чтобы усилить церковные нестроения и дестабилизировать внутрицерковную жизнь.

Митрополит Сергей согласился выполнить ряд требований власти в надежде на частичную легализацию церковной жизни. Ведь, как и 1923 году, речь шла о самом существовании центрального церковного управления, а с ним — и всей Церкви. Требования были значительно жёстче, чем в 1923 году: наложить прещения на церковных эмигрантов, поставить под контроль гражданской власти кадровую церковную политику.

В свою очередь, митрополит Сергей предъявил ОГПУ список из 22 епископов для их амнистирования как одно из условий подписания «Декларации».

18 мая 1927 года митрополит Сергей (Страгородский) учреждает Временный Патриарший Священный Синод, полномочия которого, как и в 1923 году при патриархе Тихоне, проистекали из полномочий учредителя. Подав заявление на его регистрацию, он, вероятно, хотел убедиться в исполнении обещаний со стороны власти.

20 мая 1927 года Временный Патриарший Священный Синод был зарегистрирован. В него вошли: митрополиты Новгородский Арсений (Садницкий), Тверской Серафим (Александров), архиепископы Костромской Севастиан (Вести), Хутынский Алексей (Симанский), Звенигородский Филипп (Гумилевский), епископ Сумской Константин (Дьяков). Позже членами Синода стали: экзарх Украины митрополит

Михаил (Ермаков), митрополит Ташкентский Никандр (Феноменов), архиепископ Самарский Анатолий (Грисюк), архиепископ Вятский Павел (Борисовский), епископ Серпуховский Сергей (Гришин).

25 мая 1927 года состоялось первое официальное заседание новоучреждённого Синода. Митрополит Сергей издал указ, предписывающий правящим архиереям организовать при себе временные епархиальные советы и зарегистрировать их в местных органах власти. Но власть регистрировать их не спешила — ждала «Декларацию» о лояльности.

29 июля 1927 года митрополит Сергей (Страгородский) вместе с членами Временного Патриаршего Священного Синода подписал «Послание пастырям и пастве», так называемую «Декларацию 1927 года».

Всю тяжесть ответственности разделяли с митрополитом его единомышленники: митрополит Тверской Серафим (Александров), архиепископ Вологодский Сильвестр (Братановский), архиепископ Хутынский Алексей (Симанский), архиепископ Самарский Анатолий (Грисюк), архиепископ Вятский Павел (Борисовский), архиепископ Звенигородский Филипп (Гумилевский), епископ Сумской Константин (Дьяков), епископ Серпуховский Сергей (Гришин).

«Декларация», не будучи вероучительным актом, была документом политической лояльности высшей церковной власти советскому правительству и являлась необходимым условием для легализации церковного управления патриаршей Церквью. Кроме того, текст «Декларации» был в значительной мере отредактирован Е. А. Тучковым.

Спустя годы патриарх Алексей (Симанский) говорил: «Когда пресвященный Сергей принял на себя управление Церковью, он подошёл эмпирически к положению Церкви в окружающем мире и исходил тогда из существующей действительности. Все мы, окружавшие его архиереи, были с ним согласны. Мы все Временным Синодом подписали с ним «Декларацию 1927 года» в полном убеждении, что выполняем свой долг перед Церковью и её паствой». Эти слова много позже записал А. Л. Казем-Бек, и они вошли в его рукопись «Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей».

«Декларация» потребовала от зарубежных епископов письменного обязательства в лояльности советскому правительству; не давшие такого обязательства или нарушившие его будут исключены из состава клира, подведомственного Московской Патриархии.

Зарубежный Синод не принял «Декларацию», мотивируя это неканоничностью руководства Церковью митрополитом Сергием

и превышением им своих полномочий. Из лидеров церковной эмиграции письменное обязательство прислал лишь митрополит Евлогий (Георгиевский).

Поразила «Декларация» и русский епископат. В сентябре 1927 года своё мнение о ней передал в Москву митрополит Пётр (митрополит Сергей получил его в ноябре). Местоблюститель, находившийся в заключении, просил передать, что «вынес от неё вполне удовлетворительное впечатление», и добавил, что «Декларация» — «необходимое явление настоящего момента, совершенно не касаясь её нескольких абзацев».

Митрополит Пётр хорошо понимал, под каким нажимом власти писался этот документ, и не ставил в вину своему Заместителю некоторые формулировки «Декларации».

В сентябре же откликнулись и соловчане (в его составлении принимало участие значительно меньше архиереев, чем в 1926 году). Они одобрили сам факт издания такого документа и его принципиальные положения, не соглашаясь в первую очередь с отсутствием в документе требования о невмешательстве в дела Церкви со стороны государства.

На появление «Декларации» откликнулись не только иерархи, но и миряне. Архиепископ Псковский Феофан (Туляков) в октябре 1927 года издал специальную листовку с ответами на наиболее часто задаваемые вопросы по тексту «Декларации» и действий митрополита Сергея: не является ли Временный Патриарший Священный Синод новым номером обновленческого Синода? Не заменяется ли патриаршее управление коллегиальным, как это было у обновленцев и григориан? Не соединяется ли Церковь вновь с государством? Не пошло ли новое церковное руководство на компромисс с обновленцами? Разъяснения архиепископа Феофана, напечатанные в листовке, должны были рассеять сомнения верующих. Первые отклики не предвещали грозы. Однако выходом «Декларации» не ограничились условия легализации, поставленные властью перед митрополитом Сергием. Среди них было жёсткое требование возобновить поминование властей и внесение корректив в церковную кадровую политику. Как известно, поминование властей по формуле «о стране Российской и властех ея» было введено патриархом Тихоном ещё осенью 1923 года, не получив тогда повсеместного распространения.

Спустя четыре года митрополит Сергей лишь напоминал о необходимости соблюдения Указа почившего патриарха. Касаемо же кадровой политики следует подчеркнуть, что митрополит Сергей согласился

переводить тех епископов, которых власти не пускали в их кафедральный город, в другую епархию, туда, куда въезд им был разрешён.

Соответственно, и поминование этих епископов на их прежних кафедрах прекращалось. Ранее такое поминование воспринималось верующими как горькое напоминание властям об их незаконных действиях.

Попытки упорядочить внутреннюю жизнь Церкви, привести епархиальное управление в согласие с каноническими нормами стали поводом для возникновения оппозиционного по отношению к митрополиту Сергию движения. Начался иосифлянский раскол. Группа архиереев во главе с митрополитом Иосифом (Петровых) пошла на отделение от митрополита Сергия. Отделились также временный управляющий Воронежской епархией епископ Козловский Алексей (Буй) и управляющий Воткинской епархией епископ Глазовский Виктор (Островидов).

В декабре 1927 года митрополит Сергей оценивал эту ситуацию так: «Перемещение епископов — явление временное, обязанное своим происхождением в значительной мере тому обстоятельству, что отношения нашей церковной организации к гражданской власти до сих пор оставались неясными. Согласен, что перемещение часто удар, но не по Церкви, а по личным чувствам самого епископа и паствы, но, понимая чрезвычайность положения и усилия многих разорвать церковное тело тем или иным путём, и епископ и паства должны пожертвовать своими личными чувствами во имя блага общецерковного» (Русские патриархи 1999: 265).

Что же касается обвинения митрополита Сергия в устранении молений за сущих в темнице, то в том же ответе делегации Петроградской епархии он продолжил: «Устранено не моление за сущих в темницах и пленении (в ектении оно осталось), а только то место, которым о.о. (отцы) протодиаконы в угоду известным настроениям иногда злоупотребляли, превращая молитвенное возгласие в демонстрацию; ведь у нас литургия верных совершается не при закрытых дверях, как в древности, а публично и потому подлежит правилам о публичных собраниях»⁵.

Сегодня трудно себе представить, какому уровню цинизма власти ему приходилось противостоять...

6 февраля 1928 года с письмом к владыке Сергию обратился митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский); кроме него поставили свои подписи архиепископ Угличский Серафим (Самойлович), архиепископ Ростовский Евгений (Кобранов), митрополит Иосиф, бывший

5 ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 73. Л. 216.

тогда в Ярославле, и архиепископ Варлаам (Ряшенцев). Архиереи осудили Заместителя Местоблюстителя за неоправданное перемещение епископов, часто вопреки желанию их и паствы, и заявили о своём отделении от него.

Владыка Сергей дважды писал митрополиту Агафангелу, умоляя его не делать этого, так как даже административный разрыв с ним равносильен расколу. Ответа не последовало. И только после предания Синодом митрополита Иосифа церковному суду с запрещением в священнослужении митрополит Ярославский Агафангел со своими викариями заявил, что не прерывают молитвенного общения с Заместителем Местоблюстителя, раскол не учиняют, но отказываются выполнять те распоряжения митрополита Сергея, которые смущают их совесть. Постановлением от 30 мая 1928 года Синод признал это заявление удовлетворительным и снял запрет с епископа Евгения и архиепископа Варлаама.

Была ещё одна группа архиереев, которые, не отвергая правомочности власти Заместителя Местоблюстителя, не принимали его позиции и также не поминали его имени, ограничиваясь только возношением имени Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Петра (Полянского). Такую позицию заняли митрополит Кирилл (Смирнов) и архиепископ Фёдор (Поздеевский) и епископы Арсений (Жадановский), Серафим (Звездинский), Афанасий (Сахаров), Григорий (Лебедев).

Отделившихся и не поминающих не устраивала «Декларация 1927 гора», далеко зашедшие компромиссы с властью, хотя большинство из них считало необходимым добиваться нормализации отношений Церкви и власти.

Была ещё многочисленная группа архиереев, потерявшая в тяжёлых условиях чувство духовного равновесия, не считавшая особенно важным сохранять церковные структуры, готовая уйти в катакомбы.

Встав на мученический путь унижения и страданий, митрополит Сергей желал одного: сохранить многомиллионную православную паству. И помощь ему в этом оказали такие выдающиеся церковные деятели, как Михаил (Ермаков), Никандр (Феноменов), Серафим (Чичагов), архиепископы Евгений (Зернов), Пётр (Зверев), епископы Николай (Ярушевич), Венедикт (Плотников).

Архиепископ Иларион (Троицкий) написал с Соловков осуждающее письмо тем, кто отделился от митрополита Сергея, упрекая их в расколе.

Но, несмотря на этот ряд позитивных моментов, церковные настроения в конце 20-х годов XX столетия приобретали всё более тревожный

характер. А впереди Церковь ждали новые репрессии и страдания, связанные в первую очередь со знаменитым сталинским тезисом о том, что по мере продвижения к социализму усиливается классовая борьба. Власть готовилась к окончательному физическому уничтожению Церкви...

1928 год стал переломным в истории России — страна становилась тоталитарным государством; роковым он стал и в отношениях Церкви с властью.

9 июня 1929 года II съезд Союза безбожников объявил о наступлении на религию. Тогда же в июне на Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б) было заявлено о беспощадной борьбе с Церковью. В ЦК партии было подготовлено специальное письмо «О мерах по усилению антирелигиозной работы», в котором чётко просматривались ближайшие планы, на основании которых Центральный совет союза воинствующих безбожников (ЦС СББ) принял решение провести не одну, а две «безбожные пятилетки». Задачи, которые поставил перед атеистами страны главный безбожник Е. М. Ярославский, сводились к следующему:

- развернуть состязание за полное обезбоживание фабрики, села, очищение их от всех остатков религиозного быта;
- организовать соревнование за количество проведённых антирелигиозных лекций, докладов, бесед;
- организовать соревнование за количество охваченных ими слушателей;
- соревноваться за повышение читаемости антирелигиозной литературы в библиотеках;
- соревнование за лучшее проведение антирелигиозных кампаний (за выход из религиозных общин, за отказ от приёма на дому попов и проповедников, за отказ от расходов на церковь);
- соревноваться за лучшее проведение безрелигиозных свадеб, похорон, октябрин и т. д.

Главный безбожник страны Ярославский должен был постоянно искать доказательства всепобеждающей силы антирелигиозного движения. То он называл цифру в 2 миллиона крестьян-безбожников в период раскулачивания, то предлагал довести число членов Союза воинствующих безбожников (СББ) за пятилетку до 10 миллионов человек. Правда, рапортовать XVI съезду ВКП(б) о 6 миллионах безбожников в стране он всё же не решился. Но, несмотря на вакханалию воинствующего атеизма в стране, руководители СББ на Всесоюзном совещании по антирелигиозной пропаганде в 1935 году вынуждены были признать, что миллионы

людей не потеряли веру, остаются членами религиозных общин, в то время как ячейки безбожников теряют своих членов. Правовое положение продолжало ухудшаться день ото дня.

Постановление ВЦИК СССР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 года и октябрьская инструкция НКВД 1929 года регламентировали религиозную жизнь в стране. Вновь отрицались все права Церкви как юридического лица. Нововведением стала обязательная регистрация религиозных объединений и их членов, а местные власти могли отказать в регистрации и тем, и другим без каких-либо объяснений. Церковная жизнь ограничивалась только богослужением в стенах храма. Запрещалось без разрешения власти проводить собрания верующих, назначать или избирать руководителей общин, пользоваться услугами государственных предприятий, типографий, организованно обучать детей религии, заниматься всеми видами благотворительности.

Ввиду отсутствия у Церкви прав юридического лица договоры о ремонте церковных зданий могли заключаться только индивидуально с членами приходов, которые попадали под статью о частном предпринимательстве, что влекло за собой резкое повышение налогообложения.

Духовенство и клир, лишённые избирательских прав или ограниченные в отдельных политических и гражданских правах, платили в государственную казну с 1930 года 75% с «нетрудовых доходов», к коим была причислена плата за отправление культа. Священников выселяли из квартир как «лишенцев». Ещё с 1928 года по той же причине для них была установлена непомерно высокая квартплата, которая оставалась такой до 1943 года включительно.

Ситуация в Советской России беспокоила мировую общественность, в Европе и Америке всё громче раздавались голоса протеста против гонений на Церковь в СССР. 2 февраля 1930 года папа римский Пий XI обратился к верующим мира с призывом молиться о спасении Русской Церкви. Заявление понтифика нарушило внешнеполитические планы руководства страны, которая готовилась вступить в Лигу Наций.

В этот же день, 2 февраля, в Нью-Йорке русская эмиграция устроила митинг протеста против погрома православных в Польше. На митинге было принято следующее заявление: «Мы, граждане и резиденты Соединённых Штатов, русские по происхождению и православные по вере, получили от своих родных из Польши сообщение, что там Римско-Католическая Церковь предъявила судебные иски об отобрании у православных пятисот храмов и монастырей, в том числе и древней русской

святыни Почаевской лавры <...> Попытка отобрать храмы напоминает русским о тех мрачных временах, когда паписты в Польше применяли жестокие насилия и притеснения против православного населения, принуждая его переменить веру. Мы знаем, что нет такого закона, по которому можно было бы отобрать имущество после столетнего спокойного, непрерывного и добросовестного владения. Но мы знаем также силу политического влияния римской курии. Наши родные в Польше опасаются <...> римско-католической церкви, стремящейся путём отобрания домов молитвы понудить православных признать власть папы. Эти опасения нам понятны, так как православный собор в Варшаве уже разрушен, а в провинции были случаи насильственного захвата православных церквей. Поэтому мы разделяем тревогу наших единомышленников в Польше, выражаем энергичный протест и призываем весь цивилизованный мир выразить осуждение этим новым религиозным преследованиям православных русских в Польше» (Васильева 2002: 131–137).

Советская власть реагировала на действия Ватикана жёстко. Пройдёт пять лет, и из Москвы как шпион будет выслан католический епископ Пий Неве. Но это будет позже, а пока работала разведка...

Из агентурных сведений от октября 1930 года: «“Коллегиум руссорум” при Ватикане передала непосредственно руководство работой по пропаганде католицизма в СССР французской католической церкви. Кадры католических проповедников для России готовят главным образом в Бельгии, откуда они нелегально переправляются в СССР через Польшу. Ещё до дипломатического зондажа Папы через своих представителей в ЧСР и других странах о возможности установить с Советским правительством дипломатические отношения и в своём роде “модус вивенди” (это было в 1928 г.) Папой был намечен в качестве своего нунция в СССР некто Фёдоров, русский католик. Этот Фёдоров в 27 году нелегально был переправлен польским ксендзом в Минск, где нелегально проживает до сих пор, являясь неофициальным папским агентом. Фамилия Фёдоров — настоящая» (Васильева 2004).

Леонид Фёдоров действительно был папским экзархом для католиков восточного обряда, и его нелегально-прозелитическая деятельность не могла не волновать власть. Срочно потребовалось опровержение того, о чём писала зарубежная печать.

Практическое осуществление этого мероприятия вновь было поручено Е. А. Тучкову. Он никогда не был ни первым, ни вторым, ни третьим

лицом во Всероссийской ЧК, но тем не менее в многочисленных чекистских сценариях ему отводились ведущие партии. Ни одна операция с его участием не провалилась, при этом акции могли проходить в различных регионах страны почти одновременно.

Начальник одного из отделений Секретно-политического отдела ОГПУ, он был рождён для антирелигиозных дел, участвовал в гонениях не только на Русскую Православную Церковь, но и на католическую Церковь, и на «Союз христианской молодежи», лидер которого И. Проханов после свидания с Тучковым в следственном изоляторе ОГПУ начал призывать братьев-баптистов не отказываться от воинской службы под ружьём.

Его хватало на всё и на всех. Он был причастен к акции снятия и переплавки на «пятаки» русских колоколов. Ему принадлежит термин «Истинно-православная церковь», которая сначала войдёт во все дела непоминающих, а затем станет историческим понятием. Очевиден его тесный контакт с «воинствующими безбожниками» Ярославским и Скворцовым-Степановым, подтверждены официальные связи со Смидовичем и другими государственно-партийными лидерами.

Е. А. Тучков предложил митрополиту Сергию выступить на пресс-конференции перед советскими и иностранными журналистами с опровержением мирового общественного мнения о гонении на Церковь в СССР. В ответ Заместитель Местоблюстителя выдвинул свои условия участия в фарсе: власть принимает требования митрополита о значительном облегчении существования духовенства и клира в безбожной России.

15 февраля 1930 года состоялась пресс-конференция митрополита Сергия (Страгородского) для советских корреспондентов. Вопросы, задаваемые ими, были схожи с теми, которые три дня спустя зададут иностранные журналисты.

Вечером 18 февраля состоялась пресс-конференция митрополита Сергия для иностранных корреспондентов. На ней присутствовали «Лаенс, Байндер и Милс — от Америки; Фишер — от Америки и Англии; Деус — от Америки и Германии; Штейн, Баум и Рененгоф — от Германии и Песса — от Италии⁶». За день до встречи они передали письменные вопросы митрополиту Сергию. Их интересовало следующее:

«1) Не будете ли Вы так добры и не пополните ли Вы сообщение об ухудшении положения церкви, сделанное Вами для Советской печати,

⁶ Архив ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 523. Л. 6.

статистическими данными о количестве прихожан в 1913 г., в первые годы революции и в 1929 г., также желательны данные относительно количества крестин, венчаний, похорон и вообще посещаемости Церкви за те же годы (1913, 1922 и 1929 гг.). Какое количество священников имеют приходы и совершают службы и какое имеется количество учащихся, получающих в данный момент богословское образование?

2) Как может церковь продолжать существовать ввиду политического, экономического и общественного положения священства и активных прихожан, а именно: их лишения, по которому им предстоит выселение, невозможность получения продовольственных карточек и, по последнему декрету, запрещение проживания в Москве.

3) Имеете ли вы ещё какие-нибудь доказательства и каково Ваше мнение относительно выступления 1) Папы Пия XI; 2) архиеп. Кентерберийского и др. не римско-католических деятелей церкви, имеющих не христианские цели: а) подорвать православие и б) нанести вред Советскому государству, как в пределах СССР, так и равно и за границей.

4) Объясните нам, пожалуйста, какой церковный Устав и какие полномочия имеет действующий синод, о котором Вы опять упоминаете, а также от имени какой части греко-православной Церкви Вы уполномочены действовать и говорить. В середине лета 1927 г. в своем сообщении в Советской печати Вы выражали надежды, что Вы и другие члены действующего Синода получите разрешение созвать Церковный Совет и основать законно избранный Синод. Был ли этот Совет создан и, если да, каковы были его результаты?

5) Каково Ваше отношение к административным мерам, принятым против православной церкви, как: 1) запрещение колокольного звона в Москве; 2) упразднение воскресений и других церковных праздников; 3) закрытие всех церквей, например — в Одессе, по постановлению Одесского Совета.

6) Какое количество священников было приговорено к тюремному заключению и к ссылке в 1929 году и за какие проступки?» (Русская Православная Церковь 2008: 263).

Здесь не случайно даются все вопросы полностью, так как они сами и ответы на них мало известны. Чаще цитируются ответы от 15 февраля, данные на конференции советским корреспондентам.

Ответы зарубежным корреспондентам реже, хотя они были напечатаны в «Известиях ЦИК и ВЦИК» № 49 (3896) 19 февраля 1930 года.

На первый вопрос митрополит Сергей ответил: «...Мы располагаем только цифровыми данными о так называемых “двадцатках”, которые составляют по советскому законодательству ядро религиозной общины, необходимое для регистрации этой общины как таковой <...> Количество прихожан составляет несколько десятков миллионов».

И далее митрополит подчеркнул: «Мы думаем, что безбожники преувеличивают свои успехи». (Эти слова, как и многие другие из этого интервью, никогда не цитируются оппонентами владыки.) «...количество приходов, принадлежащих нашей патриаршей Церкви, составляет около 30 000. Число священнослужителей гораздо больше, чем число приходов, так как в каждом приходе имеется от 1–3 священников и даже более. Все эти приходы находятся в духовном окормлении 163 архиереев (не считая епископов, пребывающих на покое).

Зап. Европа — м. Евлогий с подчинёнными епископами и духовенством, в Литве — м. Елевферий, в Японии — арх. Сергей, Китае — еп. Нестор.

Относительно учащихся считаем необходимым отослать к интервью, опубликованному в советской прессе 16 февраля с. г.»⁷ (тут стоит учитывать, что иностранные корреспонденты были неплохо осведомлены о положении Русской Церкви накануне октября 1917 года и могли сделать выводы о количестве закрытых храмов).

Что касается второго вопроса, то митрополит Сергей сделал упор на то, что Церковь в советском государстве существует на основании советского законодательства: «Что касается избирательных прав и других вопросов, связанных с Конституцией страны, которая является народным законом, обязательность которого для всех очевидна, то в этой области не произошло никаких изменений за последние годы.

...миллионы активных прихожан — трудящиеся, пользующиеся всеми правами, в том числе избирательными.

...случаи выселения отдельных священнослужителей в судебном порядке ничем не отличаются от выселения других граждан (невзнос квартплаты, невыполнение обязательных постановлений, из домов, подлежащих слому)»⁸.

Отвечать на третий вопрос митрополит не стал, отослав иностранных корреспондентов к уже напечатанному интервью.

⁷ Там же. Л. 2.

⁸ Там же.

Перед тем как ответить на четвёртый вопрос, митрополит Сергей обратился к присутствующим с вопросом: «Вы спрашиваете, на каком основании мы считаем папу врагом Православия. Как же нам думать иначе, если Католическая Церковь, возглавляемая папой, в одной только Польше за один только 1929 год насильственно отобрала у православных прихожан около 500 православных церквей, обратив их в католические костёлы?

Нам неизвестно, чтобы какие-нибудь епископы в Англии, Америке или другой стране выступали против этих насильственных действий католической церкви»⁹.

Ответ владыки на четвёртый вопрос, где он говорит о своих полномочиях, очень важен: «Мои личные канонические полномочия восприняты мною от законного местоблюстителя патриаршего престола. Синод же существует в соответствии с полномочиями того же Собора...

Что касается созыва Поместного собора, то подготовка к нему ведётся» (Русская Православная Церковь 2008: 264).

В ответе на вопрос о колокольном звоне и праздниках митрополит Сергей вновь делает упор на советском законодательстве о культах, подчёркивая излюбленный приём власти — «письма с мест»:

«Вам, иностранцам, вероятно, известно, что в ряде стран давно уже ограничен законом колокольный звон, в некоторых случаях даже совершенно запрещается. В некоторых местах СССР колокольный звон отменяется по желанию трудящегося населения. Мы не видим в этом решении ничего, что умаляло бы нашу религию.

Что касается религиозных праздников, то совласть, не соблюдая их в государственных и общественных учреждениях, отнюдь не препятствует празднованию их Церковью, и мы, празднуя их в своё время, не можем пожаловаться на отсутствие молящихся.

Переход на пятидневку и непрерывную неделю, по нашему наблюдению, мало отражается на посещаемости церквей. Ещё Господом нашим Иисусом Христом было сказано: «Не человек для субботы, а суббота для человека». О решении Одесского горсовета нам ничего не известно» (Русская Православная Церковь 2008: 264).

На шестой вопрос владыка отвечать не стал, отправив корреспондентов к ранее напечатанному ответу. Он говорил скупой и сжатой, постоянно подчёркивая существование Церкви в жёстких рамках Декрета 1918 года

⁹ Там же.

и Постановления 1929 года. И начал он со слов о том, что безбожники преувеличивают свои успехи, а в ходе проведения конференции неоднократно обращался к проблеме римского прозелитизма. В ответах митрополит Сергей также использовал эзопов язык.

Сразу же по окончании пресс-конференции владыка передал Тучкову «Памятную записку о нуждах Православной патриаршей Церкви в СССР для тов. Смидовича П. Е.», в тот момент занимавшего пост председателя Комиссии по делам религиозных культов при ЦИК СССР. Записка включала в себя 21 пункт, в которых митрополит Сергей изложил все нарушения имеющегося законодательства о культах. «Страховое обложение церквей, особенно в с/местностях, иногда достигает таких размеров, что лишает общину возможности пользоваться церковными зданиями. Необходимо снизить как оценку церковных зданий (отнюдь не приравнивая её к зданиям доходным), так и самый тариф страхового обложения» (Русская Православная Церковь 2008: 262).

Говоря о непомерных обложениях, митрополит привёл такие примеры принудительных сборов: «на тракторизацию, индустриализацию, на покупку облигаций госзаймов и т. п. За неимением у церквей хозяйства налог, естественно, падает на членов религиозной общины, является, таким образом, как бы особым налогом за веру, сверх других налогов, уплачиваемых верующими наравне с прочими гражданами» (Русская Православная Церковь 2008: 262).

Митрополит Сергей просил не приравнивать церковных старост, сторожей и других лиц, обслуживающих местный храм, к кулакам и не облагать их усиленными налогами. Эта практика была распространена по всей стране.

Далее он продолжал: «Необходимо разъяснить, чтобы представители прокуратуры на местах в случае обращения к ним православных общин или духовенства с жалобами не отказывали им в защите их законных прав при нарушении их местными органами власти или какими-либо организациями» (Русская Православная Церковь 2008: 262).

Говоря о закрытии храмов, митрополит Сергей считал, что решающим должно быть «...не желание неверующей части населения, а наличие верующих, желающих и могущих пользоваться данным зданием, чтобы православный храм по ликвидации одной общины мог быть передан только православной же общине, если в наличии есть достаточное количество желающих образовать такую общину, и чтобы по упразднении храма /от каких <бы> причин оно ни зависело/ членам православной

общины предоставлено было право приглашать своего священника для исполнения всех их семейных треб у себя на дому» (Русская Православная Церковь 2008: 262).

Основная часть «Записки» освящает положение духовенства в Советской стране. Митрополит Сергей высказывает свои условия власти для облегчения жизни и деятельности священства: не приравнивать их «к нетрудовому элементу, а тем более к кулакам», вернуть священство, как это было раньше, к лицам свободных профессий. Не назначать произвольного налогообложения, не облагать продуктами (зерном, дичью, маслом) священников, не занимающихся сельским хозяйством. За неплату налогов у духовенства описывалось всё имущество. Митрополит требует оставлять «законный минимум обстановки, одежды, обуви и пр.» (Русская Православная Церковь 2008: 262).

Произвольно и часто издевательски назначалась местными властями трудовая повинность для духовенства. Так, например, престарелому священнику «села Люк Вотской области наложено срубить, распилить и расколоть 200 кубов дров» (Русская Православная Церковь 2008: 262).

Притеснениям и унижениям подвергались дети духовенства. Митрополит Сергей настаивает на разрешении «учиться в школах 1 и 2 ступени, и чтобы из них, кто с осени 1929 года уже были зачислены в состав студентов ВУЗа, не изгонялись за одно своё происхождение, а изгнанным предоставлено было право закончить своё образование» (Русская Православная Церковь 2008: 262).

Говоря о богословском образовании, митрополит Сергей напоминает власти о своём ходатайстве лета 1920 года «об открытии в Ленинграде Высших Богословских курсов Православной Патриаршей церкви. Весьма желательно получить удовлетворение этого ходатайства, хотя бы в целях уравнивания нашего церковного течения с обновленчеством, у которого есть академии» (Русская Православная Церковь 2008: 262).

Для церковной жизни необходимо было периодическое издание, о котором митрополит говорил с властями не один раз. Не обошёл он этот вопрос и в «Памятной записке»: «Давно чувствуется потребность иметь в Патриархии какое-нибудь периодическое издание, хотя бы в виде ежемесячного бюллетеня для печатания распоряжений, постановлений, посланий и пр. Центральной Церковной власти, имеющее общественный интерес» (Русская Православная Церковь 2008: 262).

Документ заканчивался просьбой сохранить за Церковью те права, какие уже были предоставлены ранее: «Ввиду газетных статей

о необходимости пересмотра Конституции СССР в смысле совершённого запрещения религиозной пропаганды и дальнейших ограничений церковной деятельности П Р О С И М защиты и сохранения за Православной Церковью тех прав, какие предоставлены ей действующими законоположениями СССР (подчёркнуто в док. — О. В.)» (Русская Православная Церковь 2008: 262).

Из всех просьб митрополита Сергия власть удовлетворила одну: разрешено было издавать «Журнал Московской Патриархии», который выходил нерегулярно, потом был закрыт и вновь стал издаваться с 1943 года.

Реакция на выступление митрополита на конференции части духовенства в России и за границей была отрицательной. В защиту Заместителя Патриаршего Местоблюстителя выступил митрополит Евлогий (Георгиевский), подчеркнув, что если бы позиция митрополита Сергия оказалась церковно преступной, то все верующие услышали бы голос Местоблюстителя Петра из заключения.

Правда, митрополит Пётр многое из деятельности владыки Сергия воспринимал критически, не видя при этом иной формы общения Церкви с государством, нежели той, которую осуществлял митрополит Сергий.

Сейчас трудно сказать, на что надеялся владыка, передавая своё послание через Тучкова Смидовичу. Верил ли он в успех? Вряд ли. Но он знал, что с пути, им выбранного, он не сойдёт. Будет использовать любую возможность, чтобы, идя через унижения по своему мученическому пути, сделать всё возможное для Церкви.

Возникает вопрос: почему митрополит Сергий и дальше продолжал идти по предначертанному пути, видя, что долгожданного облегчения для Церкви и духовенства не наступает. Вопреки всему, он продолжает церковно-каноническую деятельность.

На страницах ежемесячного «Журнала Московской Патриархии» (начал выходить с декабря 1931 года по 1935 год, вышло всего 16 номеров) особенно важны четыре богословские статьи митрополита Сергия, признанного богослова XX века: «Отношения Церкви Христовой к отделившимся от неё обществам» (№ 2–4), «Значение апостольского преемства в инославии» (№ 23–24), «Почитание Божией Матери по разуму Святой Православной Церкви» (№ 11–12) и «Воскресения Лазаря» (№ 16–17).

Ничто так ярко не характеризует те дни, как конкретные дисциплинарно-канонические постановления, которые принимались священноначалием. На массовые аресты епископов в 20-е годы Церковь ответила массовыми хиротониями, что породило ряд проблем вплоть до появления

епископов-самозванцев, и понижением уровня богословско-канонической подготовленности новых архиереев, многие из которых не проходили академической школы. Поэтому столь большое место в синодальных определениях, которые печатались в журнале, отводилось мотивировке принимаемых решений «разъяснить преосвященному ... что...». Некоторые определения Священного Синода превращались в настоящие богословские экскурсы.

Основная цель канонических решений митрополита Сергия была высказана в определении от 24 декабря 1930 года за № 252 (№ 4): «Часто забывается основное начало духовной жизни христианина: рассуждение... Рассуждение является наиболее характерной чертой, отличающей практику Святой Церкви от практики отделившихся от Церкви обществ» (Русская Православная Церковь 2008: 270).

По его мнению, все решения в Церкви должны приниматься не формально, исходя из фиксированных и неизменных правил, а сообразуясь с духом евангельского учения, в чём и состоит проявление подлинной церковности. И эта его богословско-каноническая деятельность происходила в условиях усиливающихся гонений на веру и верующих. Но митрополит продолжал свой путь, который не понимали и не хотели понимать многие его современники. Ответ на многие вопросы дал наш выдающийся соотечественник Н. А. Бердяев в статье «Вопль Русской Церкви» (он написал её вскоре после публикации «Декларации» 13 сентября 1927 года): «Нужно, наконец, до конца понять великую разницу в положении Православной Церкви в России и в эмиграции. Православная Церковь в России есть Церковь мученическая, проходящая свой крестный путь до конца. Православная Церковь в эмиграции не мученическая церковь, её епископы не знают, что такое мученичество, они в прошлом привыкли к господствующему и привилегированному положению в государстве, а за границей живут в атмосфере свободы. Это есть заметное для всех различие в положении. Но есть другое различие, которое не все принимают. Православная Церковь в России жертвенна в совсем ином смысле и претерпевает нравственное мученичество, неведомое и часто непонятное для церковных кругов эмиграции. Православная Церковь в России в лице своих водительствующих иерархов должна совершать жертву своей видимой красотой и чистотой, она нисходит в мир, находящийся в состоянии смертного греха. Жертва эта совершается во имя спасения Православной Церкви и церковного народа в России, во имя охранения её в эти страшные годы испытаний. <...>

Патриарх Тихон, митрополит Сергей — не отдельные, частные лица, которые могут думать только о себе. Перед ними всегда стоит не их личная судьба, а судьба Церкви и церковного народа как целого. Они могут и должны забывать о себе, о своей чистоте и красоте и говорить лишь то, что спасительно для Церкви. Это есть огромная личная жертва. Её принёс патриарх Тихон, её приносит митрополит Сергей. Некогда эту жертву принёс Св. Александр Невский, когда ездил в Ханскую Орду.

Отдельный человек может предпочесть личное мученичество. Но не таково положение иерарха, возглавляющего Церковь, он должен идти на иное мученичество и принести иную жертву» (Русская Православная Церковь 2008: 266).

Эти слова Н. А. Бердяев написал почти 100 лет назад, осознав всю силу жертвенности митрополита Сергия, сравнивая его со св. Александром Невским. И думается, что прошедшее столетие убедило многих в необходимости почитания его мученического подвига.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Васильева О. Ю. Жребий митрополита Сергия (от «Декларации» до «Памятной записки») // Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского института, 30 янв. — 1 февр. 1997 г. — М. : Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 1997. — С. 174–186.

Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь и Второй Ватиканский собор. — М. : Лепта-пресс, 2004. — 382 с.

Васильева О. Ю. Февральская пресс-конференция митрополита Сергия иностранным корреспондентам: историческое наследие и материал для исторического осмысления // Альфа и Омега. — 2002. — № 3. — С. 131–137.

Русская Православная Церковь. XX век. — М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2008. — 800 с.

Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. — М. : Изд-во РАГС, 1999.

Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России. — М. : Благовест, 2013. — 512 с.

Сведения об авторе:

Ольга Юрьевна Васильева — доктор исторических наук, профессор, академик Российской академии образования, Президент Российской академии образования, 119121, Россия, Москва, ул. Погодинская, 8.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 13.02.2024; одобрена после рецензирования 22.02.2024; принята к публикации 29.02.2024.

O. Yu. Vasilieva

RUSSIAN ACADEMY OF EDUCATION,
MOSCOW, RUSSIA

Metropolitan Sergius (Stragorodsky): Ministry and Destiny

Abstract. The article delves into the biography of the future Patriarch Sergius (Stragorodsky) and the circumstances of his life that shaped the personality of the primate, making him one of the most prominent church figures of the twentieth century. The article examines the principal milestones of his pastoral ministry, theological contributions, missionary efforts, and administrative endeavors undertaken for the benefit of the Church. The article also outlines the circumstances surrounding Metropolitan Sergius' dramatic involvement in the Renovationist schism and his eventual departure from it through a public act of repentance. The focus of the article is the history of relations between the Russian Orthodox Church and the Soviet government in the 1920s and 1930s, with Metropolitan Sergius playing a pivotal role as one of the key participants. The most challenging period for the Church in the twentieth century was the span from 1925 to 1943, marked by the absence of patriarchal authority and characterized by numerous intrigues and administrative pressure from the Bolshevik government. The article argues that the policy of Metropolitan Sergius was a direct continuation of the path that Patriarch Tikhon embarked on in the last years of his tenure. The author of the article concludes that Metropolitan Sergius deliberately chose a compromise with the authorities, embracing the path of martyrdom and self-abasement for the sake of preserving the Church. In 1927, Metropolitan Sergius, along with members of the convened Provisional Patriarchal Holy Synod, signed the "Message to Pastors and Believers", which served as a memorandum of the Church's political loyalty to the Soviet government. The article pays significant attention to Sergius'

press conference in front of Soviet and foreign journalists, which served as a response to numerous accusations leveled against the Soviet government for its oppression of the Church. The author of the article concludes that Metropolitan Sergius' ministry is primarily characterized by martyrdom. Consciously opting for personal dishonor to safeguard the Church stands as a genuine act of courage by Patriarch Sergius, an undeniable merit appreciated by all believers.

Keywords: Patriarch Sergius (Stragorodsky), Persecution of the Church, Declaration of 1927, Press Conference of 1930, Solovetsky Bishops, Repressions against the Episcopate, Appeal to Soviet Authorities, Metropolitan Peter (Polyansky)

For citation: Vasilieva, O. Yu. (2024). Metropolitan Sergius (Stragorodsky): Ministry and Destiny. *Orthodoxia*, (2), 10–45. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-2-10-45

REFERENCES:

Vasilieva, O. Yu. (1997). Zhreby mitropolita Sergiia (ot “Deklaratsii” do “Pamiatnoi zapiski”) [The Lot of Metropolitan Sergius (from the “Declaration” to the “Memorial Note”)]. In *Ezhegodnaia Bogoslovskaiia konferentsiia Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo instituta*, 30 ianv. — 1 fevr. 1997 g. (pp. 174–186). Moscow : Izd-vo Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo Bogoslovskogo instituta. [In Russian].

Vasilieva, O. Yu. (2004). *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' i Vtoroi Vatikansky sobor* [The Russian Orthodox Church and the Second Vatican Council]. Moscow : Lepta-press, 2004. [In Russian].

Vasilieva, O. Yu. (2002). Fevral'skaia press-konferentsiia mitropolita Sergiia inostrannym korrespondentam: istoricheskoe nasledie i material dlia istoricheskogo osmysleniia [February Press Conference of Metropolitan Sergius to Foreign Correspondents: Historical Heritage and Material for Historical Understanding]. *Al'fa i Omega*, (3), 131–137. [In Russian].

Russkaia Pravoslavnaia Tserkov'. XX vek [The Russian Orthodox Church. XX Century]. (2008). Moscow : Izd-vo Sretenskogo monastiria. [In Russian].

Russkie patriarkhi XX veka. Sud'by Otechestva i Tserkvi na stranitsakh arkhivnykh dokumentov [Russian Patriarchs of the Twentieth Century.

The Fate of the Fatherland and the Church on the Pages of Archival Documents]. (1999). Moscow : Izd-vo RAGS. [In Russian].

Sviatitel' Tikhon, Patriarkh Moskovsky i vseia Rossii [St. Tikhon, Patriarch of Moscow and All Russia]. (2013). Moscow : Blagovest. [In Russian].

About the author:

Olga Yurevna Vasilieva — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, President of the Russian Academy of Education, 8, Pogodinskaia str., Moscow, Russia, 119121.

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 13.02.2024; approved after reviewing 22.02.2024; accepted for publication 29.02.2024.

Архиепископ Савва (С. А. Тутунов)

УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ,
МОСКВА, РОССИЯ

Патриарх Сергей и патриарше-соборный строй

Аннотация. В статье раскрывается положительная роль патриарха Сергея (Страгородского) как преемника патриарха Тихона (Беллавина) в деле восстановления в России патриарше-соборного строя управления Русской Православной Церковью. Экклезиологически-административный порядок жизни Церкви был нарушен при Петре I, институт патриаршества получил возможность возродиться на короткое время только после революции 1917 года, но этот процесс был прерван действиями уже новой, большевистской власти. Оказавшись после 1925 года кормчим Церкви, Местоблюститель Патриаршего престола Сергей продолжил возрождать канонический административный церковный строй в условиях жесточайшего давления государственной власти, в том числе преодолевать обновленческий раскол, укреплять церковную дисциплину, восстанавливать порядок совершения богослужений. Положительным итогом этих трудов стало второе возрождение института патриаршества, которое произошло во время Великой Отечественной войны на Архиерейском Соборе 1943 года. Труды патриарха Сергея заложили фундамент для дальнейших этапов восстановления патриарше-соборного строя управления Церковью в 1945 году и 1988 году.

Ключевые слова: патриарх Сергей (Страгородский), патриаршество, церковные Соборы, патриарше-соборный строй

Для цитирования: Савва (Тутунов С. А.), архиеп. Патриарх Сергей и патриарше-соборный строй // Ортодоксия. — 2024. — № 2. — С. 46–53. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-2-46-53

«Орёл петровского, на западный образец устроенного самодержавия выклевал ... русское православное сердце. Святотатственная рука нечестивого Петра свела первосвятителя Российского с его векового места в Успенском соборе. Поместный Собор Церкви Российской от Бога данной ему властью снова поставит Московского Патриарха на его законное неотъемлемое место» (Документы Священного Собора Православной Российской Церкви ... 2015: 614), — так жёстко в 1917 году священномученик Иларион (Троицкий) охарактеризовал церковную реформу императора Петра I, на два века упразднившую патриаршество в Православной Российской Церкви.

Не вдаваясь здесь в оценку государственной, экономической или военной политики первого российского императора, подчеркнём, вслед за Святейшим Патриархом Кириллом, что «время Петра I принято считать началом секулярного эксперимента в России — преобразований, результатом которых стало привнесение в жизнь нашего народа разделения на церковное и светское, религиозное и секулярное. С прямым подчинением Церкви государственному аппарату была принята в каком-то смысле совсем чуждая и нетрадиционная для нашего народа модель отношений, которая, впрочем, считалась тогда “самой прогрессивной”»¹.

В своём выступлении на Поместном Соборе 1917–1918 годов священномученик Иларион не ограничился красочной и эмоциональной характеристикой патриаршества, отражающей каноническое правосознание русского народа. Священномученик Иларион дал и пространное

¹ Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на X Парламентских встречах в Совете Федерации ФС РФ 17 мая 2022 года // Патриархия.ru. — 2022. — 17 мая. — URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5926129.html> (дата обращения: 17.03.2024).

историко-каноническое обоснование необходимости восстановления патриарше-соборного строя управления Церковью². Дело в том, что петровской церковной реформой вместе с патриаршеством был фактически упразднён и соборный строй. И хотя действовавший с 1721 по 1917 год Святейший Правительствующий Синод являлся собранием епископов, он по своему порядку управления был более коллегией, чем малым собором. Церковные Соборы, отражающие, равно как и Земские Соборы, восприятие правосознанием русского народа общенародного управления, возглавляемого самодержавием, на протяжении почти двух веков не созывались.

Но вернёмся к 1917 году. Всероссийский церковный Собор восстановил патриарше-соборный строй управления, определив, что: «В Православной Российской Церкви высшая власть — законодательная, административная, судебная и контролирующая — принадлежит Поместному Собору, периодически, в определённые сроки созываемому, в составе епископов, клириков и мирян. Восстанавливается Патриаршество, и управление церковное возглавляется Патриархом. Патриарх является первым между равными ему епископами. Патриарх вместе с органами церковного управления подотчётен Собору» (Собрание определений и постановлений Священного Собора 1994). Это определение было весьма консервативным (революционные власти сказали бы «реакционным»), ведь вся первая половина 1917 года проходила под знаком «церковной революции». В эти месяцы на некоторых весьма представительных церковных собраниях предлагалось выстроить церковное управление едва ли не по образцу советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Оговоримся, что Собор 1917–1918 годов напрасно ругают «либеральным», как напрасно и превозносят в качестве «идеального». Собор был живым организмом, действовавшим в определённом историческом и идейном контексте. Некоторые формулировки Собора носят на себе след упомянутой выше «церковной революции», поскольку часть проектов документов Собора пришла именно из «революционных» разработок. Однако Собор явил отказ от духа и устремлений этой «революции»³, в корне поменяв упомянутые проекты (например, принципиально отказавшись от выборности приходского духовенства, причём дважды, поскольку это решение было опротестовано). К слову, некоторые из формулировок Собора в 1988 году вошли

² С полным текстом можно ознакомиться в уже упомянутом издании (Документы Священного Собора Православной Российской Церкви ... 2015: 607–614) или, к примеру, по ссылке: URL: https://bogoslav.ru/journal_article/177984/ (дата обращения: 17.03.2024).

³ См. об этом в моей монографии: (Савва (Тутунов), игумен 2011: 369–373).

в Устав Русской Православной Церкви, разработанный под руководством нынешнего патриарха — тогда митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла.

В том числе в противовес желаниям «церковных революционеров» Собор 1917–1918 годов восстановил подлинный патриарше-соборный строй.

5 (18) ноября 1917 года Патриархом Московским и всея России (в то время титул звучал именно так) был избран митрополит Тихон (Беллавин), возведённый на Патриарший престол 21 ноября (4 декабря) того же года, в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. На недолгие годы патриаршества святителя Тихона пришлось начало тяжелейшего времени для Церкви, встретившейся с ненавистью большевистской власти.

7 апреля 1925 года патриарх скончался.

И вновь «святотатственная рука» власти повторно лишила Русскую Православную Церковь патриарше-соборного управления, на сей раз действуя не из соображений западного секуляризма, как то было в эпоху петровских реформ, а из устремлений откровенно богоборческих. Советская власть, конечно, не имела формально-правовой возможности изменить церковный строй, поскольку сама провозгласила принцип отделения Церкви от государства. Однако последовательная репрессивная политика, в том числе аресты и расстрелы архиереев, клириков, монахов и мирян; политика поддержки обновленческого раскола в качестве альтернативной «церкви» (одна из его задач — разрушение идеи патриаршества) фактически привели к невозможности проведения Соборов, в том числе для избрания патриарха. Большинство оставшихся в живых архиереев находились в заключении. К началу Великой Отечественной войны на свободе оставалось всего пять действующих архиереев.

После кончины святителя Тихона фактически управлять Русской Православной Церковью, насколько это было возможно, стал заместитель Местоблюстителя Патриаршего престола (позднее Местоблюститель) митрополит Сергей (Страгородский) и действовавший Временный Патриарший Синод. Сохранялась хотя бы некоторая видимость сочетания Патриаршей (в лице Местоблюстителя) и Соборной (в лице Синода) власти. Период совместной работы Временного Патриаршего Синода и митрополита Сергея можно назвать одним из самых плодотворных с точки зрения упорядочения церковного управления с учётом, конечно, тех ограничивающих условий, в которых жила Церковь. Решения митрополита Сергея и Временного Синода, публиковавшиеся в Журнале Московской Патриархии в его первый период существования с 1931 по 1935 год, до сих пор являются

интереснейшим источником церковного права и рассуждений о правоприменении. Эти решения касались порядка уврачевания обновленческого раскола, церковной дисциплины, порядка совершения богослужений. Урегулирование подобных вопросов церковной жизни, с одной стороны, было пределом тех возможностей церковного администрирования, который предоставлялся действовавшей в то время высшей церковной власти. С другой стороны, не в этом ли состоит значительная часть той стороны архиерейского служения, которая относится к администрированию (которым это служение конечно же не ограничивается)? Не в одних лишь ведь указах о назначениях и награждениях состоит администрирование, но в том, чтобы вникать в, казалось бы для постороннего человека, порой частные вопросы церковной жизни.

Однако в 1935 году — в середине «безбожной пятилетки» — Синод был упразднён. Формально — указом митрополита Сергия по причине невозможности регулярного приезда составлявших его архиереев. Но очевидно, что без прямого давления со стороны власти здесь не обошлось.

Как управлялась Церковь с 1925 по 1943 год, какие возникали по этому поводу разделения, какие тому дают оценки историки — предмет другой статьи. Мы же перейдём к Собору 1943 года — первому после 1918 года Собору Русской Православной Церкви.

С началом Великой Отечественной войны Русская Православная Церковь получила некоторые послабления (правда, довольно временные: вскоре после завершения Великой Отечественной войны репрессивно-ограничительная политика возобновилась). В частности, несколько архиереев были освобождены из заключения, а митрополит Сергий получил возможность избрать некоторое число епископов и совершить их хиротонии в сослужении с пребывающими в Москве архиереями.

В 1943 году состоялась знаменитая встреча находившихся в Москве иерархов Русской Православной Церкви с И. В. Сталиным, результатом которой стал в том числе созыв Собора из 19 архиереев (всех, являвшихся на тот момент правящими), срочно привезённых властями в Москву.

8 сентября 1943 года Собор избрал митрополита Сергия патриархом. Таким образом, в результате трудов митрополита Сергия была восстановлена структура патриарше-соборного строя Русской Православной Церкви. Более формального, зафиксированного в уставе Русской Православной Церкви, восстановления этого строя патриарх Сергий не дождался. Его пребывание на Патриаршем престоле оказалось недолговременным: 15 мая 1944 года он скончался.

Однако уже Поместный Собор 1945 года, собравшийся для избрания его преемника и состоявший во многом из его единомышленников или учеников, принял Положение об управлении Русской Православной Церковью. Документ, впрочем, далёкий от совершенства (например, лишь постулирующий возможность созыва Соборов «с разрешения Правительства»), но хотя бы формально восстанавливавший патриарше-соборный строй, применительно к тем возможностям, которые Русская Православная Церковь имела в то время.

А для полноценного восстановления патриарше-соборного строя пришлось дожидаться 1988 года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. — Т. 5. — М., 2015. — 925 с.

Савва (Тутунов С. А.), игум. Епархиальные реформы : круглый стол по религиозному образованию и диаконии : дискуссии в Православной Российской Церкви начала XX века : Поместный Собор 1917–1918 гг. и предсоборный период. — М. : Духовная библиотека, 2011. — 495 с.

Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. — Вып. 1–4. — М. : Новоспас. монастырь, 1994. — 186 с.

Сведения об авторе:

Архиепископ Савва (С. А. Тутунов) — кандидат богословия, архиепископ Зеленоградский, викарий Святейшего Патриарха Московского и всея Руси, заместитель управляющего делами Московской Патриархии, 115191, Россия, Москва, ул. Даниловский Вал, 22.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 07.02.2024; одобрена после рецензирования 15.02.2024; принята к публикации 21.02.2024.

Archbishop Savva (S. A. Tutunov)

DEPARTMENT OF AFFAIRS OF THE MOSCOW PATRIARCHATE,
MOSCOW, RUSSIA

Patriarch Sergius and the Patriarchal Conciliar System

Abstract. The article highlights the positive role of Patriarch Sergius (Stragorodsky) as the successor of Patriarch Tikhon (Bellavin) in the restoration of the patriarchal conciliar system of governance within the Russian Orthodox Church in Russia. Ecclesiological and administrative regulation of the Church's life was disrupted under Peter the Great. The institution of the patriarchate briefly revived after the 1917 revolution, but this process was interrupted by the actions of the new Bolshevik government. Becoming the helmsman of the Church after 1925, Sergius, as the locum tenens of the patriarchal see, continued to revive the canonical administrative church system despite severe pressure from state authorities. This included overcoming the renovationist schism, strengthening church discipline, and restoring the order of worship. These efforts resulted in the second revival of the institution of the Patriarchate, which occurred during the Great Patriotic War at the Bishops' Council in 1943. Patriarch Sergius' works laid the foundation for subsequent stages in the restoration of the patriarchal conciliar system of Church administration in 1945 and 1988.

Keywords: Patriarch Sergius (Stragorodsky), the patriarchate, church councils, the patriarchal conciliar system

For citation: Savva (Tutunov, S. A.), Archbishop. (2024). Patriarch Sergius and the Patriarchal Conciliar System. *Orthodoxia*, (2), 46–53. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-2-46-53

REFERENCES:

Dokumenty Sviashchennogo Sobora Pravoslavnoi Rossiiskoi Tserkvi 1917–1918 godov [Documents of the Holy Council of the Orthodox Russian Church of 1917–1918] (Vol. 5). (2015). Moscow. [In Russian].

Savva (Tutunov S. A.), Hegumen. (2011). *Eparkhial'nye reformy : kruglyi stol po religioznomu obrazovaniu i diakonii : diskussii v Pravoslavnoi Rossiiskoi Tserkvi nachala XX veka : Pomestnyi Sobor 1917–1918 gg. i predsobornyi period* [Diocesan reforms : a Round Table on Religious Education and Deaconry : Discussions in the Orthodox Russian Church of the Early Twentieth Century : The Local Council of 1917–1918 and the Pre-Council Period]. Moscow : Dukhovnaia biblioteka. [In Russian].

Sobranie opredeleny i postanovleny Sviashchennogo Sobora Pravoslavnoi Rossiiskoi Tserkvi 1917–1918 gg. [The Collection of definitions and resolutions of the Holy Council of the Orthodox Russian Church of 1917–1918] (Vol. 1–4). (1994). Moscow : Novospas. monastyr'. [In Russian].

About the author:

Archbishop Savva (S. A. Tutunov) — Candidate of Theology, Archbishop of Zelenograd, Vicar of His Holiness the Patriarch of Moscow and All Rus', Deputy Managing Director of the Moscow Patriarchate, 22, Danilovsky Val str., Moscow, Russia, 115191.

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 07.02.2024; approved after reviewing 15.02.2024; accepted for publication 21.02.2024.

Протоиерей В. А. Цыпин

МЕЖСОБОРНОЕ ПРИСУТСТВИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ,
МОСКВА, РОССИЯ

Патриарх Московский и всея Руси Сергей и Советское государство

Аннотация. На исходе 1925 года должность Заместителя Патриаршего Местоблюстителя занял митрополит Нижегородский Сергей. Он взял на себя задачу сформулировать позицию Церкви по отношению к государственной власти. Её аутентичным выражением стал проект «Обращения», который был отвергнут правительством, а его автор арестован. После освобождения митрополит Сергей вместе с Синодом издал Послание, названное в публицистике «Декларацией». В ней подчёркивалась лояльность духовенства и православного народа Советскому государству. Некоторые священнослужители выступили с критикой «Декларации», но значительное большинство епископата, духовенства и церковного народа с пониманием отнеслось к её изданию. В конце 1936 года в связи с ложным сообщением о кончине Местоблюстителя Петра в должность Местоблюстителя вступил митрополит Сергей. В действительности священномученик Пётр был тогда ещё жив, но в октябре 1937 года его расстреляли. 1937 год стал апогеем террора. Новый удар обрушился на Православную Церковь. 1 сентября 1939 года началась Вторая

мировая война. В результате продвижения границ Советского государства на запад Московская Патриархия получила возможность реально управлять епархиями Прибалтики, Западной Белоруссии, Западной Украины и Молдавии. На новых территориях церкви закрывались уже лишь в порядке исключения. 22 июня 1941 года Германия напала на СССР — Местоблюститель в первый день войны составил Послание, в котором благословил православный народ на защиту Отечества. С октября 1941 года по август 1943 года Патриархия находилась в Ульяновске. После её возвращения в Москву в Кремле состоялась встреча Сталина и Молотова с митрополитами Сергием, Алексием и Николаем. На встрече было дано разрешение на созыв Архиерейского Собора, важнейшим деянием которого стало избрание Сергия Патриархом Московским и всея Руси. Патриарх Сергий скончался 15 мая 1944 года.

Ключевые слова: патриарх Сергий (Страгородский), Советское государство, церковно-государственные отношения

Для цитирования: Цыпин В. А., прот. Патриарх Московский и всея Руси Сергий и Советское государство // Ортодоксия. — 2024. — № 2. — С. 54–79. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-2-54-79

Открывая памятник патриарху Сергию (Страгородскому) на его родине в Арзамасе, Святейший Патриарх Кирилл сказал, что труды свои он «осуществлял в самое тяжёлое за всю историю Русской Православной Церкви время. Как Предстоятель Церкви, он столкнулся с такими трудностями, с которыми не сталкивался никто иной, потому что речь шла о самом существовании православной веры на Руси»¹.

3 марта 1917 года политические интриганы либеральной ориентации и изменившие присяге высшие военачальники, воспользовавшись беспорядками и солдатским мятежом в Петрограде, принудили святого императора Николая II к отречению от престола, повергнув страну в хаос, в смуту, в одну из самых опасных катастроф в истории России. Нежизнеспособное Временное правительство, идеологические установки которого, заимствованные на Западе, не имели почвы в ментальности

¹ Цит. по: Великая миссия патриарха Сергия (Страгородского) // Парламентская газета. — 2023. — 12 сентября. — URL: dzen.ru/a/ZP-AiEDKEHCmuXvF. (дата обращения: 15.02.2024).

русского народа, обречено было на провал. Срыв революционного процесса в предельно радикальную фазу стал неизбежным: в октябре 1917 года в Петрограде власть перешла к большевикам, попытка оказать им сопротивление в Москве была подавлена.

В разгар смуты открылся Поместный Собор, важнейшее решение которого — о восстановлении патриаршества — принято было сразу после того, как из Петрограда пришло известие о низложении Временного правительства. 20 января (2 февраля) 1918 года Совнарком издал «Декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви». Православная Церковь, которая по законам Российской империи имела статус «господствующего исповедания», согласно «Декрету», оказалась наравне с другими конфессиями, хотя и не вне закона, но в положении крайне уязвимом: «Декрет» лишил её прав юридического лица и подверг церковную собственность национализации, так что впредь храмы, иконы и богослужебная утварь предоставлялись приходским общинам в пользование по усмотрению гражданской власти. Политическая программа раннего большевизма ориентирована была на развязывание мировой революции. Идеологи правящей партии, следуя интернационалистской утопии, трактовали патриотизм как реакционный феномен, служащий интересам господствующих классов. Между тем Православная Церковь на всём протяжении своей истории воспитывала русский народ в духе жертвенной преданности Отечеству. Именно поэтому советская власть видела в ней самую опасную из существовавших в стране конфессий. Православное духовенство клеймилось советской пропагандой как сборище злокозненных черносотенцев и шовинистов.

Перед российским епископатом, духовенством и православным народом, составлявшим значительное большинство населения России, встал вопрос об адекватном отношении к утвердившейся в стране государственной власти. И вопрос этот имел две стороны: одна из них — как обеспечить выживание Церкви в условиях дискриминации и гонений, а другая — о гражданской верности клириков и мирян государству, которое оказалось в руках, враждебных Церкви, притом что никакой иной власти в стране на исходе Гражданской войны не осталось, а анархическое отстранение от начал государственности решительно расходилось с христианским учением о власти: по слову апостола Павла, «всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению» (Послание к Римлянам 13: 1–2).

Реакция на бедственные перемены со стороны разных кругов российского духовенства оказалась не одинаковой. У одних священнослужителей, как, впрочем, и мирян, перед лицом переживаемой катастрофы пробудились апокалиптические настроения, ожидание близкого конца истории. В среде церковной эмиграции возобладало стремление встать на сторону тех политических сил, которые стремились к реваншу, к свержению советской власти и реставрации монархии или, в либеральных кругах, связанных с масонством, — к реставрации февральского режима. Те церковные деятели, оставшиеся в стране, кто в своё время с энтузиазмом приветствовал февральские «свободы», — элемент, впоследствии устами патриарха Алексия I обозванный церковной керенщиной, — искали пути сближения с новыми хозяевами положения. Для этого они интерпретировали учение Христа в духе религиозного коммунизма, не страшась идейной конвергенции с атеистической властью, не стесняясь самого откровенного сервилизма, при этом усвоив себе этикетку дореволюционного церковного модернизма, в своё время названного обновленчеством. В 1922 году после ареста патриарха Тихона в разгар кампании по изъятию церковных ценностей обновленцы учинили раскол.

Взвешенный и продуманный ответ на брошенный Церкви вызов был публично заявлен в официальных актах, изданных после завершения Гражданской войны в два последних года первосвятительского служения патриарха Тихона. В развёрнутом виде он изложен в документах, автором которых выступил занявший на исходе 1925 года по воле преемника патриарха священномученика Петра должность Заместителя Местоблюстителя Патриаршего престола митрополит Нижегородский Сергей.

В самом начале своего архипастырского служения будущий патриарх предвидел испытания, которым предстояло обрушиться на Церковь. 25 февраля 1901 года при наречении во епископа он произнёс знаменательные слова, исполненные провидческой глубины: «Внешняя обстановка епископского служения может быть весьма разнообразна. Епископы могут быть в почёте и богатстве, могут пользоваться обширными гражданскими правами и преимуществами, но могут быть и в полном бесправии, нищете и даже гонении» (Патриарх Сергей и его духовное наследство 1947: 53). 17 февраля 1905 года во время Русско-японской войны и начавшейся в её разгар революции он, будучи ректором Петербургской духовной академии, в слове, произнесённом на молебне в память об основании Академии по поводу предстоявшего объявления императорского

указа об укреплении начал веротерпимости, говорил её встревоженным преподавателям и студентам: «После столетий мирного пребывания под защитой закона, за крепкой стеной государственной охраны, наша Церковь выходит теперь беззащитная, не прикрытая никем, прямо на поле брани под удары врагов... Российская империя может быть сметена надвигающимися событиями, но Церковь погибнуть не может» (Савич 1943: 29).

Он занял должность Заместителя Местоблюстителя, когда сам Патриарший Местоблюститель священномученик Пётр, находясь в тюремных узах, а затем в далёкой ссылке, не имел контакта с епископатом и лишён был возможности не только осуществлять текущее церковное управление, но и оказывать влияние на формирование позиции Церкви в отношении Советского государства. Митрополит Сергей счёл своей первоочередной задачей добиваться легализации органов высшего и епархиального управления — легально существовали тогда только приходы, в то время как в качестве органов управления ими на епархиальном и центральном уровне зарегистрированы были учреждения обновленцев, с которыми канонические приходы поддерживать связь не могли. Для легализации канонической церковной структуры требовались контакты с властью.

Опираясь на акты, ранее изданные патриархом Тихоном, и действуя в их русле, митрополит Сергей взял на себя задачу сформулировать позицию Церкви по отношению к государственной власти. Её аутентичным выражением стал датированный 10 июня 1926 года проект «Обращение к православным архипастырям и пастырям». В качестве приложения он был присовокуплён к адресованному наркому внутренних дел ходатайству о регистрации его самого в должности Заместителя Местоблюстителя и о легализации органов высшего и епархиального управления, о разрешении на созыв Собора, на издание «Вестника Московской Патриархии» и на открытие духовных учебных заведений. В проекте Обращения говорилось: «Я взял на себя от лица всей православной староцерковной иерархии и паствы засвидетельствовать перед Советской властью нашу искреннюю готовность быть вполне законопослушными гражданами Советского Союза... и решительно отмежеваться от всяких политических партий и предприятий, направленных во вред Союза. Но будучи искренними до конца, мы не можем замалчивать того противоречия, какое существует между нами, православными, и коммунистами-большевиками, управляющими Союзом» (Акты Святейшего Тихона... 1994: 473–474).

Затронут был в этом документе и особенно болезненный в контексте церковно-государственных отношений вопрос о зарубежном духовенстве: «Не признавая себя гражданами Советского Союза и не считая себя обязанными по отношению к Советской власти никакими обязательствами, заграничные духовные лица иногда позволяют себе враждебные выступления против Союза, а ответственность за эти выступления падает на всю Русскую Церковь, в клире или иерархии которой они продолжают оставаться». Во избежание подобных осложнений нужно, по словам митрополита Сергия, «установить правило, что всякое духовное лицо, которое не пожелает признать своих гражданских обязательств перед Советским Союзом, должно быть исключено из состава клира Московского Патриархата и поступать в ведение заграничных поместных Церквей, смотря по территории» (Акты Святейшего Тихона... 1994: 475).

Государственная власть не сочла содержащиеся в проекте положения приемлемыми, и в регистрации органов высшего и епархиального управления было отказано. Хуже того, в декабре 1926 года митрополит Сергей подвергся аресту — ему предъявили обвинение в связях с враждебной советской власти эмиграцией. Основанием для этого послужило адресованное зарубежному епископату письмо, в котором он предлагал своим собратьям войти в юрисдикцию поместных церквей по месту жительства. Письмо это было конфиденциального статуса, но его опубликовали в эмигрантской «Ревельской газете», затем перепечатали в Париже. Помимо того, Заместитель Местоблюстителя обвинялся в участии в нелегальных выборах патриарха путём опроса епископов. Сам митрополит Сергей к этому проекту, инициатором которого выступил архиепископ Рыльский Павлин (Крошечкин), поддержанный затем священномучеником Иларионом (Троицким), отнёсся скептически, но под напором его сторонников дал согласие на проведение тайного опроса епископов. Как и опасался митрополит Сергей, тайные выборы были выявлены и сорваны ОГПУ с последовавшими затем арестами их участников.

Пока Заместитель Местоблюстителя находился в заключении, с ним вели переговоры представители гражданских властей, главным образом сотрудник ОГПУ Е. А. Тучков. 30 марта 1927 года митрополит Сергей был освобождён. Ему разрешили перебраться из Нижнего Новгорода в Москву — до ареста он исполнял обязанности Главы Русской Церкви, оставаясь в своем кафедральном городе — Нижнем. Заместитель Местоблюстителя получил разрешение на образование Временного Патриаршего Синода.

В июле 1927 года от лица Заместителя Местоблюстителя и Временного Синода было издано адресованное архипастырям, пастырям и пастве послание «Об отношении Православной Российской Церкви к существующей гражданской власти». В современной ему публицистике и в церковно-исторической литературе оно получило название «Декларация». В ней сообщалось что «теперь... Православная Церковь в Союзе имеет не только каноническое, но и по советским законам вполне легальное центральное управление» (Акты Святейшего Тихона... 1994: 510). В «Декларации» конкретизированы положения, которые содержались уже в актах святого патриарха Тихона, изданных в два последних года его первосвятительского служения. В ней подчёркивалась гражданская лояльность канонического духовенства и православного народа государству в новых исторических условиях: «Верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советской власти, могут быть не только равнодушные к Православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого, как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом. Мы хотим быть православными и в то же время сознать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи» (Акты Святейшего Тихона... 1994: 510). По словам составителей этого документа, одна из причин осложнений в устройении церковной жизни в революционное десятилетие заключалась в «недостаточном сознании многими представителями Церкви серьёзности совершившегося в нашей стране... Забывали люди, что случайностей для христианина нет и что в совершающемся у нас, как везде и всегда, действует та же Десница Божия, неуклонно ведущая каждый народ к предназначенной ему цели» (Акты Святейшего Тихона... 1994: 512). В заключение в «Послании» говорилось о неотложной необходимости подготовки Второго Поместного Собора. В нём повторены многие из тезисов, содержавшихся в составленной ранее, в 1926 году, «Памятной записке соловецких епископов», но в отличие от неё в «Декларации» отсутствовала критика в оценке политики советского правительства по отношению к Православной Церкви.

7 октября 1927 года митрополит Сергей направил в ОГПУ заявление с просьбой об амнистии или облегчении участи репрессированных священнослужителей в связи с тем, что они «оказались жертвами... прежнего нелегального положения нашей Церкви и прежних её ненормальных отношений к Советскому правительству» (Акты Святейшего Тихона...

1994: 517). Эта просьба не осталась без реакции: несколько священнослужителей, в том числе и епископов, были освобождены из тюрем и лагерей, но другие архипастыри и пастыри были арестованы и сосланы.

С церковной стороны начали исполняться условия легализации, поставленные Тучковым и принятые Заместителем Местоблюстителя в канун его освобождения из-под ареста. 21 октября Временный Патриарший Синод издал указ о возобновлении поминовения государственной власти с присовокуплением апостольских слов, обосновывающих такое поминовение: «Ещё молимся о Богохранимей стране нашей, властех и воинстве ея, да тихое и безмолвное житие поживём во всяком благочестии и чистоте» (1 Тим. 2: 2). Синод издал указ об увольнении лишённых свободы и сосланных архиереев на покой или об их назначении на кафедры по месту их ссылки. До тех пор епископы, томившиеся в тюрьмах, лагерях и ссылках, оставались на своих кафедрах, и в их епархиях возносились о них молитвы, в чём представители гражданской власти усматривали демонстрацию протеста.

Указ Синода вызвал неодобрение со стороны части духовенства. Некоторые епископы выступили с критикой отдельных положений, содержащихся в тексте «Декларации». Оппоненты, выразившие несогласие с митрополитом Сергием, делали это по разным мотивам. Одни, недовольные увольнениями сосланных архиереев, полагали, что он перешёл в поисках компромисса с властью запретную черту, хотя и сами считали необходимым стремиться к нормализации отношений между Церковью и государством. Другие находили что митрополит Сергей поторопился налаживать отношения с властью, вместо того чтобы дожидаться неизбежного и скорого, как они полагали, изменения политической ситуации в стране. В среде эмигрантского духовенства возобладали надежды на близящееся падение советской власти. Некоторые из критиков в сложившихся трагических обстоятельствах исполнились апокалиптической тревоги и уже не считали важным делом сохранение церковной структуры. Они готовы были уйти «в катакомбы». Между тем митрополит Сергей главную цель своей церковной политики видел как раз в том, чтобы сохранить для многомиллионной российской паствы православные приходы и храмы, сохранить духовенство, он не хотел ставить православный народ перед жестоким выбором между катакомбами и обновленческим расколом, в ту пору находившимся в более благоприятном внешне положении.

В защиту Заместителя Местоблюстителя и его соавторов выступил тогда один из самых глубоких религиозных философов — Н. А. Бердяев.

В статье «Вопль Русской Церкви» он писал: «Героическая непримиримость отдельного человека, готового идти под расстрел, прекрасна, полновесна и вызывает чувство нашего восхищения. Но там, в России, есть ещё другой героизм, другая жертвенность... Патриарх Тихон, митрополит Сергей — не отдельные, частные лица, которые могут думать только о себе. Перед ними всегда стоит не их личная судьба, а судьба Церкви и церковного народа как целого. Они могут и должны забывать о себе... и говорить лишь то, что спасительно для Церкви. Это есть огромная личная жертва. Её принёс Патриарх Тихон, её приносит митрополит Сергей. Некогда эту жертву принёс святой Александр Невский, когда ездил в Ханскую Орду. Отдельный человек может предпочесть личное мученичество. Но не таково положение иерарха, возглавляющего Церковь, он должен идти на иное мученичество и принести иную жертву... Церковь принимает факт образования новой природно-исторической среды и может стремиться лишь к христианизации этой среды изнутри, духовно борясь против безбожия и растреления во имя Христовой Правды»².

29 марта 1928 года Заместитель Патриаршего Местоблюстителя и Временный Синод издали «Деяние», в котором подробно изложена позиция высшей церковной власти относительно выдвинутых против них обвинений. В разъяснение смутивших многих верующих людей слов из «Декларации» о «радостях и неудачах» в «Деянии» говорится, что эти слова относятся к внешнему благополучию и бедствиям народной жизни, но вовсе не к распространению неверия, как представляли это злонамеренные критики «Декларации» (Акты Святейшего Тихона... 1994: 599). Значительное большинство епископата, духовенства и церковного народа с пониманием отнеслось к церковной политике митрополита Сергея и поддерживало его. Архиепископ Верейский Иларион (Троицкий) написал из Соловецкого лагеря на волю письмо с осуждением отделившихся от митрополита Сергея. Касаясь в этом письме, составленном из-за лагерной цензуры иносказательно, вынужденных переводов и увольнений архиереев, он заметил: «Что и других переводят, так что ж делать, поневоле делают, как им жить дома нельзя. Прежде по каким пустякам должность меняли и ещё рады были, а теперь заскандалили»³.

В 1929 году НЭП был отменён; началась массовая коллективизация, сопровождавшаяся конфискацией имущества крестьян, названных

² Цит. по: Бердяев Н. А. Вопль Русской Церкви. 13 сентября 1927 — URL: <https://istmat.org/node/34587> (дата обращения: 15.04.2024).

³ Цит. по: (Иоанн (Снычев) 1997: 207–208).

кулаками, высылкой миллионов крестьянских семей в Сибирь и на север, заключением в тюрьмы и лагеря и расстрелами тех, кого власть находила способными к сопротивлению. Русскую Церковь и на этот раз не миновало ужесточение репрессий. В начале 1929 года за подписью секретаря ЦК ВКП(б) Кагановича была разослана директива, в которой утверждалось, что религиозные общины остались единственными в стране легально действующими контрреволюционными организациями, выполняющими задание по мобилизации «реакционных и малограмотных элементов» для «контрнаступления на мероприятия советской власти и компартии». 8 марта 1929 года ВЦИК и СНК издали новое постановление о религиозных объединениях, согласно которому священнослужители исключались из состава приходских «двадцаток» как лица, лишённые политических прав; частное обучение религии, допущенное декретом 1918 года об отделении Церкви от государства, впредь могло осуществляться лишь как право родителей обучать религии своих детей. В мае 1929 года на XIV Всероссийском съезде Советов были внесены поправки в Конституцию РСФСР. В её прежней редакции 4-я статья гласила: «Свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признаётся за всеми гражданами», в новой редакции её заменила формулировка: «Свобода религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды признаётся за всеми гражданами» — иными словами, из Конституции было изъято положение о свободе религиозной пропаганды (Владислав Цыпин 1993: 187).

Массовое снятие приходов с регистрации сопровождалось арестами священнослужителей, этапированием их в места заключения, где томились уже тысячи их собратьев.

18 февраля 1930 года Заместитель Местоблюстителя дал интервью иностранным корреспондентам, в котором сообщил, что Русская Церковь имеет около 30 000 приходов и 163 епископа, занимающих свои кафедры. Закрывая церквей он, в частности, объяснил распространением атеизма. На прямой вопрос о гонениях последовал ответ, что в силу декрета об отделении Церкви от государства исповедание любой веры вполне свободно. С формальной стороны ответ был корректным: репрессируемые обвинялись не в исповедании религиозной веры, а по статьям о неуплате налогов, нарушении декрета об отделении Церкви от государства, в более тяжёлых случаях — в принадлежности к контрреволюционному подполью, но такие ответы у поверхностных журналистов и читателей могли создать более благоприятное впечатление о положении гонимой Православной Церкви, чем оно было в действительности. На это,

собственно, и рассчитывали власти, допустившие эту пресс-конференцию (Владислав Цыпин 1993: 193). Митрополит Сергей, прекрасно понимая, что зарубежные читатели его интервью не помогут облегчить участь подведомственного ему духовенства и паствы, поступил бы как безумец, если бы воспользовался пресс-конференцией для того, чтобы представить положение гонимой Православной Церкви во всём её трагизме.

На следующий день после пресс-конференции, с точки зрения властей удачной, Заместитель Местоблюстителя обратился с «Памятной запиской о нуждах Православной патриаршей Церкви в СССР», адресованной П. Г. Смидовичу, занимавшему должность председателя Постоянной комиссии ВЦИК по вопросам культа. В ней он протестовал против закрытия церквей, против необоснованных арестов и ссылок священнослужителей, против причисления духовенства к нетрудовым элементам, против отказа детям духовных лиц в приёме в вузы. В «Записке» упомянуты и такие курьёзные виды поборов с приходов, как уплата авторского гонорара за пение в церквях в пользу Драмсоюза. «Необходимо, — писал он, — чтобы сбор производился только за исполнение в церкви тех музыкальных произведений, которые национализированы или же по авторскому праву принадлежат какому-либо лицу, а не вообще за пение в церкви чего бы то ни было, в частности, при богослужении: чтобы исполнение служителями культа своих богослужебных обязанностей не рассматривалось как исполнение артистами музыкальных произведений» (Акты Святейшего Тихона... 1994: 689). Митрополит Сергей ходатайствовал перед гражданской властью о разрешении на возобновление церковно-издательской деятельности и на открытие духовных школ, о снижении налогового пресса на духовенство. Ходатайство Заместителя Местоблюстителя возымело относительный успех. В 1931 году волна массового закрытия церквей пошла на убыль. Было дано разрешение на издание «Журнала Московской Патриархии», который выходил затем с 1931 по 1935 год.

На конец 1934 года пришлось обострение государственного террора против действительных или только подозреваемых противников режима, последовавшее за убийством С. М. Кирова. Ужесточились и гонения на Православную Церковь. Десятки архиереев и тысячи священников подверглись арестам. 18 мая 1935 года Заместитель Местоблюстителя вынужден был распустить Временный Синод. После этого управление всеми епархиями Русской Церкви он осуществлял единолично с помощью своего викария епископа Дмитровского Сергея (Воскресенского) и канцелярии, в штаты которой входили один секретарь и одна машинистка.

В 1936 году в Московскую Патриархию поступило ложное сообщение о кончине Местоблюстителя, в связи с этим 27 декабря был издан «Акт о переходе прав и обязанностей Местоблюстителя Патриаршего Престола Православной Российской Церкви к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя, Блаженнейшему митрополиту Московскому и Коломенскому Сергию (Страгородскому)». Титул митрополита Московского он носил с 1934 года. Как стало известно уже в наше время, в ту пору митрополит Пётр был ещё жив, но в октябре 1937 года его расстреляли.

1937 год стал апогеем террора. Новый удар обрушился и на Православную Церковь. Обнаружилась особая причина для ужесточения гонений — по итогам переписи населения выяснилось, что $\frac{2}{3}$ сельских и $\frac{1}{3}$ городских жителей открыто в переписных бюллетенях назвали себя верующими. Сельские жители составляли тогда $\frac{3}{4}$ населения страны — таким образом, больше половины советских граждан заявили себя верующими. Результаты переписи обозначали провал оголтелой антирелигиозной пропаганды «Союза воинствующих безбожников». За это пятимиллионный союз подвергся чистке. Около половины его членов было арестовано, многих расстреляли как врагов народа. В самом начале 1937 года возобновилась кампания массового закрытия церквей. В результате этого разорения на огромных просторах РСФСР к 1939 году осталось около 100 храмов, почти все в больших городах, в основном тех, куда пускали иностранцев. Эти храмы так и называли «показательными». Несколько больше, до 3% дореволюционных приходов, сохранилось на Украине. На территории советской Белоруссии не осталось ни одного действующего храма.

В годы предвоенного террора опасность нависла над самим существованием Патриархии и всей церковной организацией. К 1939 году из российского епископата помимо Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Сергия на кафедрах остались 3 архиерея — митрополит Ленинградский Алексей (Симанский), архиепископ Дмитровский Сергей (Воскресенский) и архиепископ Петергофский Николай (Ярушевич). На свободе осталось ещё несколько епископов, которые совершали богослужения как настоятели храмов либо оставались не у дел. Казалось бы, надежда на выживание Церкви в Советской стране рухнула. Но вскоре ситуация изменилась.

1 сентября 1939 года нападением нацистской Германии на Польшу началась Вторая мировая война. Спустя 16 дней Красная армия перешла

советско-польскую границу и заняла восточные воеводства побеждённого немцами государства — исконно русские и православные земли: Западную Белоруссию, Волынь и Подолье, оторванные от России по Рижскому договору (1921) советского правительства с Польшей, а также Галицию, которая на протяжении столетий была отделена от Руси. 27 июня 1940 года советское правительство потребовало от Румынии в течение четырёх дней очистить территорию Бессарабии, принадлежавшей России до 1918 года, и Северной Буковины, оторванной от Руси ещё в Средневековье, но где большинство населения имело русские корни. Румыния вынуждена была подчиниться ультиматуму. Летом 1940 года к Советскому Союзу были присоединены Эстония, Латвия и Литва, принадлежавшие России до революции и Гражданской войны. Продвижение границ Советского государства на запад расширило юрисдикцию Российской Православной Церкви. Московская Патриархия получила возможность реально управлять епархиями Прибалтики, Западной Белоруссии, Западной Украины и Молдавии. На новых территориях СССР церкви закрывались уже лишь в порядке исключения. Как пишет О. Ю. Васильева, к началу 1941 года Русская Православная Церковь имела 3021 действующий храм, при этом около 3 тыс. из них находились на территориях, присоединённых в 1939–1940 годах (Васильева 1997). В годы «большого террора» могло сложиться впечатление, что ввиду разгрома церковной организации курс взаимоотношений с гражданской властью, который проложили патриарх Тихон и митрополит Сергей, потерпел крах, что сохранить легальное положение приходов и монастырей не удалось, и потому надо было вместо этого уходить в подполье — «в катакомбы». Но изменения в положении Церкви в Советском государстве, наступившие в канун Великой Отечественной войны и затем, когда она началась, подтвердили правоту Первосвященителей Тихона и Сергея.

За два десятилетия, прошедших со времени революционной катастрофы, официальная идеология большевистской партии, захватившей власть в Петрограде в октябре 1917 года и победившей в ходе Гражданской войны, претерпела трансформацию, на завершающем этапе которой атеизм оставался лишь данью сложившейся традиции, лишённой политической актуальности. Неизбежность подобной эволюции, конструируя разные её варианты, предвидели глубокие мыслители русской эмиграции и их единомышленники внутри страны, способные освободиться от сложившихся в ходе Гражданской

войны стереотипов, — сменовеховцы, евразийцы, младороссы. Интернационалистский курс Ленина — Троцкого — Зиновьева, ориентированный на разжигание мировой революции, провалился, поскольку он основан был на коммунистической утопии. Возобладала более прагматичная линия Сталина и Бухарина, нацеленная на то, чтобы сосредоточиться на внутренних проблемах страны. Но на исходе 20-х годов между этими двумя лидерами обнаружились принципиальные разногласия. Бухарин стоял за продолжение НЭПа, так что, если бы он взял верх в споре, это привело бы к эволюции правящей партии в сторону европейской социал-демократии. Сталин, очевидно, острее осознавал непригодность ментального русского климата, русской почвы, для подобного процесса и потому победил своего оппонента. На рубеже 20–30-х годов он инициировал ускоренную индустриализацию ради умножения военной мощи в условиях враждебного соседства с Западом. Коллективизация понадобилась для того, чтобы десятки миллионов крестьян перебросить в города, фабричные поселки, а также в трудовые лагеря «на стройку социализма», притом что Сталин был достаточно хорошо ориентирован в марксистской доктрине, которой он увлёкся в юности, чтобы знать, что социализм подобного рода Маркс называл казарменным и отвергал его. О том, что сам Сталин не испытывал пиетета перед основоположниками официальной идеологии, портреты которых соседствовали с его собственными изображениями в качестве украшения городов в дни советских праздников, с полной очевидностью говорит его записка 1934 года, адресованная членам Политбюро. В ней он возражает против публикации русофобской и конспирологической статьи Энгельса «Внешняя политика русского царизма», давая ей негативную характеристику.

В партийной пропаганде в 30-е годы взят был курс на воспитание народных масс в духе «советского патриотизма», хотя в 20-е годы понятия «патриотизм» и «родина» трактовались в негативном свете: родина, мол, нужна имущим классам, а неимущим терять нечего, кроме своих цепей. К слову сказать, журналистская обслуга реформаторов 90-х годов и выдрессированные ими современные глашатаи пресловутых «либеральных» ценностей далеко превзошли своих идейных предтеч революционной эпохи в пропаганде беспардонной русофобии, не стесняясь клеймить самые сдержанные проявления патриотизма как негодяйство. Интернационализм не был отвергнут Сталиным как лозунг, но в практическом плане Коминтерн служил уже не боевым штабом мировой революции, а инструментом советской внешней политики,

ориентированной на укрепление влияния Москвы в странах — потенциальных противниках СССР.

С середины 30-х годов советские пропагандисты, кроме бунтовщиков и революционеров, таких как Разин, Пугачёв, Пестель, Софья Перовская, которых превозносили начиная с 1917 года, из истории России извлекли и иные примеры, достойные подражания. Портреты Суворова и Кутузова, которых ведущий историк-марксист 20-х годов М. Н. Покровский клеймил как империалистов, шовинистов, душителей свободы, оказались в кабинете Сталина. Имена святых князей Александра Невского и Дмитрия Донского упоминались в печати в положительном контексте, и даже о Крещении Руси в учебниках истории стали писать как о событии прогрессивном для своего времени. В своё время большевистская власть опередила западные демократии такими новациями, как устранение уголовной ответственности за аборт, за противоестественные связи, легализовала разводы по хотя бы и немотивированному желанию одной из сторон и во внесудебном порядке. Современные адепты так называемых западных демократических ценностей в этом, как и во многом другом, по сути дела, повторяют опыты раннего большевизма. А в середине 30-х годов аборт без медицинских показаний были у нас запрещены, возобновлялась уголовная ответственность за содомию, бракоразводные процессы впредь могли производиться лишь в судебном порядке при наличии солидной мотивации.

Но поворота в сторону смягчения антирелигиозной политики советского правительства в контексте идеологической метаморфозы середины 30-х годов не последовало. Его первые признаки обнаружились уже только на исходе 1939 года.

9 (22) июня 1941 года, в день всех святых, в земле Российской просиявших, началась Великая Отечественная война. Германия снова, как и в 1914 году, вступила в смертельную схватку с Россией. Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Сергей в первый же день войны составил «Послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви»: «Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину... Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят ещё раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой... С Божией помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу... Вспомним святых вождей русского народа, например, Александра Невского, Дмитрия Донского, полагавших свои души за народ

и Родину... Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов... Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг. Если кому, то именно нам нужно помнить заповедь Христову: Больше сея любви никтоже иметь, да кто душу свою положит за други своя (Ин. 15: 13)... Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу» (Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война 1943: 3–5).

Это обращение уместно сравнить с другим актом — посланием патриарха Тихона по поводу Брест-Литовского мира, изданным 5 (18) марта 1918 года: «Заклѣченный ныне мир, по которому отторгаются от нас целые области, населённые православным народом, и отдаются на волю чуждого по вере врага, а десятки миллионов православных людей попадают в условия великого духовного соблазна для их веры, мир, по которому даже искони православная Украина отделяется от братской России и стольный град Киев, мать городов русских, колыбель нашего крещения, хранилище святынь, перестаёт быть городом державы Российской, мир, отдающий наш народ и Русскую землю в тяжкую кабалу, — такой мир не даст народу желанного отдыха и успокоения, Церкви же православной принесёт великий урон и горе, а отечеству неисчислимые потери» (Акты Святейшего Тихона 1994: 107–108). Оба документа продиктованы одним и тем же патриотическим пафосом, но в 1918 году большевистское правительство капитулировало перед врагом, а в 1941 году лидер той же по имени, но по-другому ориентированной партии возглавил сопротивление агрессии, и в этом получил полную поддержку со стороны Православной Церкви, которая и после многочисленных отпадений от неё заблудившихся и немощных духом осталась душой русского народа.

26 июня Местоблюститель Патриаршего престола совершил в Богоявленском соборе молебен о победе русского воинства. В слове, сказанном по окончании его, он выразил надежду, что как гроза освежает воздух, так и настоящая военная гроза послужит «к оздоровлению нашей атмосферы духовной» (Правда о религии в России 1942: 87–88). В этих словах прикровенно выражены и суд о состоянии общества в канун войны, в котором царил вызванный пережитыми массовыми репрессиями страх, и надежда, что война принесёт с собой изменения к лучшему для Церкви Христовой. Во всех ещё не разрушенных и не

осквернённых православных храмах Русской земли за богослужением с незначительными изменениями стала читаться молитва, которая была составлена в Отечественную войну 1812 года: «Господи Боже сил, Боже спасения нашего, Боже творяй чудеса Един! Призри в милости и щедротах на смиренных рабы Твоя и человеколюбно услыши и помилуй нас: се бо врази наша собравшаяся на ны, во еже погубити нас и раззорити святыни наша. Помози нам Боже, Спасителю наш, и избави нас, славы ради имени Твоего... Восстани в помощь нашу и подаждь воинству нашему о имени Твоем победити: а имже судил еси положить на брани души своя, тем прости согрешения их, и в день праведного воздаяния Твоего воздай венцы нетления...» (Правда о религии в России 1942: 290 (вкладыш)). В Красную армию мобилизованы были главным образом крестьяне, которые оставались в большинстве своём людьми верующими. Фронтовая жизнь в ежечасном ожидании смерти, страдания от ран, гибель боевых друзей пробуждали в русских солдатах религиозные чувства и мысли. Религиозные настроения в народе углубились и усилились.

Первые месяцы войны весь запад страны был оккупирован немцами. Взят был Киев — мать городов русских. Окружению и блокаде подверглась северная столица погибшей Российской империи. Осенью 1941 года линия фронта приблизилась к окраинам Москвы. 7 октября Московский горсовет распорядился об эвакуации Патриархии на Урал в Чкалов (Оренбург) — само советское правительство, за исключением его главы Сталина, оставшегося в Москве, переехало тогда в Куйбышев (Самару). Патриархии удалось добиться разрешения на выезд не в далёкий Оренбург, а в Ульяновск (Симбирск).

24 ноября Заместитель Местоблюстителя обратился с новым посланием к пастве: «Гитлеровский молох продолжает вещать миру, будто бы он поднял меч “на защиту религии” и “спасение” якобы поруганной веры. Но всему миру ведомо, что это исчадие ада лживой личиной благочестия только прикрывает свои злодеяния. Во всех порабождённых им странах он творит гнусные надругательства над свободой совести, издевается над святынями, бомбами разрушает храмы Божии, бросает в тюрьмы и казнит христианских пастырей, гноит в тюрьмах верующих, восставших против его безумной гордыни, против его замыслов утвердить свою сатанинскую власть над всей землёй... Всему миру ясно, что фашистские изверги являются сатанинскими врагами веры и христианства. У русских людей, у всех, кому дорога наша Отчизна, сейчас одна цель — во что

бы то ни стало одолеть врага» (Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война 1943: 8–10).

В пасхальном послании 1942 года первосвященник раскрыл антихристианскую направленность нацистской идеологии: «Не победить фашистам, возымевшим дерзость вместо Креста Христова признать своим знаменем языческую свастику. Не забудем слов: Сим победиши. Не свастика, а крест призван возглавить христианскую нашу культуру, наше христианское “жительство”» (Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война 1943: 24–25).

В годы войны патриотизм архипастырей и пастырей оказался совместимым с советским патриотизмом — поражения фашистов искренне хотели и коммунисты, и верующий народ. Последовательно патриотическая позиция священноначалия Русской Православной Церкви в дни войны не осталась без ответа со стороны гражданской власти. По разрешению властей вновь замещено было несколько архиерейских кафедр. В 1941–1943 годах совершались и архиерейские хиротонии, главным образом вдовых протоиереев уже преклонных лет, успевших получить духовное образование в дореволюционную эпоху. Помимо разрешений на замещение вдовствующих кафедр и на новые епископские хиротонии, ещё одним актом советской власти явилось практически полное прекращение в периодической печати антирелигиозных нападок. «Союз воинствующих безбожников» прекратил существование без официального роспуска. В 1943 году умер его бессменный руководитель Емельян Ярославский. Были закрыты и некоторые провинциальные антирелигиозные музеи.

В конце августа 1943 года митрополиту Сергию было предложено вернуться из Ульяновска в Москву. 3 сентября в Кремле состоялась встреча Сталина и Молотова с митрополитами Сергием, Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем). На встрече присутствовал также начальник 4-го отдела III управления НКВД по борьбе с церковно-сектантской контрреволюцией полковник Г. Г. Карпов, которому предстояло занять должность председателя учреждённого вскоре Совета по делам Русской Православной Церкви. Он составил своего рода протокол состоявшейся беседы. «Кратко отметив, — по словам Карпова, — положительное значение патриотической деятельности Церкви за время войны, Сталин просил митрополитов Сергия, Алексия и Николая высказаться об имеющихся у Патриархии и у них лично назревших, но не разрешённых вопросах»⁴.

⁴ Московский церковный вестник. — 1994. — 6 (103).

Митрополит Сергей попросил руководителей государства дать разрешение на созыв Архиерейского Собора для избрания патриарха. При этом был затронут вопрос о его титуле. Митрополит предложил титул «Патриарх Московский и всея Руси», а не «Московский и всея России», как именовался святитель Тихон. Сталин одобрил такое изменение, основанием которого служило то обстоятельство, что «Россией» в Советском Союзе называлась только его часть, в то время как слово «Русь» напоминало о временах, когда предки великороссов (русских), малороссов (украинцев) и белорусов составляли единый русский народ, и потому при новом устройстве государства это слово обнимало более обширную территорию, чем слово «Россия», в ту пору по преимуществу применявшееся к Российской Федерации (РСФСР).

В беседе обсуждался затем вопрос об открытии духовных учебных заведений. Митрополит Сергей заявил о необходимости повсеместного открытия духовных школ, так как у Церкви отсутствуют кадры священнослужителей. И тогда, согласно сведениям, полученным А. Э. Красновым-Левитиным от одного из участников знаменательной встречи — им, вероятно, был митрополит Николай, — «Сталин неожиданно прервал молчание: «А почему у вас нет кадров?» — спросил он, вынув изо рта трубку и в упор глядя на своих собеседников. Алексей и Николай смутились... всем было известно, что кадры перебиты в лагерях. Но митрополит Сергей не смутился: «Кадров у нас нет по разным причинам. Одна из них: мы готовим священника, а он становится маршалом Советского Союза». Довольная усмешка тронула уста диктатора. Он сказал: «Да, да, как же. Я семинарист. Слышал тогда и о вас». Затем он стал вспоминать семинарские годы... Сказал, что мать его до самой смерти сожалела, что он не стал священником» (Краснов-Левитин 1979: 106–107). Митрополит Сергей поднял вопрос о возобновлении издания «Журнала Московской Патриархии», на что дано было согласие, и об открытии приходов, о возобновлении нормальной церковноприходской жизни в стране. Допуская избрание патриарха, открытие приходов и духовных школ, правительство признавало несбыточность большевистских планов полного разгрома Церкви и устранения её из жизни народа.

Архиерейский Собор состоялся через четыре дня после встречи в Кремле — 8 сентября 1943 года в новом здании Патриархии в Чистом переулке, где до войны размещалась резиденция посла Германии. В соборных деяниях участвовало 19 архиереев. Почти все они испытали аресты, тюрьмы, лагеря и ссылки. Собор открыт был Местоблюстителем

Патриаршего престола митрополитом Сергием кратким докладом «О деятельности Православной Церкви за два года Отечественной войны». Архиерейский Собор принял подписанную всеми его участниками декларацию об осуждении изменников веры и Отечества, направленную против коллаборационистов из духовенства, запятнавших себя сотрудничеством с оккупационными властями и одновременно посягнувших на учинение расколов. Разумеется, этот акт был направлен не против тех священнослужителей, кто, находясь на оккупированной территории, вынужден был вступать в контакты с немецкими властями по вопросам, связанным с открытием церквей, с приходской жизнью, контролировавшейся немецкой администрацией. Это касалось священнослужителей, которые предавали ближних или откровенно перешли на сторону фашистов.

В обращении Собора к правительству говорилось: «Глубоко тронутые сочувственным отношением нашего всенародного вождя, главы Советского правительства И. В. Сталина, к нуждам Русской Православной Церкви и к скромным трудам нашим, её смиренных служителей, приносим правительству нашу общесоборную искреннюю благодарность и радостное уверение, что, ободрённые этим сочувствием, мы приумножим нашу долю работы в общенародном подвиге за спасение Родины. Небесный же Глава Церкви да благословит труды правительства Своим зиждательным благословением и да увенчает нашу борьбу за правое дело вожделенной победой и освобождением страждущего человечества от мрачных уз фашизма»⁵. Важнейшим деянием Собора стало избрание митрополита Сергия Патриархом Московским и всея Руси.

27 октября 1943 года Святейший Патриарх направил Г. Г. Карпову заявление следующего содержания: «Прошу Вас возбудить перед правительством СССР ходатайство об амнистии перечисленным в прилагаемом списке лицам, которых я бы желал привлечь к церковной работе под моим ведением»⁶. К заявлению был приложен список, в котором значились имена митрополитов Евгения (Зернова), Павла (Борисовского) и еще 23 архиепископов и епископов, одного архимандрита и одного протоиерея. Все поименованные в этом списке, кроме епископа Николая (Могилевского), в действительности были уже расстреляны или погибли в лагерях от каторжных условий жизни, от голода и тяжких работ.

⁵ Журнал Московской Патриархии. — 1943. — № 1. — С. 13.

⁶ Цит. по: (Шкаровский 1995: 116).

Епископ Николай (Могилевский), ныне прославленный в чине исповедников, был освобождён и затем назначен на Алма-Атинскую кафедру.

7 ноября 1943 года патриарх Сергей издал послание по случаю государственного праздника. В нём нет оценки Октябрьского переворота, который был совершён 25 октября (7 ноября) в ходе перманентной революции, разразившейся в феврале 1917 года. В этом послании патриарх воздаёт хвалу советскому правительству за организацию отпора агрессору, но также и за продуманную национальную политику, за то, что власть «поощряла культурное развитие каждого племени и народности в национальном духе... Вместо плохо сплочённой массы разных племён наш Союз встретил врагов до неразрывности спаянный беззаветной любовью всех племён к общей Родине, готовностью их на всякую жертву, лишь бы Родина была свободна от фашистского ярма. Откуда же взялось такое единодушие? ... Многое здесь объясняется мудрой национальной политикой правительства, которая каждому племени даёт возможность чувствовать себя дома на советской земле... Но вера не колеблясь указывает нам и высшую причину, от которой исходит и сама мудрая политика. “Это — перст Божий”, — говорит нам вера. Сие знамение десницы Вышнего (Пс. 76: 11). Это Он, милосердя о нас, даёт сильным (в том числе и правителям нашим) писать правду (Притч. 8: 15) и государственную жизнь нашу исправляет так, что мы можем жить во всяком благочестии и чистоте»⁷. В послании патриарх призвал усердно молиться «о богохранимой стране нашей и о властях её во главе с нашим богоданным вождем»⁸. Характеристика Сталина как богоданного вождя напоминала, по крайней мере, старшему поколению о том, что так принято было именовать в России императора, царя. Впоследствии это выражение не раз употреблялось по отношению к Сталину в посланиях преемника Святейшего Сергея патриарха Алексия I, который, как мало кто другой в российском епископате, не скрывал своих монархических убеждений в годы революционной смуты.

Патриарх Московский и всея Руси Сергей скончался 15 мая 1944 года в 6 часов утра от кровоизлияния в мозг. Выдающийся православный богослов XX века В. Н. Лосский писал вскоре после его кончины: «До конца времён Церковь сохранит память великого святителя. ... Всё было велико в жизни великого Сергея, который всего лишь нескольких последних

⁷ Журнал Московской Патриархии. — 1943. — № 3. — С. 3–4.

⁸ Там же. С. 4.

месяцев своего епископского служения носил сан Патриарха Московского и всея Руси. Но как Патриарший Местоблюститель он почти 18 лет управлял Русской Церковью. Старый мир, мир Русской империи, мир византийских традиций, восходивший к Константину Великому, — тот мир, который казался многим миром самого христианства, внезапно рушился до основания, и на его месте возникал новый мир вне христианства, но не вне Божественной воли, определяющей исторические судьбы. Чтобы руководить церковной жизнью в столь исключительных условиях, в Москве — столице нового государства, в центре строящегося нового мира, надо было обладать непоколебимой верой в богоустановленность Церкви» (Патриарх Сергей и его духовное наследство 1947: 263–264).

Надеждам свидетелей катастрофы Российской империи Святейших Патриархов Тихона, Сергия, Алексия I на полную нормализацию церковно-государственных отношений в русле традиционной симфонии Промыслом Божиим суждено было начать исполняться уже только в XXI столетии. Речь не идёт о том, чтобы копировать те модели симфонии, сложившиеся в Византии, допетровской Руси и Российской империи. Процесс этот творческий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 / сост. М. Е. Губонин. — М., 1994. — 1063 с.

Васильева О. Ю. Жребий митрополита Сергия (От «Декларации» до «Памятной записки») // Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского института, 30 янв. — 1 февр. 1997 г.: Материалы. — М., 1997. — С. 174–186.

Владислав Цыпин, прот. История Русской Церкви. 1917–1997. — Т. 9. — М., 1997. — 830 с.

Иоанн (Снычев). Церковные расколы в Русской Церкви 20–30-х годов XX столетия. — Самара, 1997. — 363 с.

Краснов-Левитин А. Воспоминания. Рук Твоих жар. — Тель-Авив, 1979. — Т. 2. — 477 с.

Патриарх Сергей и его духовное наследство. — М., 1947. — 415 с.

Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. — М., 1943. — 99 с.

Савич А. А. Краткая биография Святейшего Патриарха // Патриарх Сергей и его духовное наследство. — М., 1947. — С. 13–52.

Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь и Советское государство в 1943–1964 годах. — СПб., 1995. — 216 с.

Сведения об авторе:

Протоиерей Владислав Александрович Цыпин — доктор церковной истории, доктор богословия, заслуженный профессор Московской духовной академии, заслуженный профессор Сретенской духовной академии, клирик храма «Большого Вознесения» у Никитских Ворот, член Межсоборного присутствия Русской Православной Церкви, 119034, Россия, Москва, Чистый пер., 5.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 07.02.2024; одобрена после рецензирования 12.02.2024; принята к публикации 21.02.2024.

Archpriest V. A. Tsy-pin

INTER-COUNCIL PRESENCE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH,
MOSCOW, RUSSIA

Patriarch of Moscow and All Rus' Sergius and the Soviet State

Abstract. At the end of 1925, Metropolitan Sergius of Nizhny Novgorod assumed the position of Deputy Patriarchal Locum Tenens. He undertook the task of formulating the Church's position in relation to state authorities. Its authentic expression was the draft "Appeal", which was rejected by the government, leading to the arrest of its author. After his release, Metropolitan Sergius, together with the Synod, issued a Message referred to as a "Declaration" in journalism. It emphasized the loyalty of the clergy and the Orthodox people to the Soviet government. Some clergymen criticized the Declaration, but a significant majority of the episcopate, clergy, and church people reacted with understanding to its publication. At the end of 1936, Metropolitan Sergius assumed the position of Locum Tenens following a false report of the death of Locum Tenens Peter. In fact, the holy Martyr Peter was still alive at that time, but in October 1937, he was shot. 1937 marked the peak of the terror. A new blow struck the Orthodox Church. On September 1, 1939, the Second World War began. As a result of the expansion of the

borders of the Soviet state to the west, the Moscow Patriarchate effectively gained control over the dioceses of the Baltic States, Western Belarus, Western Ukraine, and Moldova. In the new territories, churches were closed only in exceptional cases. On June 22, 1941, Germany attacked the USSR. On the first day of the war, the Locum Tenens composed a Message in which he blessed the Orthodox people for the defense of the Fatherland. From October 1941 to August 1943, the Patriarchate was located in Ulyanovsk. After its return to Moscow, Stalin and Molotov met with Metropolitans Sergius, Alexy, and Nikolai in the Kremlin. At the meeting, permission was given to convene the Council of Bishops, the most important act of which was the election of Sergius as Patriarch of Moscow and All Rus'. Patriarch Sergius died on May 15, 1944.

Keywords: Patriarch Sergius (Stragorodsky), the Soviet state, church-state relations

For citation: Tsy-pin, V. A., Archpriest. (2024). Patriarch of Moscow and All Rus' Sergius and the Soviet State. *Orthodoxia*, (2), 54–79. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-2-54-79

REFERENCES:

Akty Sviatetskogo Tikhona, Patriarkha Moskovskogo i vseia Rossii, pozdneishie dokumenty i perepiska o kanonicheskom preemstve vysshei tserkovnoi vlasti. 1917–1943. [Acts of His Holiness Tikhon, Patriarch of Moscow and All Russia, Later Documents and Correspondence on the Canonical Succession of the Supreme Church Authority. 1917–1943]. (1994). Moscow. [In Russian].

Vasileva, O. Iu. (1997). Zhreby mitropolita Sergiia (Ot “Deklaratsii” do “Pamiatnoi zapiski”) [The Lot of Metropolitan Sergius (From the “Declaration” to the “Memorial Note”)]. In *Ezhegodnaia Bogoslovskaiia konferentsiia Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo instituta, 30 ianv. — 1 fevr. 1997 g.: Materialy* (pp. 174–186). Moscow. [In Russian].

Vladislav Tsy-pin, Archpriest. (1997). *Istoriia Russkoi Tserkvi. 1917–1997* [The History of the Russian Church. 1917–1997] (Vol. 9). Moscow. [In Russian].

Ioann (Snychev). (1997). *Tserkovnye raskoly v Russkoi Tserkvi 20–30-kh godov XX stoletii* [Church Schisms in the Russian Church of the 20–30s of the XX Century]. Samara. [In Russian].

Krasnov-Levitin, A. (1979). *Vospominaniia. Ruk Tvoikh zhar* [Memoirs. The Heat of Your Hands] (Vol. 2). Tel-Aviv. [In Russian].

Patriarkh Sergy i ego dukhovnoe nasledstvo [Patriarch Sergius and His Spiritual Legacy]. (1947). Moscow. [In Russian].

Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' i Velikaia Otechestvennaia voina [The Russian Orthodox Church and the Great Patriotic War]. (1943). Moscow. [In Russian].

Savich, A. A. (1947). *Kratkaia biografiia Sviateishego Patriarkha* [A Brief Biography of His Holiness the Patriarch]. In *Patriarkh Sergy i ego dukhovnoe nasledstvo* (pp. 13–52). Moscow. [In Russian].

Shkarovsky, M. V. (1995). *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' i Sovetskoe gosudarstvo v 1943–1964 godakh* [The Russian Orthodox Church and the Soviet State in 1943–1964]. Saint Petersburg. [In Russian].

About the author:

Archpriest Vladislav Alexandrovich Tsypin — Doctor of Church History, Doctor of Theology, Honored Professor of the Moscow Theological Academy, Honored Professor of the Sretenskaya Theological Academy, cleric of the “Great Ascension” church near Nikitskiye Vorota, member of the Inter-Council Presence of the Russian Orthodox Church, 5, Chistyi Pereulok, Moscow, Russia, 119034.

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 07.02.2024; approved after reviewing 12.02.2024; accepted for publication 21.02.2024.

Игумен Виталий (И. Н. Уткин)

РОССИЙСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ СВ. ИОАННА БОГОСЛОВА,
МОСКВА, РОССИЯ

Сергий (Страгородский), война и Родина: от святого царя- страстотерпца Николая II до Сталина

Аннотация. В годы Первой мировой войны архиепископ Сергий (Страгородский) занимал Финляндскую кафедру и был членом Святейшего Правительствующего Синода. Он принимал участие в подготовке всех церковных актов, направленных на организацию помощи раненым, семьям призванных на войну воинов, сиротам. Епархия под его руководством вела активную социальную работу.

Молитва о победе над врагом, утверждённая в 1914 году при прямом участии архиепископа Сергия, применялась затем в сокращённом виде и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

Во время Первой мировой войны церковная печать активно участвовала в формировании образа врага. В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов Русская Церковь действовала сходным образом.

Одной из особенностей церковного дискурса периода Первой мировой войны являлось формирование образа врага внутреннего. К концу 1916 года в церковной печати говорилось о всеобщем

отступлении от идеалов Святой Руси, жажде стяжательства и эгоизме, охватившем все классы населения.

В своей «Декларации 1927 года» Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей (Страгородский) вновь обратился к военно-патриотической тематике.

Поворотной точкой в церковно-государственных отношениях послужили события 1939–1940 годов, связанные с воссоединением с СССР Западных Украины и Белоруссии и стран Прибалтики.

22 июня 1941 года митрополит Сергей (Страгородский) написал послание к пастве, в котором призвал к поддержке борьбы Советского государства против нацистов.

С первых дней войны Церковь начала активную патриотическую работу. Собирались средства в Фонд обороны, на раненых. Необычным для практики предыдущих войн был сбор прямо на вооружения — танковую колонну имени Димитрия Донского.

Важным этапом церковной деятельности митрополита Сергея явилось издание предназначенной для перевода на иностранные языки и массового распространения за рубежом книги «Правда о религии в России».

Ключевые слова: Церковь, патриарх Сергей, война, обновленцы, СССР, нацисты, патриотическая деятельность, образ врага, Родина, «Правда о религии в России»

Для цитирования: Виталий (Уткин И. Н.), игум. Сергей (Страгородский), война и Родина: от святого царя-страстотерпца Николая II до Сталина // Ортодоксия. — 2024. — № 2. — С. 80–127. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-2-80-127

25 февраля 1915 года архиепископ Финляндский и Выборгский Сергей (Страгородский) в Успенском кафедральном соборе Гельсингфорса (ныне — Хельсинки) торжественно встречал императора Николая II.

Автор «Гельсингфорского православного листка» так описывал впечатления очевидцев царского визита: «По ступенькам высокой соборной паперти, между стройных рядов учеников и учениц русских учебных заведений, восходил Государь к соборным дверям. Здесь, под сенью храма, встретил Помазанника Божия Преосвященный архиепископ Сергей... Одним мгновением показалось всем нам пребывание Государя

Императора в соборе. Не отрываясь смотрели мы на Него¹, когда Владыка приветствовал его речью и окроплял святой водой... После молебствия Его Высокопреосвященство благословил Государя Императора святым образом Коневской Божией Матери, доложив, что подлинник... по преданию принесён самим преподобным Арсением с Афона в Коневский монастырь на Ладожском озере» (Д. В. Ц. К празднику 1915: 7–8).

«И вот, Он, Великий Хозяин Русской Земли, перед нами, — восклицает автор статьи. — Смиренно склоняет Он чело Своё под благословение архипастыря, смиренно лбызает святой Крест и молится вместе со своим народом, благоговейно принимая подносимый образ Царицы Небесной» (Там же: 6).

Впрочем, затем император посетил Николаевский лютеранский собор, где был встречен под звуки органа архиепископом Абоским Иогансоном, а тот рассказал своему царю, как в «тяжёлое время 1812 года» императора Александра I поддерживали «божественные слова 90 псалма» (Пребывание 1915: 10). Такая конфессиональная уравнишенность царского визита вполне очевидна, учитывая, какую роль в Финляндии играло лютеранство.

Затем Государь посетил в лазаретах раненых и больных воинов (Там же: 10–11).

После визита в Гельсингфорс император Николай II удостоит архиепископа Финляндского и Выборгского Сергия (Страгородского) ордена святого благоверного великого князя Александра Невского. В сопровождающей орден Высочайшей грамоте указывалось на заслуги архипастыря в деле «религиозно-нравственного воспитания и образования духовного юношества», имея в виду его труды на должности председателя Учебного комитета при Святейшем Синоде и ректора Санкт-Петербургской духовной академии, а также «утверждение в православной вере карел», проживающих на территории Финляндской епархии (Высочайшая грамота 1915: 3). В царском рескрипте ничего не говорилось о делах епархии во время войны. Вполне возможно, это было связано с тем, что война шла девятый месяц, а само награждение проходило по инстанциям загодя.

Тем не менее, как и во всех российских епархиях, в Финляндии труды по помощи раненым и призванным в армию воинам были весьма значительными.

¹ Местоимения, связанные с императором, традиционно писались с заглавной буквы, как и местоимения, связанные с Богом.

Именно на активные действия по такой помощи в годы Первой мировой войны в 1942 году будут указывать авторы книги «Правда о религии в России». Архиепископ Горьковский и Арзамасский Сергей (Гришин) писал в этом издании о событиях сравнительно недавних для его поколения: «Началась кровопролитная империалистическая война с немцами. Православная Церковь не осталась в стороне. Она оказывала все виды помощи русскими воинам. В этой помощи армии приняли участие и монастыри, и храмы, и верующие. Жертвовали деньгами и вещами. Устраивали лазареты, передовые перевязочные отряды, питательные пункты» (Правда о религии 1942: 42).

С мая 1911 года архиепископ Сергей (Страгородский) был членом Святейшего Синода (Одинцов 2013: 62). С началом Первой мировой войны синодалы показали личный пример помощи армии. Уже на заседании 20 июля 1914 года, посвящённом началу боевых действий, члены Синода повторили практику, принятую в ходе Русско-японской войны 1904–1905 годов, направив на «лазаретную помощь раненым и больным воинам всего жалования по Святейшему Синоду присутствующих в Синоде преосвященных и о процентном отчислении на этот предмет из жалования всех служащих в центральных учреждениях при Святейшем Синоде» (Рункевич 1916: 67–68). Через девять дней также на синодальном заседании было принято решение о передаче всех этих средств в период войны на «учреждаемый Святейшим Синодом лазарет», который открылся уже 1 октября 1914 года (Там же: 68–70).

Таким образом, архиепископ Сергей (Страгородский), постоянно участвуя в продолжительных сессиях Святейшего Синода и работе его учреждений, на протяжении всей Первой мировой войны вместе с другими синодалами-архипастырями, добровольно полностью отказывался от положенного за эти труды жалования, жертвуя его на нужды раненых воинов.

Во всех храмах осуществлялся тарелочный сбор в пользу раненых (Там же: 58). 20 июля 1914 года решением Синода был установлен специальный сбор в пользу Красного Креста (Там же: 52).

Был организован сбор вещей для армии. В ноябре 1914 года Синод утвердил специальный текст «Обращения пастыря к своим прихожанам о сборе пожертвований на нужды наших воинов», который необходимо было читать во всех храмах. Собирали тёплые вещи, а также рубахи, портянки, носки, холст, бумагею (Там же: 60–61).

Все эти церковные действия осуществлялись и в Финляндии под руководством архиепископа Сергия. Духовенство и прихожане посещали

раненых, распределённых по госпиталям и больницам, собирало вещи для армии (Не забывайте 1915: 14–15). «Гельсингфорский православный листок» из номера в номер публиковал корреспонденции о посещении госпиталей: «Прибыла в Гельсингфорс новая партия раненых воинов... в госпиталях нашли они любовь, внимание и заботливость» (Хотовицкий Добро пожаловать 1915: 5–6).

Настоятель Успенского храма Гельсингфорса, будущий ближайший сподвижник патриарха Тихона, ключарь Храма Христа Спасителя в Москве и священномученик протоиерей Александр Хотовицкий так описывал один из своих разговоров с ранеными: «— Знаете, батюшка, — признавался мне один, — тут очень хорошо, но скучно... — А разве тебе там под шрапнелями веселее? — Много веселее, — заговорили многие. — Конечно, опасно и голодно, но дружности чувства очень много...» (Там же: 5). «Побольше дружности чувства у всех сынов России в эту грозную годину, и не перестанет сверкать слава нашей Родины!» — делает вывод из этого разговора протоиерей Александр Хотовицкий.

15–16 августа 1915 года архиепископ Сергей, приехав из Петрограда, лично посетил все госпитали Гельсингфорса. Затем он прислал для воинов несколько сот Евангелий, Псалтирей и молитвословов (Д. В. Ц. Архипастырский подарок 1915: 3).

Крайне значимой темой в России в ходе Первой мировой войны являлась поддержка семей воинов, призванных на фронт. Ещё до войны, 25 июня 1912 года, был принят государственный закон, который обеспечивал семьи лиц, призванных в войска, и семьи добровольцев казённым пайком на всё время до возвращения призванного или, в случае его смерти, до назначения пенсии. Закон предусматривал, что паёк получали не только жена и дети, но отец, мать, дед, бабушка, братья и сёстры, если, конечно, они содержались трудом призванного (Рункевич 1916: 87–88). 26 июля 1914 года Святейший Синод с участием архиепископа Сергея (Страгородского) указал приходским попечительским советам взять на себя дополнительную заботу о семьях воинов. При этом от епархиальных архиереев требовали ежемесячных отчётов о динамике создания таких советов, числе семейств, которым оказывается помощь, и размере такой помощи (Там же: 91–92).

Приходское попечительство Успенского собора Гельсингфорса к февралю 1915 года собрало в помощь семьям воинов сумму в 14 тысяч финских марок (А. Х. Гельсингфорский приход 1915: 4). Протоиерей Александр Хотовицкий призывал, говоря о призванных в армию: «За

родную землю сражаются они, так стань же, родная земля, и ты за них, замени семье их защитника и кормильца» (Там же: 3).

В начале 1915 года Святейший Синод при участии архиепископа Сергия объявил повсеместный церковный сбор Великим постом в пользу детей воинов, павших на поле брани (Рункевич 1916: 126).

Святейший Синод призывал: «Настоящая великая война, призвавшая на поле брани, для защиты Отечества, верных сынов его, способных носить оружие, обязывает и всех, остающихся на местах своего жительства, нести свои силы и труды на алтарь Отечества» (Хотовицкий Чем отзовётся 1915: 1). Мужским монастырям предписывалось принимать выздоравливающих раненых, а женским — сирот в приюты.

В связи с этим постановлением архиепископ Сергей предписал настоятелям Валаамского, Коневского монастырей, игумении Лентульского монастыря представить свои соображения на этот счёт, о чём публично сообщалось в местной епархиальной печати (Там же: 2).

В Успенском приходе Гельсингфорса по благословению архиепископа Сергия (Страгородского) в 1915 году были открыты ясли в помощь детям жён призванных на войну воинов (Ясли 1915: 9).

Однако церковный дискурс в годы Первой мировой войны не сводился только к обоснованию необходимости подобных сборов и помощи. На страницах церковной печати поднимались самые глубинные и принципиальные вопросы, связанные с войной.

В первую очередь речь шла о самом обосновании возможности для православного христианина участвовать в войне. Церковная печать, совместно со светскими изданиями, активно участвовала в формировании образа внешнего врага. Однако достаточно быстро в годы Первой мировой войны она перешла и к образу врага внутреннего — через тему необходимости преодоления немецкого духовного, культурного и экономического «засилья». Церковные авторы активно обсуждали меры социально-политического регулирования, начиная от ограничения на деятельность театров и кинематографов во время войны и фиксации государственных цен, ограничения экономического «хищничества». Церковные авторы участвовали в дискуссиях о внешнеполитических целях, которые должна была достичь Российская империя в ходе Первой мировой войны. Помимо темы «славянской взаимности», постоянно обсуждались исторические предпосылки и следствия предполагавшегося занятия российскими армией и флотом черноморских проливов, Константинополя, а также судьба Святой Земли и Иерусалима (Виталий (Уткин) 2023: 2).

То есть дискурс церковной печати был весьма обширным. Её авторы чувствовали себя полноценной частью единого общерусского информационного пространства.

В этом дискурсе в первую очередь обращает на себя внимание духовная мотивация к защите Отечества. У ряда церковных авторов она строилась исключительно на противопоставлении оборонительной и наступательной войн. При этом источником любой наступательной войны провозглашалась «злая духовная воля», утверждалось, что долгом христианина является сопротивление такой воле. Столкновение с таким злом рассматривалось в качестве испытания для каждого православного христианина в отдельности и «исправления» всего общества в целом. Война провозглашалась «Судом Божиим над народами» (Виталий (Уткин) 2023: 51–52).

Внутри такой позиции всё было просто и понятно. Один из её активных разработчиков, рязанский церковный автор, протоиерей Павел Алфеев писал, что наступательная война — «от дьявола», оборонительная — «от Бога». Первая есть зло, нарушение заповедей Христовых, вторая — добро и выполнение таких заповедей (Алфеев 1915: 192–194). Такие построения опирались на официальную российскую позицию периода Первой мировой войны, согласно которой именно Германия и Австро-Венгрия рассматривались в качестве агрессоров, а Россия вместе с её «доблестными союзниками», Великобританией и Францией, представлялась исключительно обороняющейся стороной.

Вторая, более сложная позиция исходила из праведности той войны, которая ведётся ради защиты справедливости, освобождения от угнетения. Отсюда следовало, что сама такая война может быть как оборонительной, так и наступательной. Однако и такая позиция предполагала ярко выраженный образ врага, дегуманистического по своей сути. Один из её представителей, рязанский семинарский преподаватель А. Ф. Карашев, опираясь, как и прочие церковные авторы, на сообщения светской печати, пишет о германцах: «Они добивают наших раненых, десятками расстреливают мирных жителей, не щадят женщин и детей, разрушают вековые святыни» (Карашев 1914: 958).

В церковном дискурсе 1914–1917 годов война рассматривалась как столкновение в грандиозном мировом конфликте сил абсолютного добра и абсолютного зла, начинающая принципиально новую главу мировой истории (Краснопевцев 1914: 427).

26 июля 1914 года Святейший Синод при участии архиепископа Сергия издал определение о добавлении в ектении особых прошений

и чтении за Божественной литургией и на молебнах особой молитвы о победе (За императора 1914: 359–360). В молитве говорилось, что «враги наши собрались против нас, чтобы погубить нас и разорить святыни наши... несправедно они восстали на нас» (Молитва 1914: 10). «Доблестному же воинству нашему, — говорилось далее в молитве, — и воинству народов в союзе с нами сущих, подай во многом дерзновении о имени Твоём победить» (Там же). То есть как бы на стороне «абсолютного добра» оказывалась и Великобритания, являвшаяся в реальности одним из главных виновников Первой мировой войны.

В период 1941–1945 годов эта молитва в значительно сокращённом и трансформированном виде также читалась за Божественной литургией. Из неё, по сравнению с Первой мировой войной, были удалены фрагменты с призыванием помощи императору и союзникам (Правда о религии 1942: 87–88).

Церковная печать, вслед за светской, развивала образ врага. Говорилось о «неслыханных зверствах» немцев. Характеристика противника за три года войны превратилась в набор штампов — немцы «охвачены бесовской гордыней и буйством», они достигли степени «полнейшего одичания», разрушают и сжигают храмы (Виталий (Уткин) 2021: 148).

С удовлетворением церковная печать отмечала создание императором Николаем II Чрезвычайной комиссии для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками (Чрезвычайная 1915: 652). Схожая комиссия действовала и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Как и в период Первой мировой войны, её материалы активно использовались в политработе (Зверства 1941; Зверства 1942; Немецкие зверства 1942; Сборник 1946).

Более того, в период Великой Отечественной войны заново массовым тиражом были опубликованы материалы императорской Чрезвычайной комиссии, чтобы подчеркнуть полное сходство действий захватчиков в обеих войнах, выстроить единый негативный образ германского военнослужащего, охарактеризовать саму психологию немецкой нации (Документы 1942).

Однако, как мы уже сказали, образ внешнего врага достаточно быстро трансформировался в образ врага внутреннего. Практически сразу же после начала боевых действий началась борьба с «немецким засильем» внутри страны. Подразумевалось как конкретное экономическое и финансовое влияние немцев, в том числе российских подданных, так и сама зависимость отечественного образования, науки, культуры от Германии

на протяжении предшествующего длительного периода. Церковные авторы, даже священнослужители, как, например, пензенский священник Пётр Романовский, позволяли себе писать о том, что в России развилось «множество германских паразитов», «баронов, фонов и прочих тевтонов», которые не должны избежать «рук правосудия». Этот автор, вслед за московскими промышленниками и финансистами, потомками старообрядцев, требовал удаления из России крупных немецких собственников, преимущественно прибалтийских (Романовский 1915: 57–59).

Можно констатировать, что немецкие погромы 1915 года в Москве стали репетицией последующих революционных событий. Активно подогреваемый публицистикой внутренний раскол всё в большей степени приближал Россию к краю бездны.

К осени 1916 года в качестве внутреннего врага авторами церковной печати рассматривались уже «банкиры», «фабриканты», «заводчики», «сельские хозяева», «торговцы», породившие «эпидемию ненасытной алчности и гнусной наживы», охватившую общество. С точки зрения таких авторов «Святая Русь» на глазах превращалась в «скопище лихоимцев и грабителей» (Источников 1916: 1003–1005).

Церковные публицисты отмечали, что «любой класс населения» русского «народа-богоносца» в ходе войны вдруг проявил «волчьи аппетиты», вне зависимости от того, идёт ли речь о «банкире, рабочем или извозчике» (Н. М. Куда идёт 1917: 47).

В 1916 году многие епархиальные издания перепечатали неподписанное «Слово против торгового мародёрства», где говорилось, что в России произошло нечто «нелепое и странное», над ней пронеслась «тень Сатаны», страна стала «жалкой и нищенской», причём сделано это не немецкими, а русскими руками, охваченными «жаждой наживы» (Слово против 1916: 268).

Таков был контекст внутрироссийских нестроений, в котором уже в августе 1915 года архиепископ Сергей в Успенском соборе Гельсингфорса произнёс проповедь, озаглавленную в печати «Единое на потребу». Он говорил о трагедии отступления армии, когда пришлось «отдать обратно врагу русские земли, обagrённые священной кровью русских богатырей», о процветающем в обществе «ростовщичестве, страсти к наживе, к скорому обогащению за счёт общей нужды и страданий, спекуляции на предметах первой необходимости», о «снарядном голоде», выявившем «роковые пробелы в нашем хозяйстве», необходимости «работать и работать не покладая рук», с «утроенной энергией» (К недавнему

1915: 3). Причину всех неурядиц и поражений архиепископ Сергей видел в том, что «правда Божия забыта... много грешны все мы против правды Божией, должны к ней возвратиться», «сесть у ног Спасителя и слышать слово Его» (Там же). По словам архипастыря, нужно «одухотворить всю работу общим духовным подвигом» народа, «самоочищением, воздержанием, молитвой к Богу» (Там же: 4).

Ничего подобного вот этим оценкам внутреннего неурюстройства и поискам внутреннего врага нельзя встретить в церковной публицистике периода 1941–1945 годов, хотя образ внешнего врага и там активно развивался.

А к 1917 году в церковной печати складывается устойчивое представление о скорых изменениях в России. В октябре 1916 года «Пензенские епархиальные ведомости» писали о необходимости «пересоздать» заново «само общество» (Евграфов 1916: 657). В новогоднем номере наступающего 1917 года «Тульские епархиальные ведомости» писали о необходимости победы над тем «злым и смрадным», что «выползло на свет», грозит «отравить чистые источники народного порыва». Утверждалась необходимость и неизбежность «перерождения, очищения и соединения в одном могучем порыве к победе», ради того, чтобы преодолеть «тяжкие ошибки и ложные шаги» прошлого (Краснопевцев 1917: 105).

Ключевыми для всего церковного дискурса периода Первой мировой войны были идеи не только консолидации общества, но и его радикального обновления. Более того, сама война как минимум к 1916 году характеризовалась не просто как Отечественная, Вторая Отечественная или Великая, но именно как «Великая Отечественная война». Именно такое наименование война получила в книге русского церковного писателя-историка, обер-секретаря Святейшего Синода С. Г. Рункевича «Великая Отечественная война и церковная жизнь», вышедшей в 1916 году (Рункевич 1916: 1). Автор писал: «Настоящая Великая Отечественная война принадлежит к такого рода мировым явлениям, которые с самого момента действительности переходят на страницы истории» (Там же).

Такое наименование было вполне справедливым, так как считалось, что война ведётся против абсолютного врага, эсхатологического зла, воплощение которого видели в германском милитаризме. Итогом войны должно было стать коренное изменение положения православной России в мире. Предстоит не только геополитическое торжество России, но и торжество православия. Более того, по итогам войны Россия должна коренным образом измениться и обновиться внутри. Например, один из инструментов такого обновления — «отрезвление», не просто введение

ограничений на продажу спиртного, но радикальное изменение образа жизни граждан.

Именно для достижения этих глобальных целей и выдвигались с самого начала боевых действий лозунги «Всё для войны!» и «Всё для Победы!» (Всё — для конечной победы 1915: 648).

Как мы видели выше, считалось, что война выявила огромные внутренние противоречия в российской жизни, её зависимость от чуждого влияния, внутреннее духовное и моральное оскудение. Поэтому и ожидалось обновление Отечества.

Фактически перед нами дискурс Февральской революции 1917 года, которая её современниками воспринималась в качестве патриотического акта.

6 (19) марта 1917 года Святейший Правительствующий Синод обратился к пастве с воззванием о поддержке Временного правительства. Наряду с будущим священномучеником Владимиром (Богоявленским), митрополитом Киевским, будущим исповедником святителем Макарием (Невским), митрополитом Московским, будущим патриархом, святителем Тихоном (Беллавиным), архиепископом Литовским, будущим священномучеником Василием (Богоявленским), архиепископом Черниговским, митрополит Финляндский Сергей (Страгородский) подписал этот один из самых пререкаемых документов в русской церковной истории.

Он начинался словами «Свершилась воля Божия, Россия встала на путь новой государственной жизни» (Ради мира 2006: 11). Необходимость довериться Временному правительству мотивировалась здесь констатацией военного напряжения: «Враг ещё стоит на нашей земле. Славной нашей армии предстоят в ближайшем будущем великие усилия» (Там же: 11–12). В послании звучал призыв к консолидации страны «ради миллионов лучших жизней, сложенных на поле брани, ради бесчисленных денежных средств, затраченных Родиной для защиты от врага... оставьте в это историческое время всякие распри и несогласия, объединитесь в братской любви на благо Родины» (Там же: 12).

Революционные годы и ожесточённая Гражданская война отодвинули в сторону церковную военно-патриотическую тематику.

Однако развитие новой власти, ставшей постепенно на протяжении 1920-х годов одной из форм исторической государственности России, необходимость налаживания церковно-государственных отношений вновь вернули такую тематику в повестку дня.

В известном послании к пастве («Декларации») Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергея

(Страгородского) и временного при нём Патриаршего Священного Синода от 29 июля 1927 года явственно указывается на «зарубежных врагов Советского государства», «выступления» которых «не прекращаются»: «убийства, поджоги, налёты, взрывы и им подобные явления подпольной борьбы у нас всех на глазах» (Акты 1994: 510).

Одна из главных целей «Декларации» — показать, что «церковные деятели не с врагами нашего Советского государства и не с безумными орудиями их интриг, а с нашим народом и с нашим правительством» (Там же). Именно поэтому верующие, как говорится в послании, должны «не на словах, а на деле» показать, что могут быть «верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советской власти». Отсюда проистекает вызвавшее тогда и вызывающее до сих пор потоки не просто критики, а самой настоящей ненависти утверждение митрополита Сергия: «Мы хотим быть Православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской Родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи» (Там же).

Эта гражданственно-политическая идентичность Патриаршей Церкви в СССР определяется внешними вызовами по отношению к своей стране: «Всякий удар, направленный в Союз, будь то война, бойкот, какое-нибудь общественное бедствие или просто убийство из-за угла, подобное Варшавскому, сознаётся нами как удар, направленный в нас» (Там же: 511–512).

В послании тема военной внешней угрозы напрямую пересекается с тематикой Русской Православной Церкви Заграницей, указывается на то, что патриарх Тихон своим решением от 5 мая 1922 года упразднил заграничный Синод, который тем не менее продолжает существовать. Митрополит Сергей призвал зарубежные церковные круги «не прерывать со своей родной Церковью и Родиной», условием чего теперь являлся пересмотр эмигрантами «своего отношения к Советской власти» (Там же: 512).

Спустя шесть лет митрополит Сергей объяснял, что этим он «не хотел навязать эмигрантам, не желающим быть гражданами СССР, советскую политическую программу», а только «налагал на заграничных духовных лиц ограничение их внешней деятельности», чтобы они не попали под «нажим партийных политиков», под которыми понимались антисоветские зарубежные монархисты (Митрополит Сергей 2020: 483).

В послании к сербскому патриарху Варнаве в 1933 году митрополит Сергей отмечал, что «одним из главных членов веры» «монархической партии, заправлявшей Краловацкой группой», было предположение

о падении советской власти «в ближайшие годы, если не месяцы». «Расчёты монархистов оказались битыми», — писал митрополит Сергей (Митрополит Сергей 2020: 481).

Внешней угрозой СССР определялась и публичная позиция митрополита Сергея (Страгородского) в начале 30-х годов по отношению к политическим заявлениям папы Пия XI, а также архиепископа Кентерберийского. Митрополит Сергей в «интервью с корреспондентами иностранной печати», опубликованном в газете «Известия» 19 февраля 1930 года, характеризовал такие заявления как «призывы к крестовому походу против СССР». Он подчёркивал, что такие призывы «имеют целью нанести вред Советскому государству как в пределах СССР, так и за границей» (Акты 1994: 687). Он заявлял, что за один только 1929 год католики в Польше отобрали у православных около 500 церквей, однако при этом был вынужден дипломатично уклоняться от ответа на вопрос, сколько храмов было закрыто в СССР в том же самом году (Акты 1994: 687).

В своём послании пастве, опубликованном в начавшем издаваться «Журнале Московской Патриархии» в 1931 году, митрополит Сергей вновь выступил против антисоветских заявлений римского папы, «исполненных», по его словам, «всякой неправды» и преследовавших цели, «совсем, казалось бы, не свойственные смиренному служителю алтаря» (Митрополит Сергей 2020: 430). Это отвержение католических «проповедей», как выразился митрополит Сергей в послании, «своеобразного крестового похода против нашей Родины» он основывал на невозможности молчать именно в качестве патриота СССР («верного сына нашей Родины») (Митрополит Сергей 2020: 430).

В 1934 году в жизни Патриаршей Церкви произошло значимое событие — митрополит Сергей (Страгородский) был возведён на Московскую кафедру и из Заместителя стал Патриаршим Местоблюстителем. Издававшийся в 1931–1935 годах новый церковный орган, «Журнал Московской Патриархии», отмечал, что это действие стало восстановлением самой идеи патриаршества в «Русской автокефальной Церкви», вдовствующая кафедра её первого епископа была наконец-то замещена. Патриаршая Церковь консолидировалась. 2 мая в Елоховском Богоявленском соборе Москвы прошли торжества, в которых приняли участие 20 архиереев, 44 священника, 15 диаконов (Журнал 2001: 211–215).

После тяжелейших испытаний, пройденных Патриаршей Церковью, в 1939 году начался существенный поворот в церковно-государственных отношениях. Он был связан с началом мировой войны.

Чем больше нацистская Германия проявляла свою внешнюю экспансию, тем более резкой становилась политическая церковная поляризация. По сути, можно говорить о начале церковно-политической гонки за управление епархиями, оказавшимися в зонах германского, а затем и советского контроля.

В августе 1936 года после смерти первоиерарха Русской Православной Церкви Заграницей митрополита Антония (Храповицкого) эту зарубежную структуру возглавил митрополит Анастасий (Грибановский). Симпатизируя монархии, он стремился выстраивать «добрые отношения» с разными эмигрантскими движениями и деятелями антикоммунистической направленности, включая создателя Всероссийской фашистской организации А. А. Восняцкого, женатого на американской миллионерше. Впрочем, не чуждался он связей и с организациями, объявленными ранее РПЦЗ «масонскими», такими как ИМКА и РСХД (Кострюков 2007: 49).

В 1938 году Архиерейским Синодом РПЦЗ была введена для употребления за богослужениями формула молитвенного поминовения «о богохранимой стране Российской и Российском Императорском Доме», что стало выражением совершенно чёткой политической позиции (Кострюков 2007: 50).

Особенно значимым стал Второй Всезарубежный собор РПЦЗ, прошедший в 1938 году. В своём послании «Русской пастве, в рассеянии сущей» собор призвал восстановить в России монархию. И именно Церковь рассматривалась как центр такого возрождения «на исконных русских исторических началах» (Кострюков 2007: 52).

Одновременно на территории Германии происходило сближение Русской Православной Церкви Заграницей с нацистским режимом. 14 марта 1936 года правительство Пруссии признало Берлинскую и Германскую епархию РПЦЗ «корпорацией публичного права», это постановление было распространено и на другие земли рейха (Кострюков 2007: 56). 26 марта того же года Архиерейский Синод РПЦЗ принял следующие молитвенные формулы — на великой ектении: «о христолюбивых властях народа германского, Правительстве и воинстве его, Господу помолимся», на сугубой ектении: «ещё молимся о христолюбивых властях народа германского, о державе, победе, пребывании, мире, здравии, спасении их и Господу Богу нашему наипаче поспешити и пособити им во всех и покорити под нозе их всякого врага и супостата» (Кострюков 2007: 56).

Однако этого показалось недостаточно, и 8 июня того же 1936 года Архиерейский Синод изменил формулу, почеркнув особый статус Гитлера.

Теперь русским православным христианам в Германии предписывалось молиться так — на великой ектении: «о христолюбивом Вожде народа Германского, правительстве и воинстве его, Господу помолимся», на сугубой ектении: «ещё молимся о христолюбивом Вожде народа германского, о державе, победе, пребывании, мире, здравии, спасении их и Господу Богу нашему наипаче поспешити и пособити им во всём и покорити под нозе их всякого врага и супостата» (Кострюков 2007: 57).

Важнейшим событием германской «православно-церковной» жизни 1930-х годов стало строительство в Берлине Воскресенского кафедрального собора. Материальную помощь оказали правительство Германии, а также местная Евангелическая церковь, правительство Югославии, король Болгарии, сербский патриарх Варнава, варшавский митрополит Дионисий, пожертвовавший собору иконостас (Кострюков 2007: 58). Храм был торжественно освящён 12 июня 1938 года. Присутствовали представители нацистского правительства Германии. При входе были подняты русский триколор и нацистский флаг. Митрополит Анастасий (Грибановский), возглавивший освящение собора, по окончании богослужения огласил свой благодарственный адрес Гитлеру, благословляя его на борьбу с коммунистами, «желающими гибели и нашего народа» (Кострюков 2007: 59). Митрополит Анастасий выражал надежду, что «и для нашей многострадальной Родины ещё не наступил конец истории», а Бог пошлёт ей «Вождя», который её «воскресит», подобно тому как Он якобы послал Гитлера германскому народу (Кострюков 2007: 59).

В августе 1939 года Архиерейский Синод РПЦЗ назначил епископом Берлинским и Германским этнического немца Серафима (Ляде). Свои письма он стал подписывать формулой «Хайль Гитлер», принятой в официальной переписке рейха (Кострюков 2007: 57–58).

Вместе с расширением территории рейха расширялась и Берлинская епархия. Германское Министерство церковных дел стремилось создать единую епархию на всех оккупированных территориях, чтобы со временем превратить её в автокефальную Поместную Церковь. В Берлинскую епархию были включены приходы Западноевропейского экзархата в Германии и Чехии. В мае 1941 года к Берлинской епархии присоединилась Чешская епархия Сербской Православной Церкви. Затем наступила очередь приходов в Австрии, Судетской области, Словакии, Богемии и Моравии, Люксембурге и Бельгии. 26 мая 1942 года с разрешения правительства Германии было принято решение о преобразовании Берлинской епархии в Среднеевропейский митрополичий округ. В западных районах

Польши, непосредственно присоединённых к Германии, православные храмы ещё в 1939 году стали частью Берлинской епархии. 23 ноября 1939 года митрополит Дионисий (Валединский) заявил об упразднении польской автокефалии. Накануне он передал власть архиепископу Серафиму (Ляде). Однако нацисты пожелали сохранить Польскую Церковь для создания украинской националистической церковной структуры (Кострюков 2005: 63–69).

Таким образом, «православная» структура рейха активно приближалась к новым границам СССР.

22 июня 1941 года митрополит Серафим (Ляде) обратился с воззванием к «русскому народу». В нём прямо говорилось: «Пробил час освобождения нашей многострадальной, дорогой Родины от власти богоборцев. Вождь Германского народа, канцлер Хитлер объявил крестовый поход против поработителей России. Началась страшная, решительная борьба с красными дьяволами. Открылась священная война со злейшими врагами русского народа и всего человечества. За вождём германского народа пошли в бой с мировыми злодеями многие народы Европы. Россия накануне освобождения и возвращения к новой лучшей жизни, к свету, к славе, к величию. Да будет благословен день и час, когда началась великая славная война с III Интернационалом. Да благословит Всевышний великого вождя германского народа, поднявшего меч на врагов самого Бога. Да погибнет дьявольская шайка злодеев, распявших Россию. Да исчезнет с лица земли масонская звезда, серп и молот. Да воссияет на родной земле и во всей вселенной Крест Христов... Именем Божиим, Крестом Христовым благословляю всех борцов за освобождение России, за её грядущую славу и величие. С нами Бог!» (Русская военная эмиграция 2017: 223–224). Здесь же митрополит Серафим призывал «всех верных сынов России» на «великий, славный, ратный подвиг» по примеру святого благоверного князя Александра Невского, великого князя Дмитрия Донского, патриарха Гермогена и всех «угодников и молитвенников за Русскую землю» (Русская военная эмиграция 2017: 225–226).

Через четыре дня, 26 июня 1941 года, Глава Российского императорского дома, за которого было предписано в РПЦЗ возносить молитвы во время богослужения, великий князь Владимир Кириллович обратился «ко всем верным и преданным сынам нашей Родины» «способствовать по мере сил и возможностей свержению большевистской власти и освобождению нашего Отечества от страшного ига коммунизма» в час, когда

«Германией и почти всеми народами Европы объявлен крестовый поход против коммунизма-большевизма»².

Именно отсюда и происходили утверждения советской печати о стремлении Гитлера вернуть царский строй. Уже 28 июня 1941 года «Правда» писала: «В обозе второго разряда германской фашистской армии, где-то между походными кухнями и домашним скарбом господ офицеров, скромно следует “русский царь”. Его спешно изготовили в Берлине из первого попавшегося под руку материала»³ (Заславский: 5). Статья Д. Заславского, откуда приведена данная цитата, казалось бы, была размещена всего на пятой странице номера. Однако она дала старт крупной информационной кампании, посвящённой связи нацистов и русских монархистов.

Характерен, например, изданный массовым тиражом плакат А. М. Любимова с такими стихами:

В германском обозе волнение не зря —
Фашисты везут для России царя!..
Сидит он, качаясь, на тощем коне
И спяну в Москве себя видит — во сне...⁴

В своей статье Д. Заславский писал не только о претензиях на престол великого князя Владимира Кирилловича, но и о других возможных кандидатах в «цари».

Эта ситуация и позволила И. В. Сталину сказать в своём обращении по радио 3 июля 1941 года, что враг «ставит своей целью» «восстановление царизма» (Сталин 1948: 13). Дискурс зарубежной монархической эмиграции занимал видное место в восприятии изнутри СССР многих тогдашних европейских событий, вне зависимости от известных ныне реальных планов нацистов в отношении советских территорий и их дальнейшего устройства.

События в православной монархической эмигрантской среде, особенно в быстро растущей Германской епархии РПЦЗ 1938–1941 годов, не могли не вызвать ответную реакцию в СССР. Здесь в противовес нацистам также стали активно использовать Церковь.

² Обращение Главы Российского императорского дома государя великого князя Владимира Кирилловича // Газета «Монархист». — Легитимизм. — URL: <http://monarhist.info/LEG/1941/Obrastchenie-26-06-41.htm> (дата обращения: 28.03.2024).

³ Заславский Д. Заготовка царей в Берлине. — Правда. — 1941. — 28 июня. № 177. — С. 5.

⁴ Кто вместе с фашистским сбродом хочет править нашим народом... [Изоматериал] : [плакат] / худож. А. М. Любимов. — [Л.] : Искусство, 1941. — 1 л. : хромолитогр.

После отстранения в ноябре 1938 года от руководства НКВД Н. И. Ежова начался пересмотр многих следственных дел, в результате которого были освобождены из заключения несколько архиереев и сотни священнослужителей (Шкаровский 2005: 95). Начинает меняться тон прессы в отношении Церкви, 950-летие Крещения Руси отметил даже журнал «Безбожник». Тогда же, в 1938 году, был снят фильм С. М. Эйзенштейна «Александр Невский», прославлявший великого князя, много столетий назад уже прославленного Церковью. Третья «безбожная пятилетка» так и не была провозглашена, не состоялся запланированный III съезд «Союза воинственных безбожников». Количество членов последнего упало с более чем пяти с половиной миллионов до двух миллионов, хотя в составе союза к 1938 году планировалось иметь 22 миллиона членов (Шкаровский 2005: 95–96).

Перед началом Второй мировой войны, к лету 1939 года, в Русской Патриаршей Церкви оставалось менее 15 архиереев, из них лишь четверо были правящими — Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей (Страгородский), митрополит ленинградский Алексей (Симанский), управляющий делами Московской Патриархии архиепископ Дмитровский Сергей (Воскресенский) и архиепископ Петергофский Николай (Ярушевич). Ещё около 10 архиереев жили на покое или служили в качестве настоятелей храмов. При этом самих епархий как административных структур практически не существовало, а отдельные приходы поддерживали нерегулярные связи с Патриархией (Шкаровский 2005: 99).

Церковь пережила тяжелейшие репрессии. По данным Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, обладающего наиболее полной базой репрессированных из числа священнослужителей, монашествующих и связанных с Церковью мирян, в 1937 году на 11 тысяч 174 ареста таких лиц пришлось 6 тысяч 340 расстрелов. На 1938 год приходится 1 тысяча 862 ареста, но 2 тысячи 807 расстрелов, в том числе тех, кто уже находился в заключении раньше. Сравнимого с этими двумя годами расстрелов церковных людей не было никогда ни до, ни после. Даже в период прямого гонения 1922 года на 1 тысячу 143 ареста пришлось 63 расстрела, в страшном для Церкви 1930 году во время коллективизации на 4 тысячи 486 арестов — 484 расстрела. Эти данные можно считать достаточно репрезентативными, хотя они и не учитывают обновленцев⁵.

⁵ Авторский расчёт на основании: Электронный биографический справочник «За Христа пострадавшие». Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. — URL: <https://pstgu.ru/baza-dannykh-za-khrista-postradavshie/> (дата обращения: 01.04.2024).

В 1939 году на 131 арест пришлось 99 расстрелов. Аресты и расстрелы церковных людей продолжались на постоянной основе вплоть до 1953 года. За годы Великой Отечественной войны было произведено 729 таких арестов, расстреляны 736 человек. Пиком расстрелов стали 1942–1943 годы (345 и 123 соответственно)⁶. Структура этих арестов и расстрелов ещё ждёт своего будущего исследователя. В том числе представляется важным выяснить, какая часть из этих арестованных и расстрелянных церковных лиц в силу своего мировоззрения и предыдущего опыта стояла на антигосударственных позициях по эту линию фронта, а кто оказался замешан в сотрудничестве с оккупантами.

К началу Второй мировой войны Патриаршая Церковь оказалась в полумаргинальном состоянии. Широко распространились «тайные священники», в подполье происходила активная деформация самой церковности, там имели место не только редукция богослужения и вероучения, но и смешение с беспоповской и сектантской средой. Ряд общин начал управляться мирянами, примером чего являются воронежские так называемые дедушки, а некоторые пришли и к женскому псевдосвященству (Беглов 2018: 203–223).

Датой начала коренных изменений в этой ситуации можно считать 17 сентября 1939 года, начало освободительного похода Красной армии в западные области Украины и Белоруссии. Через год после начала Второй мировой войны в состав СССР вместе с этими территориями вошли Прибалтика, Бессарабия, Северная Буковина с более чем семью с половиной миллионами православных верующих. Здесь имелись работоспособные епархиальные структуры и монастыри (Шкаровский 2005: 101–102). Их необходимо было взять под контроль, особенно на фоне быстро растущей прогитлеровской Германской епархии по ту сторону новой государственной границы СССР. Обновленческие структуры для этого были бесполезны, они не имели в глазах православных людей с новых территорий никакой легитимности. Государственная власть оказалась перед необходимостью возрождения структур Патриаршей Церкви.

28 октября 1940 года Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей (Страгородский) издал указ об образовании в западных областях Украины и Белоруссии Экзархата в составе пяти епархий, имевших 2050 храмов. Экзархом был назначен архиепископ Николай (Ярушевич). Перед этим на новых территориях уже потрудился управляющий делами Московской

⁶ Там же.

Патриархии архиепископ Дмитровский Сергей (Воскресенский) (Сурков 2012: 229). По свидетельству современников, архиепископ Николай, прибыв в новосозданный экзархат, не произносил политических речей и советовал духовенству не вмешиваться в политику (Сурков 2012: 231).

Архиепископ Волынский и Луцкий Николай (Ярушевич) проявлял личную храбрость, не показывая своего страха перед возможными терактами со стороны националистов. Свидетель его деятельности в Экзархате протоиерей Г. Соловей вспоминал, что архиепископ Николай ездил везде без охраны и свиты, принимал у себя всех желающих (Соловей 1955: 37).

Протоиерею Г. Соловью на пасхальной седмице 1941 года довелось сопровождать архиепископа Николая в Почаевскую лавру. Он передаёт следующие слова, сказанные ему Экзархом в купе поезда: «Всякое стремление нарушить лояльность между Церковью и государством, всякое намерение сделать Церковь орудием нецерковных интересов, всякая попытка, укрывшись рясой, наносить ущерб своему народу и государству богопротивны и оскверняют Церковь. Поэтому они недопустимы и преступны» (Соловей 1955: 38).

В конце 1939 — начале 1940 года государственная власть, нуждающаяся теперь в деятельности Московской Патриархии на новых территориях и за рубежом, значительно уменьшила давление на Церковь, подчёркивая религиозную терпимость. Изменился тон партийной прессы. Журнал «Антирелигиозник» назвал «вредной шумихой» «внешне эффективную деятельность по закрытию церквей». В 1940 году была отменена пятидневная рабочая неделя, и воскресенье вернулось в качестве выходного дня (Шкаровский 2005: 104).

В январе 1941 года управляющий делами Московской Патриархии архиепископ Сергей (Воскресенский) был назначен митрополитом Литовским и Виленским. Епископом Кишенёвским был назначен Алексей (Сергеев) (Шкаровский 2005: 105).

Народный комиссариат внутренних дел активно занимался вопросом государственного переустройства новых территорий. 9 февраля 1941 года народный комиссар государственной безопасности СССР В. Н. Меркулов направил И. В. Сталину и В. М. Молотову записку «Об автокефалистах в Прибалтике», где предлагал через подчинение в Литве, Латвии и Эстонии Московской Патриархии создать там «обычные епархии» (Курляндский 2011: 534).

24 марта 1941 года указом митрополита Сергия (Страгородского) в Латвии и Эстонии был учреждён Экзархат. Его главой был назначен

митрополит Сергей (Воскресенский). 28 марта прибалтийские архиереи в Елоховском Богоявленском кафедральном соборе Москвы прошли процедуру публичного покаяния, воссоединились с Московской Патриархией и вновь вернулись в Прибалтику (Шкаровский 2005: 107).

В крупнейший монастырь новых территорий, Почаевскую Свято-Успенскую лавру, был командирован благочинный трёх районов Московской области архимандрит Панкратий (Гладков) (Шкаровский 2005: 105).

Принципиально важным для окончательной легализации Московской Патриархии стал факт новых архиерейских хиротоний — для новых территорий. Весной 1941 года во епископа Черновицкого был хиротонисан Дамаскин (Малюта), во епископа Пинского — Вениамин (Новицкий) (Шкаровский 2005: 105).

Все эти события стали следствием сближения Патриаршей Церкви и государства на фоне Второй мировой войны, идущей с сентября 1939 года, и вызванных ею территориальных изменений. В центре церковно-государственных отношений находилась фигура Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергея (Страгородского).

Ярким видимым проявлением нового положения Патриаршей Церкви стали московские торжества 10 марта 1941 года, посвящённые 40-летию архиерейской хиротонии Патриаршего Местоблюстителя, митрополита Московского и Коломенского Сергея (Страгородского). Они прошли в кафедральном Богоявленском Елоховском соборе. В них приняли участие 11 архипастырей, включая архиереев новых территорий. Торжества были предельно комплиментарно описаны в американской эмигрантской газете «Новое русское слово» Дмитрием Александровичем Ишевским, что само по себе было весьма показательным явлением⁷.

Д. А. Ишевский перед Первой мировой войной издавал еженедельник «Неделя», с началом боевых действий создал фотоисторическое бюро при Главном комитете Всероссийского земского союза. После революции активно поддерживал патриарха Тихона. В эмиграции переписывался с митрополитом Литовским и Виленским Елевферием⁸ и, что особенно

⁷ Ишевский Д. А. Юбилей Патриаршего Местоблюстителя // Новое русское слово. — 1941. — 24 мая. — № 10332.

⁸ ГА РФ. Ф. Р7342. Оп. 1. Д. 8. Переписка Д. А. Ишевского с митрополитом Литовским и Виленским Елевферием. Копии.

значимо, с Экзархом Патриаршей Церкви в США архиепископом (с 1938 года — митрополитом) Вениамином (Федченковым)⁹.

Д. А. Ишевский так описывает обстановку в Елоховском соборе 10 марта 1941 года: «Задолго до начала торжественной Литургии Преждеосвященных Даров я с трудом пробирався к алтарю. Несмотря на необычайную тесноту в храме, народ двумя плотными стенами стоял по краям дорожки из живых цветов» (Правда о религии 1942: 62). В алтаре он увидел «горы золочёной парчи епископских и священнических облачений, множество митр», Патриаршего Местоблюстителя встречал «сонм столичного митрофорного духовенства» во главе с протоиереем Николаем Колчицким (Правда о религии 1942: 62).

Д. А. Ишевский приводит адрес, поднесённый юбиляру, оглашённый Экзархом Прибалтики митрополитом Сергием (Воскресенским). Здесь митрополит Сергей (Страгородский) именуется «полномочным носителем патриаршей власти в звании Блаженнейшего Местоблюстителя автокефальной Православной Российской Церкви», говорится, что избранный им для Церкви путь соединил «полное сохранение апостольского преемства и чистоты православного учения» с «полной и высокой лояльностью Церкви и воспитания в чадах Церкви любви к Родине», дабы они «оставаясь православными, помнили свой долг быть гражданами Союза не только из страха, но и по совести» (Правда о религии 1942: 65).

22 июня 1941 года Патриарший Местоблюститель, митрополит Московский и Коломенский Сергей (Страгородский) собственноручно на пишущей машинке написал послание к пастве, которое стало хрестоматийным для понимания позиции Московской Патриархии в годы Великой Отечественной войны.

«Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину», — говорится в послании. Здесь чётко создаётся привычный по Первой мировой войне образ врага, против которого ведётся справедливая оборонительная война: «Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю» (Правда о религии 1942: 15–16). Митрополит Сергей сравнивает Германию и её союзников с Батыем, немецкими рыцарями, «Карлом шведским» и Наполеоном. Он говорит о повторении в новой войне ключевых моментов русской истории — «не первый раз приходится русскому народу

⁹ ГА РФ. Ф. Р7342. Оп. 1. Д. 6. Переписка Д. А. Ишевского с архиепископом Алеутским и Северо-Американским Вениамином. Копии.

выдерживать такие испытания», «наши предки не падали духом и при худшем положении» (Правда о религии 1942: 16).

Особое место в послании занимает предельно чёткое обозначение позиции Патриаршей Церкви в начавшейся схватке. Это нужно было особенно подчеркнуть в свете описанных выше действий Берлинской епархии РПЦЗ в предшествующий период. Чётко соотносясь с тезисом, заявленным ещё в «Декларации 1927 года», он пишет, что Церковь «всегда разделяла судьбу народа», несла испытания вместе с ним и «утешалась его успехами». Поэтому и сейчас она благословляет «предстоящий всенародный подвиг» (Правда о религии 1942: 16).

Приводя известные евангельские слова о том, что нет больше любви, чем положить свою душу «за други своя» (Ин. 15: 13), митрополит Сергей толкует эти слова применительно не только к подвигу непосредственно на поли брани, когда воин «убит на сражении за свой народ и его благо», но к трудам всех тех, кто «жертвует собой, своим здоровьем или выгодой ради Родины» (Правда о религии 1942: 17).

Здесь же Патриарший Местоблюститель подчёркивает, что пастыри не должны молчать в сложившейся ситуации, так как такое молчание может «объясниться» «лукавыми соображениями насчёт возможных выгод на той стороне границы», то есть «прямая измена Родине» (Правда о религии 1942: 17).

Митрополит Сергей призвал вспомнить «великих вождей русского народа», «полагавших душу свою за народ и Родину», и назвал имена Александра Невского и Димитрия Донского (Правда о религии 1942: 16). В России этот призыв звучал куда органичнее, чем в эмиграции, где митрополит Серафим (Ляде), как отмечалось выше, пытался использовать эти имена для оправдания нацистского якобы «крестового похода» против СССР. Можно сказать, что обращение к этим именам в контексте начавшейся войны являлось окончательной фиксацией национально-консервативного русского поворота, происходившего в идеологии СССР с конца 1930-х годов.

В своей речи на параде Красной армии 7 ноября 1941 года И. В. Сталин расширил список «великих предков», чей «мужественный образ» должен был вдохновлять идущих в бой бойцов. Он перечислил Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьму Минина, Димитрия Пожарского, Михаила Кутузова. При этом в речи трижды упоминался В. И. Ленин, один раз говорилось о его знамени, осеняющем войска, а дважды использовалось словосочетание «дух великого Ленина», как

применительно к ситуации Гражданской войны, когда Ленин был жив, так и к 1941 году (Сталин 1948: 38–40).

С первых дней войны отдельными приходами стали делаться попытки помощи раненым по примеру аналогичных действий в период Первой мировой войны. Уже 24 июня 1941 года община Князь-Владимирского собора Ленинграда обратилась в Ленсовет с заявлением о желании открыть свой отдельный лазарет и ежемесячно субсидировать его на сумму в 30 тысяч рублей (Русская Православная Церковь 2009: 40–41). Вопрос о сотрудничестве в деле окормления раненых продолжал оставаться нерешённым до весны 1943 года. Как следует из докладной записки заместителя наркома государственной безопасности СССР Б. З. Кобулова начальнику Главного политического управления РККА А. С. Щербакову, в Калуге местный архиерей епископ Питирим (Свиридов) взял шефство над эвакогоспиталем, проводил совещания совместно с его руководством, включая замполита и секретаря партбюро о помощи раненым, собрал с помощью духовенства 50 тысяч рублей, дважды давал в госпитале концерты церковного хора. В записке говорилось: «Получив эти сведения, НКГБ СССР приняты меры к недопущению впредь попыток со стороны церковников входить в непосредственные сношения с командованием госпиталей и ранеными под видом шефства» (Русская Православная Церковь 2009: 186–187).

Таким образом, попытки контактов Церкви непосредственно с ранеными были окончательно свёрнуты.

Приветствовалась только материальная помощь приходов деньгами, ценностями и вещами в Фонд обороны и фонд Красного Креста, семьям воинов, инвалидам и раненым. Сборы таких средств были развёрнуты повсеместно. Например, в храмах Ленинграда в 1941 году было собрано 2 миллиона 144 тысячи 243 рубля 66 копеек, в блокадные 1942 и 1943 годы — 6 миллионов 535 тысяч 566 рублей 99 копеек, в 1944 году — 4 миллиона 594 тысячи 681 рубль. А, например, Вологодская епархия с 1941 по 1944 год собрала 2 миллиона 957 тысяч 805 рублей (Русская Православная Церковь: 2009, 159).

В феврале 1944 года, сразу после освобождения от фашистов, церковные общины и духовенство Киева собрали 150 тысяч рублей в «Фонд обороны страны ко дню 26-й годовщины Красной Армии», о чём написали И. В. Сталину. Они также сообщали, что включились в работу по материальной помощи эвакогоспиталю (Русская Православная Церковь 2009: 93).

На Архиерейском Соборе 8 сентября 1943 года митрополит Сергей (Страгородский) в своём докладе свидетельствовал о многообразии сбора

пожертвований в епархиях и на приходах в годы войны. Одни, говорил он, жертвовали на оборону вообще, другие на раненых, третьи на детей тех, кто ушли на фронт или погибли. Зимой собирали тёплые вещи. И всё это простые богомольцы несли в храмы (О деятельности 1943: 8).

Приходской совет Введенской церкви Кировского района города Курск в январе 1944 года сообщал в райком ВКП(б) о том, что за год ими на оборону и на помощь раненым собрано 126 тысяч рублей. Среди этих пожертвований были 25 тысяч на «оборудование госпиталя для офицерского состава», а также сумма в 3 тысячи рублей в счёт строящегося на средства жителей Курска самолёта «Курский красный партизан» и 10 тысяч «на танкостроение» (Русская Православная Церковь 2009: 90–91). Последнее было совсем не случайным.

Великая Отечественная война дала множество примеров пожертвований на армию со стороны самых различных лиц от артистов до колхозников, а также организаций. Церковная помощь осуществлялась именно в этом, широком общественном контексте. Например, 28 декабря 1942 года председатель церковного совета Хомутовской церкви Щёлковского района Московской области А. Чайников и священник К. Гриневич направили письмо И. В. Сталину о пожертвовании 10 тысяч рублей в Фонд обороны. Они писали, что собирали средства «в твёрдой надежде, что по усердным молитвам Господь Бог дарует победу нашим бодрым братьям, славным воинам Красной Армии, и дарует нам возможность и впредь всегда молиться о продлении Вашей дорогой жизни и сил на общее благо» (Русская Православная Церковь 2009: 57).

Однако самым главным, принципиально отличающимся от ситуации Первой мировой войны сбором стал сбор непосредственно на вооружение.

30 декабря 1942 года Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей обратился с посланием к архипастырям, пастырям и приходским общинам «нашей (то есть Патриаршей. — *из. В.*) Православной Русской Церкви» (как это звучало в заголовке). В послании говорилось о том, что преподобный Сергей Радонежский, «благословив Димитрия Донского на Куликовскую битву с мамаевыми полчищами», послал в ряды русских войск «сподвижников из числа братьев Троицкой лавры». Митрополит Сергей отмечал огромное символическое значение этих посланников, так как физически «немного могли прибавить силы русскому оружию». Однако они стали «утешением и ободрением верующему воинству на предстоящий ему великий подвиг». Патриарший Местоблюститель отмечает, что «в настоящее время много говорится о предстоящей решающей

битве с немецкими захватчиками, которая сметёт фашистские полчища с лица нашей земли и откроет путь к свободе всех теперь порабождённых народов Европы и к прекрасному для них будущему». Колхозы и частные лица посылают свои сбережения на постройку танков и самолётов. Священник Александр Троицкий Шубинского прихода Кунгурского района внёс на эти цели 100 тысяч рублей. Московский первосвященник предложил «от лица всей нашей Православной Церкви» повторить подвиг преподобного Сергия и послать «нашей армии на предстоящий решающий бой вместе с нашими молитвами и благословением» «вещественное показание» «участия в общем подвиге» — «соорудим на наши церковные пожертвования колонну танков имени Димитрия Донского» (Русская Православная Церковь 1943: 41–42).

В послании был прописан чёткий механизм такого сбора. Приходы и частные лица призывались сдавать деньги в местное отделение Госбанка для перечисления их на специальный счёт в «главной конторе Госбанка», одновременно сообщая в Московскую Патриархию о вносимых пожертвованиях. Указывалось, что «накопившиеся в фонде пожертвования» будут переданы митрополитом Сергием (Страгородским) «в распоряжение Председателя Совета Оборона Иосифа Виссарионовича Сталина» «вместе с отчётом о пожертвователях и об их пожертвованиях» (Русская Православная Церковь 1943: 42).

Через несколько дней, 5 января 1943 года, в газете «Правда» была опубликована телеграмма Патриаршего Местоблюстителя И. В. Сталину, в которой сообщалось о начатом сборе на постройку «колонны танков имени Димитрия Донского» и внесении «для начала» Патриархией 100 тысяч рублей, Елоховским кафедральным собором в Москве 300 тысяч, настоятелем собора протоиереем Николаем Федоровичем 100 тысяч рублей. Он просил Сталина «в Госбанке открыть специальный счёт». Телеграмма оканчивалась так: «Да завершится победой над тёмными силами фашизма общенародный подвиг, Вами возглавляемый» (Русская Православная Церковь 1943: 96). В том же номере «Правды» опубликована и ответная телеграмма И. В. Сталина: «Прошу передать православному русскому духовенству и верующим мой привет и благодарность Красной Армии за заботу о бронетанковых войсках Красной Армии. Указание об открытии специального счёта в Госбанке дано» (Русская Православная Церковь 1943: 96).

Прямой сбор со всей церковной полноты на вооружения стал важным моментом фиксации, с одной стороны, нового уровня

церковно-государственных отношений, с другой — внутрицерковной идейной и административной консолидации. Архиереи, духовенство, приходы теперь были объединены тем, что Сталин назвал «заботой о бронетанковых войсках». Это был важный момент идентичности Церкви как духовной силы, выступающей однозначно на стороне Советского государства в его борьбе с воплощением мирового зла, германским нацизмом.

Причём в ответной телеграмме И. В. Сталина обращает на себя внимание фраза «православное русское духовенство». Именно Патриаршая Церковь воспринималась теперь как русская легитимная церковная сила. Обновленцы также собирали деньги, в том числе «епископ» Звенигородский Сергей (Ларин) в январе 1943 года пожертвовал 100 тысяч из своих личных средств «на строительство самолётов» (Русская Православная Церковь 2009: 61). Приняты они были с благодарностью, но об этом не писали в газете «Правда». В будущем, после воссоединения с Патриаршей Церковью и новых хиротоний, Сергей (Ларин) стал архиепископом Ярославским и Ростовским. В 1944 году его наградили медалью «За оборону Москвы» (Лавринов 2016: 511). Но такого внимания, как к действиям Патриаршей Церкви, обновленцам не было. Обновленчество не могло восприниматься в качестве канонической церковной структуры ни в странах мирового православия, ни на временно оккупированных территориях, ранее, в 1939–1940 годах, присоединённых к СССР. История церковного сбора на танковую колонну завершилась только в марте 1944 года. Уже к сентябрю 1943 года, то есть за девять месяцев с начала сбора, удалось аккумулировать на специальном счёте Госбанка 8 миллионов рублей, как свидетельствовал об этом митрополит Сергей в своём докладе на Архиерейском Соборе (О деятельности 1943: 8).

На эту сумму с Нижне-Тагильского танкового завода были выделены 40 танков, из них 19 Т-34-85 новейшего на тот момент образца и 21 огне-мётный танк ОТ-34. Ими был укомплектован 38-й отдельный танковый полк, уничтоживший потом в годы войны более 1400 вражеских солдат и офицеров, 40 артсистем, 38 танков, 17 бронетранспортёров и более сотни автомобилей (Свирин 2006: 42–46).

То есть речь шла о действительно боевой части, причём имевшей в своём составе оружие ближнего боя — огнемётные танки, сжигавшие вражескую пехоту заживо. Выделение таких танков в счёт собранной Церковью суммы указывало на чётко очерченную мировоззренческую грань, когда совершенно однозначно признавалась и свидетельствовалась

Божия правда на стороне Красной армии, а противник воспринимался как те, кто должен быть однозначно уничтожен в бою.

При этом в годы Великой Отечественной войны промышленностью СССР было произведено в общей сложности 110 тысяч 340 единиц бронетехники (Симонов 1996: 164). Церковь, собрав средства на 40 единиц, внесла, таким образом, материальный вклад в виде 0,036% от общего числа построенных танков. Однако, как и подчёркивал митрополит Сергей в своём послании, давшем начало сбору, речь шла именно о символе, аккумулировавшем духовное благословение для Красной армии в виде грозных боевых машин.

7 марта 1944 года в 5 километрах северо-западнее Тулы, у деревни Горелки состоялась торжественная передача Церковью танков Красной армии. Её по поручению патриарха Сергия производил митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич). Выступая на митинге, он говорил о «красноармейских богатырях», готовых «по приказу гениального нашего полководца и нашего общего отца Иосифа Виссарионовича» «добивать фашистского зверя на нашей земле» (Русская Православная Церковь 2009: 96). Митрополит Николай высказал от лица Церкви пожелание, чтобы «боевые машины» несли «мщение и смерть палачам нашего народа», которых он назвал в своей речи «сатанистами», «врагами культуры и народного счастья», «недостойными носить человеческое имя» и «недостойными жить на земле» «фашистскими гадами». Закончил митрополит Николай призывом: «На святое дело — вперёд!» (Русская Православная Церковь 2009: 97–98).

С 1941 и по сентябрь 1943 года Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей (Страгородский) обратился к пастве с 23 посланиями (О деятельности 1943: 8). Они были аккумулированы в двух специальных изданиях — книге «Правда о религии в России» (1942) и сборнике «Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война» (1943).

Одной из особенностей оформления идеологических конструкций в предвоенном СССР было издание сборников высших лиц страны. Главным примером здесь может служить обновляемый сборник работ И. В. Сталина «Вопросы ленинизма», выдержавший с 1926 по 1953 год одиннадцать изданий. Все они выходили массовыми тиражами, активно использовались в политработе с населением и для объяснения за рубежом позиции СССР. Совершенно логичным выглядит постановление ЦК ВКП(б) от 10 марта 1942 года о необходимости издания сборника «Правда о религии в России» в издательстве Московской Патриархии (Русская Православная

Церковь 2009: 180). Необходимо было чётко показать не столько даже для внутреннего употребления, сколько для мирового читателя новый уровень церковно-государственных взаимоотношений в СССР, патриотическую поддержку Церковью Красной армии, церковную оценку образа врага.

Нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия в своей докладной записке наркому иностранных дел В. М. Молотову от 25 июня 1942 года чётко указывал, что «книга предназначена в основном для распространения за границей» (Русская Православная Церковь 2009: 180).

Книга, редакционную комиссию которой по благословению Патриаршего Местоблюстителя возглавлял митрополит Николай (Ярушевич), была затем издана на английском, шведском, немецком языках. Она активно распространялась за границей. За её подготовку митрополит Николай (Ярушевич) был награждён Патриаршим Местоблюстителем правом ношения второй панагии¹⁰.

Книга состоит из следующих частей: «Русская Православная Церковь верна своей Родине» и «Фашистские новоявленные “крестоносцы” глумятся над православными святынями, священнослужителями и верующими» (Правда о религии 1942: 452–457). Ей предшествовало предисловие Патриаршего Местоблюстителя митрополита Московского и Коломенского Сергея. Он писал, что книга стала ответом на провозглашение фашистами «крестового похода» ради якобы «освобождения» «нашего народа и нашей Православной Церкви от большевиков». Однако вместе с тем она «отвечает и на общий вопрос: признаёт ли наша Церковь себя гонимой большевиками и просит ли кого об освобождении от таких гонений» (Правда о религии 1942: 7). Митрополит Сергей пишет, что для тех, кто «убеждён в наличии гонений», избранная Церковью «линия поведения» «в отношении фашистского нашествия» представляется «вынужденной», «не соответствующей внутренним чаяниям Церкви», а введённая за Божественной литургией и на молебнах «молитва о победе Красной Армии» кажется лишь «отбыванием повинности, проформой», «доказательством несвободы Церкви даже в стенах храма» (Правда о религии 1942: 7–8).

Митрополит Сергей пишет: «Даже и теперь, в 25-й год после революции, можно встретить кое-где такие настроения, о прежних годах и говорить нечего. Известно, что тема о гонениях на религию в России

¹⁰ Галкин А. К. Указы и определения Московской Патриархии об архиереях с начала Великой Отечественной войны до Собора 1943 года. — Вестник церковной истории. — 2008. — № 2. — С. 83.

и прежде не сходила со страниц заграничной враждебной прессы, а в прессе церковно-эмигрантской остаётся лейтмотивом и доселе. При этом имеются в виду не какие-нибудь эксцессы, неизбежные при всяком массовом восстании, а предполагаются официальные систематические меры Советской власти к истреблению верующих и в особенности духовенства. Эмигрантская пресса без стеснения проводила параллель между гонениями первых веков христианства и современными «гонениями» в России» (Правда о религии 1942: 8).

«Церковная буржуазия, — продолжает Патриарший Местоблюститель, — видит гонение главным образом в отказе государства от векового своего союза с Церковью, в итоге чего... духовенство как сословие или профессия лишились некоторых прав: владения землёй и коммерческими предприятиями, разных сословных привилегий, сравнительно с простым народом и т. д.» (Правда о религии 1942: 9).

Между тем, по его словам, народ как раз склонен видеть в этой ситуации «не гонение, а скорее возвращение к апостольским временам, когда Церковь и её служители шли именно своим настоящим путём, к какому они и призваны Христом» (Правда о религии 1942: 9).

Что касается оценки нацистского вторжения в СССР, митрополит Сергей пишет: «Мы, представители Русской Церкви, даже и на мгновение не можем допустить мысли о возможности принять из рук врага какие-либо льготы или выгоды» (Правда о религии 1942: 12).

Он говорит о сопротивлении, которое патриотическая позиция Русской Православной Церкви встречает в эмиграции. Если «представитель нашей Патриархии преосвященный митрополит Алеутский и Северо-Американский Вениамин Федченков, нисколько не колеблясь, отдал своё имя и свои силы движению в пользу американской помощи России», то «европейские карловчане... поступили на службу к Гитлеру; молятся за него по своим церквям; с помощью германских властей подчинили себе своих соперников — сторонников митрополита Евлогия» (Правда о религии 1942: 13).

Митрополит Сергей выражает уверенность в «неизбежной победе света над тьмой, правого дела над диким произволом и насилием, Христова креста над фашистской свастикой» (Правда о религии 1942: 14).

В книге приводится послание митрополита Сергея (Страгородского) к пастве, выпущенное 14 октября 1941 года, то есть в самые критические дни обороны Москвы. Здесь он говорит о слухах в отношении тех пастырей, которые «готовы идти в услужение к врагам нашей Родины

и Церкви», «вместо святого креста осеняться языческой свастикой». Митрополит Сергей пишет: «Во имя... от Бога данной мне власти я как архиерей, имеющий силу вязать и решить, призываю к покаянию всех поколебавшихся из-за страха ли или по другим причинам, а тех, кто покаяться не хочет, объявляю запрещёнными в священнослужении и предаю церковному суду» (Правда о религии 1942: 410).

Приводится в книге «Правда о религии в России» и послание к пастве от 24 ноября 1941 года, подписанное помимо Патриаршего Местоблюстителя митрополита Московского и Коломенского Сергея митрополитом Киевским и Галицким Николаем (Ярушевичем), архиепископом Куйбышевским Андреем (Комаровым), архиепископом Можайским Сергием (Гришиным), архиепископом Ульяновским Иоанном (Соколовым).

Здесь говорилось: «Страшная колесница войны неумолимо катится по народам и дробит человеческие кости. Гитлеровский Молох продолжает вещать миру, будто бы он поднял меч на “защиту религии” и “спасения” якобы поруганной веры. Но всему миру ведомо, что это исчадие ада ставится лживой личиной благочестия только прикрывать свои злодеяния. Во всех порабождённых странах он творит гнусные надругательства над свободой совести, издевается над святынями, бомбами разрушает храмы Божии, бросает в тюрьмы и казнит христианских пастырей, гноит в тюрьмах верующих, восставших против его безумной гордыни, против его замыслов утвердить свою сатанинскую власть над всей землёй» (Правда о религии 1942: 411–412).

Архипастыри призывали к беспощадности в отношении врага. В послании говорится: «У истинного патриота не дрогнет рука для истребления фашистских захватчиков. Сердце христианина для фашистских зверей закрыто, оно источает только уничтожающую смертельную ненависть к врагу» (Правда о религии 1942: 413).

Отмечается в послании и историческая освободительная миссия Красной армии в отношении порабождённых народов Европы: «Несравненная красота подвига наших доблестных воинов в том, что они “полагают души своя” не только за себя, но и “за други своя”, за народы, временно подпавшие под фашистский гнёт» (Правда о религии 1942: 413).

Книга «Правда о религии в России» активно распространялась за рубежом, в том числе в США, где, как указывал в предисловии к ней митрополит Сергей, «феофиловцы», под которыми понимались сторонники митрополита Феофила (Пашковского), обращались к президенту Рузвельту

с просьбой увязывать помощь СССР с требованиями религиозной свободы (Правда о религии 1942: 12).

Митрополит Вениамин (Федченков) в эмигрантской газете «Новая заря», выходившей в Сан-Франциско, поместил в декабре 1942 года обширный разбор книги «Правда о религии в России». Остановился он и на описываемых в ней «зверствах и кощунствах немцев». Митрополит Вениамин отметил, что «в иностранной печати доселе ещё не верят правдоподобности таких зверских издевательств “самых высших представителей арийства” над Русским народом, над святынями», но в книге приводятся неоспоримые свидетельства об этом со стороны церковных людей (Вениамин (Федченков): 365). Он заканчивает свою статью в эмигрантском издании цитатой из послания Патриаршего Местоблюстителя и группы архиереев от 24 ноября 1941 года: «Отрадно знать, что семя, брошенное нашей Патриархией, даёт богатые всходы... патриотизм поднялся грозной волной для врага... Великая и благословенная Русь крепнет и удесятеряет свои силы на поле брани... Премудрый же и Всеблагий Вершитель судеб человеческих да увенчает наши усилия конечной победой» (Вениамин (Федченков): 368).

Успех книги «Правда о религии в России» стал частью весьма действенной информационной кампании, развёрнутой советским руководством. В 1943 году в издательствах разных регионов был издан сборник выступлений И. В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза». Затем его перевели на одиннадцать языков — английский, немецкий, французский, испанский, итальянский, венгерский, польский, китайский, болгарский, латышский и эстонский¹¹ и широко распространяли за границей.

На фронте церковной информационной борьбы в 1943 году вышел очень качественно изданный сборник «Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война». Он включил в себя восемнадцать посланий Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергея «к клиру и верующим Русской Православной Церкви», четыре послания митрополита Ленинградского Алексия (Симанского), три послания митрополита Киевского Николая (Ярушевича), а также послания митрополитов Сергея и Николая «к христианам других стран». Вошли сюда и телеграммы митрополитов Сергея и Алексия И. В. Сталину, а также два ответа Сталина

¹¹ Российская государственная библиотека: Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза [Текст]. — М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1943. — 11 т. в коробке. — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005126953> (дата обращения: 01.04.2024).

митрополиту Сергию и один — митрополиту Алексию, опубликованные перед этим в газете «Правда» (Русская Православная Церковь 1943: 100).

Издание приводит в том числе послание митрополита Николая (Ярушевича) «Братьям-славянам», где он как член Чрезвычайной государственной комиссии по установлению по расследованию немецких злодеяний рассказывает о преступлениях оккупантов (Русская Православная Церковь 1943: 87–89).

Среди обращений к представителям других народов было опубликовано и послание митрополита Сергия к солдатам румынской армии от 22 ноября 1944 года. Здесь Патриарший Местоблюститель пишет, обращаясь к румынам: «Ваш воинский и христианский долг не умирать за немцев, по вине которых истекает кровью ваша Родина и бесконечно страдает Ваш народ. Ваш христианский долг — немедленно оставить немецкие ряды и перейти на сторону русских, чтобы искупить великий грех соучастия в преступлениях немцев и содействовать священному делу поражения врага человечества. Дай вам Господь решимость на этот единственно правильный и святой поступок» (Русская Православная Церковь 1943: 78–79).

Известная встреча И. В. Сталина с митрополитами Сергием, Алексием и Николаем 5 сентября 1943 года стала итогом нормализации церковно-государственных отношений, укрепления положения Московской Патриархии, начавшейся за пять лет до этого. Согласно отчёту Председателя Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР Г. Г. Карпова, на этой встрече митрополит Сергей отметил в качестве «главного и наиболее назревшего вопроса» проблему организации центрального церковного управления, созыв Архиерейского Собора, избрание Патриарха, восстановление отсутствующего с 1935 года Священного Синода (Русская Православная Церковь 2009: 197).

Собравшийся Архиерейский Собор уже 8 сентября 1943 года избрал митрополита Сергия Патриархом Московским и всея Руси. 9 сентября 1943 года об этом сообщили центральные газеты, откуда новости были воспроизведены уже в возобновлённом «Журнале Московской Патриархии» (Собор епископов 1943: 6).

Собор принял обращение «К братьям христианам всего мира», в котором призвал их к «напряжению всех усилий в мировой борьбе за попираемые Гитлером идеалы христианства, за свободу христианских церквей, за свободу, счастье и культуру всего человечества» (Русская Православная Церковь 2009: 70). Именно таким был итог церковного осмысления

нашей Церковью всемирных и христианских задач СССР и его союзников в идущей войне.

В своём Рождественском послании 7 января 1944 года патриарх Сергей подчёркивал, что «фашизм выступил с великими претензиями против христианства», попытался «заменить Христов крест языческой свастикой». Однако нацисты после войны не будут уже «распоряжаться судьбой человечества», они сами «окажутся в распоряжении держав-победительниц». По словам патриарха Сергея, эти ведущие войну с Германией державы «включили в программу своей послевоенной деятельности» «светлые надежды, принесённые человечеству новорождённым в Вифлееме младенцем Христом» (Русская Православная Церковь 2009: 86).

Заканчивается послание пожеланием, чтобы «после войны» Господь утвердил на земле «незыблемый мир и всеобщее благоволение в человеках, при искренней самоотверженности готовности каждого работать на общее благо» (Русская Православная Церковь 2009: 86).

Не вина патриарха Сергея в том, что этим его упованиям не суждено было сбыться.

24 января 1944 года патриарху Сергию исполнилось 77 лет. Ко дню рождения ему от имени Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР по указанию В. М. Молотова были подарены золотые часы (Русская Православная Церковь 2009: 270). Подарок оказался символическим. Время земной многотрудной жизни патриарха Сергея подошло к концу. Но труды его оказались поистине золотыми для Русской Православной Церкви.

15 мая 1944 года Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский) скончался. В этот же день Г. Г. Карпов подал И. В. Сталину докладную записку, в которой сообщил о смерти патриарха Сергея от кровоизлияния в мозг, вскрытии его завещания от 12 октября 1941 года, найденного в ящике письменного стола. В завещании говорилось о том, что «в случае его смерти в должность Патриаршего Местоблюстителя вступает митрополит Ленинградский Алексий (Симанский)» (Русская Православная Церковь 2009: 296). Наступала новая эпоха в жизни Русской Православной Церкви.

Однако контуры этой новой эпохи были заложены непосредственно патриархом Сергием. 28 января 1944 года Совет народных комиссаров СССР утвердил предложения Совета по делам Русской Православной

Церкви по проекту «Положения об управлении Русской Православной Церкви», составленному при самом активном участии патриарха Сергия.

Этим положением были фактически ликвидированы демократические нормы, установленные для духовного сословия в ходе развития внутрицерковной демократии с 60-х годов XIX столетия, а особенно во время церковных революций 1917–1918 и 1922–1923 годов. Определялось, что высшая власть в области вероучения и церковного управления в Русской Православной Церкви принадлежит Поместному Собору, «периодически созываемому» в составе епископов, клириков и мирян. Собор избирает патриарха, который управляет Церковью вместе со Священным Синодом. Утверждалась полнота прав епархиального архиерея, являющегося «ответственным главой вверенной ему епархии». Никакого демократического епархиального съезда или епархиального собрания Положение не знало. Указывалось, что архиерей при его желании может создать Епархиальный Совет из трёх–пяти лиц в пресвитерском сане. Подчёркивалась полнота ответственности настоятеля храма, стоящего во главе каждой приходской общины (Русская Православная Церковь 2009: 271–275).

Второй важной частью наследия патриарха Сергия, реализованного сразу после его смерти, стала окончательная ликвидация обновленческой церкви. 15 августа 1944 года Председатель Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР Г. Г. Карпов в своей докладной записке на имя И. В. Сталина писал о «самораспаде» обновленческих структур после «избрания Патриарха и Синода», «в том числе епископата». Он перечисляет девять обновленческих архиереев, которые «перешли в патриаршую ориентацию», констатирует, что в Москве из шести обновленческих приходов пять перешли в Патриаршую Церковь. Остался один Пименовский храм, «где служит первоиерарх обновленческих церквей митрополит Александр Введенский со своими сыновьями», которые, согласно «заявлениям от верующих и духовенства», «совершают службу в пьяном виде, скандалят, сквернословят, дерутся». При этом Введенский «делал несколько попыток перейти в Патриаршую Церковь», но ставил непременным условием сохранить за ним сан митрополита. А на такое сохранение сана был категорически не согласен патриарх Сергий, так как Введенский официально состоял в третьем браке, являлся много семейным, что канонически недопустимо (Русская Православная Церковь 2009: 333–334).

Г. Г. Карпов предложил инициировать обращения к духовенству и верующим от оставшихся двух обновленческих архиереев, контролировавших в общей сложности 147 приходов в Краснодарском и Ставропольском краях, о разрыве с Введенским из-за его аморального поведения и воссоединении с Патриаршей Церковью (Русская Православная Церковь 2009: 333).

Результатом стало решение об окончательной ликвидации обновленчества, не только являвшегося тяжёлой церковной проблемой с 1922 года, но и во многом наследовавшего искажённые представления русского духовного сословия о своих демократических правах. Канонический строй восторжествовал, что, помимо нормализации церковно-государственных отношений, стало, наверное, главным итогом жизни и трудов патриарха Сергия.

После победоносного окончания Великой Отечественной войны в 1947 году издательство Московской Патриархии выпустило книгу «Патриарх Сергей и его духовное наследство». В предисловии к ней Патриарх Московский и всея Руси Алексий I писал: «В Бозе почивший Патриарх Сергей бесспорно занимает одно из первенствующих мест в сонме иерархов Российской Церкви текущего столетия. Если принять во внимание те огромные труды, которые промыслием Божиим выпали на долю его как главы Православной Российской Церкви, труды, возвысившиеся до степени высокого церковного подвига, то Патриарха Сергия, несомненно, следует поставить в ряду тех великих подвижников и поборников церковной правды, труды коих с благоговением хранятся в памяти потомства, являясь драгоценным достоянием истории Церкви» (Патриарх Сергей 1947: 7).

Это труды были направлены к охранению чистоты учения веры, к сохранению ясности церковного сознания, благодатной преемственности, канонически-законного возглавления Поместной Русской Церкви. По словам Патриарха Алексия I, «всё значение Патриарха Сергия в жизни и истории Русской Церкви может быть охвачено и оценено лишь в будущем» (Патриарх Сергей 1947: 8–9).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

А. Х. Гельсингфорский приход в деле помощи семьям воинов, призванных на войну // Гельсингфорский приходской листок. — 1915. — № 2. — С. 3–5.

Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / сост. и авт. примеч. М. Е. Губонин. — М. : Изд-во Православ. Свято-Тихонов. богослов. ин-та : Братство во имя Всемилоственного Спаса, 1994. — 1063 с.

Алфеев Павел, прот. Оборонительная война — долг христианина и выполнение заветов Христа // Листок «Живое слово»: Приложение к журналу «Миссионерский сборник». — 1915. — № 37. — С. 191–194.

Беглов А. Л. В поисках «безгрешных катакомб»: церковное подполье в СССР; [Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека и др.]. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : РОССПЭН, 2018. — 350, [1] с.

Вениамин (Федченков). Служение в Америке : (в документах 1933–1947 годов) / митрополит Вениамин (Федченков) ; [составитель — Р. Ю. Просветов]. — М. : Отчий дом, 2016. — 919, [1] с.

Виталий (Уткин И. Н.), игум. Концепт «консолидация и обновление общества» в годы Первой мировой войны: по материалам рязанской епархиальной печати (1914–1916 гг.): Дис. ... канд. полит. наук: 5.5.1. — М., 2023. — 186 с.

Виталий (Уткин И. Н.), игум. Политические идеи церковной печати в период Первой мировой войны: от консолидации общества к обновлению страны // SCHOLA-2021: сб. научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова / под ред. А. Ю. Шутова и А. А. Ширинянца. — М. : Изд-во Московского университета, 2021. — С. 147–158.

Всё — для конечной победы // Миссионерский сборник. — 1915. — № 7–8. — С. 648–650.

Высочайшая грамота преосвященному Сергию, архиепископу Финляндскому и Выборгскому // Гельсингфорский приходской листок. — 1915. — № 6. — С. 2–3.

Д. В. Ц. Архипастырский подарок гельсингфорским раненым и больным воинам // Гельсингфорский приходской листок. — 1915. — № 2/2. — С. 3.

Д. В. Ц. К празднику 25 февраля // Гельсингфорский приходской листок. — 1915. — № 6. — С. 6–8.

Документы о немецких зверствах в 1914–1918 гг. / Упр. гос. архивами НКВД СССР. — М. : Госполитиздат, 1942. — 80 с.

Евграфов К. Р. Что может дать в настоящее время школа в смысле религиозного воспитания? // Пензенские епархиальные ведомости. — 1916. — № 20–21 неоф. — С. 654–675.

Журнал Московской Патриархии в 1931–1935 годы / под общ. ред. В. Силовьева. — М. : Издат. совет Рус. Православ. Церкви, 2001. — 270 с.

За императора и за люди во время брани противу супостатов моления // Церковные ведомости. — 1914. — № 31. — С. 359–360.

Зверства немецких захватчиков : Факты и документы (В помощь политруку / Глав. полит. упр. РККА). — М. : Воениздат, 1941. — 47 с.

Зверства немецких захватчиков : Факты и документы / Глав. полит. упр. РККА (В помощь политруку). — М. : Воениздат, 1942. — 50 с.

Источников Михаил, прот. Слово в день восшествия на престол Государя Императора Николая Александровича, 21 октября 1916 года // Известия по Казанской епархии. — 1916. — № 43–44 неоф. — С. 1003–1005.

К недавнему посещению Гельсингфорса Архипастырем. Единое на потребу // Гельсингфорский приходской листок. — 1915. — № 1/1. — С. 2–4.

Карашев А. Ф. Дозволительная ли для христиан война и военная служба? // Рязанские епархиальные ведомости. — 1914. — № 23, неоф. — С. 895–902; № 24, неоф. — С. 945–959.

Кострюков А. А. Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов : организация церковного управления в эмиграции. — М. : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2007. — 394, [4] с.

Краснопевцев А. И. На пороге новой жизни // Тульские епархиальные ведомости. — 1917. — № 7–8–9–10. — С. 105–107.

Курляндский И. А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). — М. : Кучково поле, 2011. — 701, [2] с.

Лавринов Валерий, прот. Обновленческий раскол в портретах его деятелей. Материалы по истории церкви. Кн. 54. — М. : Крутицкое патриаршее подворье : О-во любителей церковной истории, 2016. — 732, [3] с.

Митрополит Сергей (Страгородский). Творения / сост. Т. Г. Сидаш. — СПб. : Издательский проект «Квадриум», 2020. — 751 с.

Молитва в годину войны // Гельсингфорский приходской листок. — 1915. — № 3/2. — С. 10.

Н. М. Куда идёт Россия? // Тульские епархиальные ведомости. — 1917. — № 3–4 неоф. — С. 46–51.

На пороге Нового года // Тульские епархиальные ведомости. — 1917. — № 1–2 неоф. — С. 1–2.

Не забывайте наших раненых и больных! // Гельсингфорский приходской листок. — 1915. — № 2. — С. 14–15.

Немецкие зверства: Факты и документы. — Горький : Горьк. обл. изд., 1942. — 171 с.

О деятельности Православной Церкви за два года Отечественной войны. Доклад митрополита Сергия на соборе епископов // Журнал Московской Патриархии. — 1943. — № 1. — С. 7–8.

Одинцов М. И. Патриарх Сергей. — М. : Молодая гвардия, 2013. — 395, [1] с.

Патриарх Сергей и его духовное наследство. — М. : Моск. Патриархия, 1947. — 416 с.

Правда о религии в России / ред. коллегия: Николай (Ярушевич), митр., проф. Григорий Петрович Георгиевский, прот. Александр Павлович Смирнов. — М. : Моск. Патриархия, 1942. — 456 с.

Пребывание Государя императора в Гельсингфорсе // Гельсингфорский приходской листок. — 1915. — № 6. — С. 8–11.

Ради мира церковного : жизн. путь и архипастыр. служение святителя Агафангела, митрополита Ярослав. и Ростов., исповедника. [сост. и ред. И. Г. Менькова]. — М. : Изд-во Православ. Свято-Тихонов. гуманитар. ун-та, 2006. — 567 с.

Романовский Пётр, свящ. Наши культуртрегеры // Известия по Казанской епархии. — 1915. — № 2 неоф. — С. 57–59.

Рункевич С. Г. Великая Отечественная война и церковная жизнь. Кн. 1. Распоряжения и действия Святейшего Синода в 1914–1915 гг. : исторические очерки. — Пг. : [б. и.], 1916. — 356 [1] с.

Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов : документы и материалы. — Курск, 2017. — 975 с.

Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : сб. документов / сост. Васильева О. Ю., Кудрявцев И. И., Лыкова Л. А. Материалы по истории церкви. Кн. 43. — М. : Изд-во Крутицкого патриаршего подворья : О-во любителей церковной истории, 2009. — 765 с.

Русская православная церковь и Великая Отечественная война : сб. церковных документов. — М. : [б. и.], 1943. — 99 с.

Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. — М. : Гос. изд-во полит. лит., 1946. — 457 с.

Свирин М. Н. Димитрий Донской // Мир оружия. — М., 2006. — № 3. — С. 42–46.

Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. — М. : Росспэн, 1996. — 333, [2] с.

Слово против торгового мародёрства // Тульские епархиальные ведомости. — 1916. — № 21–22 неоф. — С. 266–274.

Собор епископов Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. — 1943. — № 1. — С. 6.

Соловей Г., прот. Между жизнью и смертью: странички из воспоминаний. — Журнал Московской Патриархии. — 1955. — № 10. — С. 37–40.

Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. — М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1943. — 11 т. в коробке.

Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза : [Доклады, речи, выступления и приказы]. — 6-е изд. — М. : Воениздат, 1948. — 208 с.

Сурков С. А. Митрополит Николай (Ярушевич). Материалы по истории церкви. Кн. 48. — М. : Изд-во Крутицкого патриаршего подворья : О-во любителей церковной истории, 2012. — 646, [2] с.

Хотовицкий Александр, прот. Добро пожаловать! // Гельсингфорский приходской листок. — 1915. — № 2. — С. 5–6.

Хотовицкий Александр, прот. Чем отзовется Гельсингфорский приход? // Гельсингфорский приходской листок. — 1915. — № 5. — С. 1–4.

Чрезвычайная комиссия // Миссионерский сборник. — 1915. — № 7–8. — С. 652.

Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущёве: (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг.). Материалы по истории церкви. Кн. 24. — М. : Изд-во Крутицкого патриаршего подворья : О-во любителей церковной истории, 2005. — 423 с.

Если // Гельсингфорский приходской листок. — 1915. — № 7. — С. 8–9.

Сведения об авторе:

Игумен Виталий (И. Н. Уткин) — кандидат политических наук, доцент кафедры богословия Российского православного университета святого Иоанна Богослова, секретарь Архиерейского совета Ивановской митрополии, 127051, Россия, Москва, Крапивенский пер., 4, e-mail: inok_vitl@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 15.02.2024; одобрена после рецензирования 19.02.2024; принята к публикации 22.02.2024.

Hegumen Vitaly (I. N. Utkin)

RUSSIAN ORTHODOX UNIVERSITY OF SAINT JOHN THE DIVINE, MOSCOW, RUSSIA

Sergius (Stragorodsky), War and Homeland: From the Holy Tsar-Martyr Nicholas II to Stalin

Abstract. During the First World War, Sergius (Stragorodsky) served as the Archbishop of Finland and was a member of the Holy Governing Synod. He participated in the preparation of all church acts aimed at organizing assistance to the wounded, families of soldiers called to war, and orphans. Under his leadership, the diocese conducted active social work. The prayer for victory over the enemy, approved in 1914 with the direct participation of Archbishop Sergius, was subsequently used in abbreviated form during the Great Patriotic War of 1941–1945. During the First World War, the church press actively participated in shaping the image of the enemy. The Russian Orthodox Church acted similarly during the Great Patriotic War of 1941–1945. One of the peculiarities of the church discourse during the First World War was the formation of the image of the internal enemy. By the end of 1916, the church press spoke of a universal derogation from the ideals of Holy Rus, greed, and selfishness that had engulfed all classes of the population.

In his “Declaration” of 1927, Metropolitan Sergius (Stragorodsky), the Deputy Patriarchal Locum Tenens, once again addressed the military and patriotic theme.

The turning point in church-state relations was the events of 1939–1940, related to the reunification of Western Ukraine, Belarus and Baltic countries with the USSR.

On June 22, 1941, Metropolitan Sergius (Stragorodsky) wrote a message to the believers, calling for support for the Soviet state’s fight against the Nazis. From the first days of the war, the Church began active patriotic work. Funds were collected for the Defense Fund and for the wounded. Unusually, funds were also collected directly for armaments — a tank column named after Dmitry Donskoy.

An important stage in the church’s activities under Metropolitan Sergius was the publication of the book “The Truth about Religion in Russia”, intended for translation into foreign languages and mass distribution abroad.

Keywords: Church, Patriarch Sergius, war, Renovationists, USSR, Nazis, patriotic activity, image of the enemy, Homeland, “The Truth about Religion in Russia”

For citation: Vitaly (Utkin, I. N.), Hegumen. (2024). Sergius (Stragorodsky), War and Homeland: From the Holy Tsar-Martyr Nicholas II to Stalin. *Orthodoxia*, (2), 80–127. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-2-80-127

REFERENCES:

A. Kh. (1915). Gel’singforsky prikhod v dele pomoshchi sem’iam voinov, prizvannykh na voynu [Helsingforsky Parish in Helping Families of Soldiers Called up for War]. *Gel’singforskii prikhodskoi listok*, (2), 3–5. [In Russian].

Akty Sviateishogo Tikhona, Patriarkha Moskovskogo i vseia Rossii, pozdneishie dokumenty i perepiska o kanonicheskom preemstve vysshei tserkovnoi vlasti, 1917–1943 [Acts of His Holiness Tikhon, Patriarch of Moscow and All Russia, Later Documents and Correspondence on the Canonical Succession of the Supreme Church Authority, 1917-1943]. (1994). Moscow : Izd-vo Pravoslav. Sviato-Tikhonov. bogoslov. in-ta : Bratstvo vo imia Vsemilostivogo Spasa. [In Russian].

Alfeev, P., Archpriest. (1915). *Oboronitel'naia voina — dolg khristianina i vypolnenie zavetov Khrista* [Defensive War is the Duty of a Christian and the Fulfillment of the Covenants of Christ]. *Listok "Zhivoe slovo": Prilozhenie k zhurnalu "Missionerskii sbornik"*, (37), 191–194. [In Russian].

Beglov, A. L. (2018). *V poiskakh "bezgreshnykh katakomb": tserkovnoe podpol'e v SSSR* [In search of "sinless catacombs": the Church underground in the USSR]. Moscow : ROSSPEN, 2018. [In Russian].

Veniamin (Fedchenkov). (2016). *Sluzhenie v Amerike : (v dokumentakh 1933–1947 godov)* [Ministry in America : (in Documents of 1933–1947)]. Moscow : Otchy dom. [In Russian].

Vitaly (Utkin I. N.), Hegumen. (2023). *Kontsept "konsolidatsiia i obnovlenie obshchestva" v gody Pervoi mirovoi voyny: po materialam riazanskoi eparkhial'noi pechati (1914–1916 gg.)* [The Concept of "Consolidation and Renewal of Society" During the First World War: Based on the Materials of the Ryazan Diocesan Press (1914–1916)] [Dissertation of Candidate of Political Sciences]. Moscow. [In Russian].

Vitaly (Utkin I. N.), Hegumen. (2021). *Politicheskie idei tserkovnoi pechati v period Pervoi mirovoi voyny: ot konsolidatsii obshchestva k obnovleniiu strany* [Political Ideas of the Church Press During the First World War: from the Consolidation of Society to the Renewal of the Country]. In *SCHOLA-2021: sb. nauchnykh statei fakul'teta politologii Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M. V. Lomonosova* (pp. 147–158). Moscow : Izd-vo Moskovskogo universiteta. [In Russian].

Vse — dlia konechnoi pobedy [Everything is for the Ultimate Victory]. (1915). *Missionersky sbornik*, (7–8), 648–650. [In Russian].

Vysochaishaia gramota preosviashchennomu Sergiiu, arkhiepiskopu Finliandskomu i Vyborgskomu [The Highest Letter to His Grace Sergius, Archbishop of Finland and Vyborg]. (1915). *Gel'singforsky prikhodskoi listok*, (6), 2–3. [In Russian].

D. V. Ts. (1915). *Arhipastyrsky podarok gel'singforskim ranenym i bol'nym voenam* [Archpastoral gift to Helsingforsky Wounded and Sick Soldiers]. *Gel'singforsky prikhodskoi listok*, (2/2), 3. [In Russian].

D. V. Ts. (1915). *K prazdniku 25 fevralia* [For the Feast of February 25]. *Gel'singforsky prikhodskoi listok*, (6), 6–8. [In Russian].

Dokumenty o nemetskikh zverstvakh v 1914–1918 gg. [Documents on German Atrocities in 1914–1918]. (1942). Moscow : Gospolitizdat. [In Russian].

Evgrafo, K. R. (1916). *Chto mozhet dat' v nastoiashchee vremia shkola v smysle religioznogo vospitaniia?* [What Can a School Currently

Provide in the Sense of Religious Education?]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. (20–21), 654–675. [In Russian].

Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii v 1931–1935 gody [The Journal of the Moscow Patriarchate in 1931–1935]. (2001). Moscow : Izdat. sovet Rus. Pravoslav. Tserkvi. [In Russian].

Za imperatora i za liudi vo vremia brani protivu supostatov moleniia [For the Emperor and for the People during the Battle Against the Enemies of Prayer]. (1914). *Tserkovnye vedomosti*, (31), 359–360. [In Russian].

Zverstva nemetskikh zakhvatchikov : Fakty i dokumenty (V pomoshch' politruku / Glav. polit. upr. RKKa) [The Atrocities of the German Invaders : Facts and Documents (To Help the Political Instructor / Main Political Department of the Red Army)]. (1941). Moscow : Voenizdat. [In Russian].

Zverstva nemetskikh zakhvatchikov : Fakty i dokumenty / Glav. polit. upr. RKKa (V pomoshch' politruku) [The Atrocities of the German Invaders : Facts and Documents / Chapters. Political Department of the Red Army (To Help the Political Instructor)]. (1942). Moscow : Voenizdat. [In Russian].

Istochnikov M., Archpriest. (1916). Slovo v den' vosshestviia na prestol Gosudaria Imperatora Nikolaia Aleksandrovicha, 21 oktiabria 1916 goda [The Word on the Day of the Accession to the Throne of Emperor Nicholas Alexandrovich, October 21, 1916]. *Izvestiia po Kazanskoi eparkhii*, (43–44), 1003–1005. [In Russian].

K nedavnemu poseshcheniiu Gel'singforsa Arkhipastyrem. Edinoe na potrebu [To the Recent Visit of the Archpastor to Helsingfors. One Thing for Need]. (1915). *Gel'singforskii prikhodskoi listok*, (1/1), 2–4. [In Russian].

Karashev, A. F. (1914). Dozvolitel'naia li dlia khristian voina i voennaia sluzhba? [Is War and Military Service Permissible for Christians?]. *Riazanskie eparkhial'nye vedomosti*, (23), 895–902; (24), 945–959. [In Russian].

Kostriukov, A. A. (2007). *Ruskaia Zarubezhnaia Tserkov' v pervoi polovine 1920-kh godov : organizatsiia tserkovnogo upravleniia v emigratsii* [The Russian Church Abroad in the First Half of the 1920s : the Organization of Church Administration in Emigration]. Moscow : Pravoslavnyi Sviato-Tikhonovskii humanitarnyi un-t. [In Russian].

Krasnopevtsev, A. I. (1917). Na poroge novoi zhizni [On the Threshold of a new life]. *Tul'skie eparkhial'nye vedomosti*, (7–8–9–10), 105–107. [In Russian].

Kurliandsky, I. A. (2011). *Stalin, vlast', religiia (religiozni i tserkovnyi faktory vo vnutrennei politike sovetskogo gosudarstva v 1922–1953 gg.)* [Stalin, Authority, Religion (Religious and Ecclesiastical Factors in the Internal Policy of the Soviet State in 1922–1953)]. Moscow : Kuchkovo pole. [In Russian].

Lavrinov V., Archpriest. (2016). *Obnovlenchesky raskol v portretakh ego deiatelei. Materialy po istorii tserkvi* [The Renovationist Split in the Portraits of its Figures. Materials on the History of the Church] (Book 54). Moscow : Krutitskoe patriarshee podvor'e : O-vo ljubitelei tserkovnoi istorii. [In Russian].

Sergius (Stragorodsky), Metropolitan. (2020). *Tvoreniia* [Creations]. Saint Petersburg : Izdatel'sky proekt "Kvadrivium". [In Russian].

Molitva v godinu voyny [Prayer in the Year of the War]. (1915). *Gel'singforsky prikhodskoi listok*, (3/2), 10. [In Russian].

N. M. (1917). Kuda idet Rossiia? [Where is Russia Going?]. *Tul'skie eparkhial'nye vedomosti*, (3–4), 46–51. [In Russian].

Na poroge Novogo goda [On the threshold of the New Year]. (1917). *Tul'skie eparkhial'nye vedomosti*, (1–2), 1–2. [In Russian].

Ne zabyvaite nashikh ranenykh i bol'nykh! [Don't Forget Our Wounded and Sick!]. (1915). *Gel'singforskii prikhodskoi listok*, (2), 14–15. [In Russian].

Nemetskie zverstva: Fakty i dokumenty [German Atrocities: Facts and Documents]. (1942). Gorky : Gor'k. obl. izd. [In Russian].

O deiatel'nosti Pravoslavnoi Tserkvi za dva goda Otechestvennoi voyny. Doklad mitropolita Sergiia na sobore episkopov [On the Activities of the Orthodox Church During the Two Years of the Patriotic War. The report of Metropolitan Sergius at the Council of Bishops]. (1943). *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii*, (1), 7–8. [In Russian].

Odintsov, M. I. (2013). *Patriarkh Sergy* [Patriarch Sergius]. Moscow : Molodaia gvardiia. [In Russian].

Patriarkh Sergy i ego dukhovnoe nasledstvo [Patriarch Sergius and His Spiritual Legacy]. (1947). Moscow : Mosk. Patriarkhiia. [In Russian].

Pravda o religii v Rossii [The Truth about Religion in Russia]. (1942). Moscow : Mosk. Patriarkhiia. [In Russian].

Prebyvanie Gosudaria imperatora v Gel'singforse [The Stay of the Emperor in Helsingfors]. (1915). *Gel'singforskii prikhodskoi listok*, (6), 8–11. [In Russian].

Radi mira tserkovnogo : zhizn. put' i arhipastyr. sluzhenie sviatitelia Agafangela, mitropolita Iaroslav. i Rostov., ispovednika [For the Sake of the Church's Peace : Life Path and the Archpastoral Ministry of St. Agafangel, Metropolitan of Yaroslavl and Rostov, the confessor]. (2006). Moscow : Izd-vo Pravoslav. Sviato-Tikhonov. gumanitar. un-ta. [In Russian].

Romanovsky P., Priest. (1915). Nashi kul'turtregery [Our Cultural Registers]. *Izvestiia po Kazanskoi eparkhii*, (2), 57–59. [In Russian].

Runkevich, S. G. (1916). *Velikaia Otechestvennaia voina i tserkovnaia zhizn'. Kn. 1. Rasporiazheniia i deistviia Sviateishego Sinoda v 1914–1915*

gg. : *istoricheskie ocherki* [The Great Patriotic War and Church life. Book 1. Orders and Actions of the Holy Synod in 1914-1915: Historical Essays]. Petrograd. [In Russian].

Russkaia voennaia emigratsiia 20-kh — 40-kh godov : dokumenty i materialy [Russian Military Emigration of the 20s — 40s : Documents and Materials]. (2017). Kursk. [In Russian].

Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. : sb. dokumentov [The Russian Orthodox Church During the Great Patriotic War of 1941–1945 : collection of documents] (Book 43). (2009). Moscow : Izd-vo Krutitskogo patriarshego podvor'ia : O-vo liubitelei tserkovnoi istorii. [In Russian].

Russkaia pravoslavnaia tserkov' i Velikaia Otechestvennaia voina : sb. tserkovnykh dokumentov [The Russian Orthodox Church and the Great Patriotic War : Collection of Church Documents]. (1943). Moscow. [In Russian].

Sbornik soobshchenii Chrezvychainoi gosudarstvennoi komissii o zlodeiianiiakh nemetsko-fashistskikh zakhvatchikov [Collection of Reports of the Extraordinary State Commission on the Atrocities of the Nazi Invaders]. (1946). — Moscow : Gos. izd-vo polit. lit. [In Russian].

Svirin, M. N. (2006). Dmitry Donskoy. *Mir oruzhiia*, (3), 42–46. [In Russian].

Simonov, N. S. (1996). *Voenno-promyshlennyi kompleks SSSR v 1920–1950-e gody : tempy ekonomicheskogo rosta, struktura, organizatsiia proizvodstva i upravlenie* [The Military-Industrial Complex of the USSR in the 1920s — 1950s: the Pace of Economic Growth, Structure, Organization of Production and Management]. Moscow : Rosspen. [In Russian].

Slovo protiv trgovogo maroderstva [The Word Against Commercial Looting]. (1916). *Tul'skie eparkhial'nye vedomosti*, (21–22), 266–274. [In Russian].

Sobor episkopov Pravoslavnoi Tserkvi [The Council of Bishops of the Orthodox Church]. (1943). *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii*, (1), 6. [In Russian].

Solovei, G., Archpriest. (1955). *Mezhdu zhizn'iu i smert'iu: stranichki iz vospominanii* [Between Life and Death: Pages from Memories]. *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii*, (10), 37–40. [In Russian].

Stalin, I. V. (1943). *O Velikoi Otechestvennoi voine Sovetskogo Soiuz*a [On the Great Patriotic War of the Soviet Union]. Moscow : Izd-vo lit. na inostr. iaz. [In Russian].

Stalin, I. V. (1948). *O Velikoi Otechestvennoi voine Sovetskogo Soiuz*a : (Doklady, rechi, vystupleniia i prikazy) [On the Great Patriotic War of the

Soviet Union : (Reports, Speeches, and Orders)]. Moscow : Voenizdat. [In Russian].

Surkov, S. A. (2012). *Mitropolit Nikolai (Iarushevich). Materialy po istorii tserkvi* [Metropolitan Nikolai (Yarushevich). Materials on the History of the Church] (Book 48). Moscow : Izd-vo Krutitskogo patriarshego podvor'ia : O-vo liubitelei tserkovnoi istorii. [In Russian].

Khotovitsky A., Archpriest. (1915). Dobro pozhalovat'! [Welcome!]. *Gel'singforsky prikhodskoi listok*, (2), 5–6. [In Russian].

Khotovitsky A., Archpriest. (1915). Chem otzovetsia Gel'singforskii prikhod? [How Will the Helsingforsky Parish Respond?]. *Gel'singforsky prikhodskoi listok*, (5), 1–4. [In Russian].

Chrezvychainaia komissiia [Emergency Commission]. (1915). *Missionersky sbornik*, (7–8), 652. [In Russian].

Shkarovsky, M. V. (2005). *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' pri Staline i Khrushcheve: (gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniia v SSSR v 1939–1964 gg.)*. *Materialy po istorii tserkvi. Kn. 24* [The Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev: (State-Church Relations in the USSR in 1939–1964). Materials on the History of the Church. Book 24]. Moscow : Izd-vo Krutitskogo patriarshego podvor'ia : O-vo liubitelei tserkovnoi istorii. [In Russian].

Iasli [Nursery]. (1915). *Gel'singforsky prikhodskoi listok*, (7), 8–9. [In Russian].

About the author:

Hegumen Vitaly (I. N. Utkin) — Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Theology at the Russian Orthodox University of Saint John the Divine, Secretary of the Bishops' Council of the Ivanovo Metropolia, 4, Krapivensky pereulok, Moscow, Russia, 127051, e-mail: inok_vitl@mail.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 15.02.2024; approved after reviewing 19.02.2024; accepted for publication 22.02.2024.

Т. И. Шевченко

ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТО-ТИХОНОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ,
МОСКВА, РОССИЯ

Сергий (Страгородский), архиепископ Финляндский и Выборгский — особенности архи- пастырского служения в политическом и социокультурном контекстах

Аннотация. Статья посвящена анализу «финляндского периода» архипастырского служения Сергия (Страгородского), будущего Патриарха Московского и всея Руси. Период охватывает 1905–1917 годы, на которые пришлось обострение российско-финляндских отношений. В финляндской историографии эти годы называют очередным периодом русификации (1908–1917), в отечественной — их отмечают попыткой финнизации и лютеранизации Российской Карелии. Образованная в 1892 году как викариатство Санкт-Петербургской епархии Выборгская и Финляндская епархия Православной Российской Церкви объединяла приходы Великого

княжества Финляндского, к которому относилась и Выборгская губерния (Старая Финляндия), присоединённая к Великому княжеству Александром I в 1811 году. В 1913 году в епархии было учреждено Сердобольское викариатство для карельских приходов. На долю архиепископа Сергия выпала задача противостояния «панфинской пропаганде» в Карелии и защиты интересов Русской Церкви в Великом княжестве, подавляющее большинство населения которого исповедовало лютеранство. Карелы населяли восточную часть Великого княжества Финляндского, Олонецкую и Беломорскую Карелию. Совместными усилиями церковных и губернских властей этих регионов удалось остановить процесс лютеренизации карел, направляемый финскими националистами. Однако политика владыки Сергия в Великом княжестве вызвала отторжение у местных элиты и церковных деятелей. Сложными были отношения Финляндского архипастыря и с российскими политиками. Во многом этому способствовало обострение финляндского и карельского вопросов. В статье проанализированы политический и социокультурный контексты архипастырского служения владыки Сергия, сделаны акценты на важных фактах его биографии, которые помогают понять логику принятых им решений, представлены предварительные выводы на основе обзора современной историографии вопроса, который до настоящего времени не пользовался достаточным вниманием отечественных исследователей.

Ключевые слова: архиепископ Финляндский и Выборгский, архиепископ Сергей (Страгородский), Выборгская и Финляндская епархия, финляндский вопрос, карельский вопрос, национальный вопрос, русификация, панфинская пропаганда, финнизация православия

Для цитирования: Шевченко Т. И. Сергей (Страгородский), архиепископ Финляндский и Выборгский — особенности архипастырского служения в политическом и социокультурном контекстах // Ортодоксия. — 2024. — № 2. — С. 128–173. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-2-128-173

В этом году исполняется 80 лет со дня кончины митрополита Сергия (Страгородского), Патриарха Московского и всея Руси (12 сентября 1943 — 15 мая 1944), возглавлявшего Православную Российскую Церковь в один из самых сложных и противоречивых периодов её истории. Потрясения этой эпохи оставили глубокий отпечаток как на образе самого приснопоминаемого Архипастыря, о личности и политике кото-

рого не утихают споры и поныне, так и на восприятии его деятельности. Как утверждают отечественные исследователи, «в истории Русской Православной Церкви XX столетия нет, пожалуй, более противоречивой и сложной личности, чем личность владыки Сергия (Страгородского)» (Фирсов 2002: 301–317). Как о самом Архипастыре, так и о его служении и взглядах к настоящему времени написано очень много¹, в том числе исследований о разных этапах его биографии. Однако «финляндский период» (6 октября 1905 — 10 августа 1917) остаётся, как правило, в стороне. Что не удивительно, дальнейшие события отечественной истории просто не могли не затмить его: революция, крушение Российской империи, Священный собор Православной Российской Церкви, избрание патриарха и долгожданное окончание синодальной эпохи, Гражданская война, обновленческий раскол, Декларация 1927 года, разрыв с РПЦЗ², чудовищные репрессии советской власти против Церкви и своего народа, «Большой террор» — в конце 1930-х годов планировался арест и самого Патриаршего Местоблюстителя — и, наконец, Великая Отечественная война, год до победного окончания которой Святейший Патриарх Сергей не дожил. Но ни у кого нет сомнений, что все молитвы и чаяния его, в первый день войны написавшего своё знаменитое «Послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви», были о Родине, о народе, о Церкви, служению которой он и посвятил всю свою жизнь.

В публикации будут рассмотрены особенности служения архиепископа Финляндского и Выборгского Сергия (Страгородского) в политическом и социокультурном контекстах того времени.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Финляндский период служения Архипастыря не менее интересен, чем остальные, в том числе для лучшего понимания его позднейших действий. Справедливо отмечает односторонность исследовательского подхода О. Ю. Васильева, которая пишет, что в огромном количестве работ о владыке Сергии «утверждение авторских выводов идёт в одном направлении: принимается всё, что указывает на отношения иерарха с властью, и отбрасывается всё, что объясняет причины этих контактов... Упрощенно и схематично толкуется личность самого иерарха» (Васильева 2002: 136–163).

¹ (Патриарх Сергей... 1947); (Одинцов 1999); (Хижий 2002: 120–130); (Фирсов 2005); (Титков 2007); (Одинцов 2013); (Иоанн Разумов 2013); (Патриарх Сергей... pro et contra 2017) и др.

² Русская Православная Церковь Заграницей.

Ранние периоды служения, японский и финляндский, стали своеобразной подготовкой к тому, что ожидало митрополита Сергия позднее. В некоторых статьях отмечается, что «самый сложный период в истории Финляндской епархии пришёлся» как раз «на время архиепископа Сергия (Страгородского)»³. Владыка занимал Финляндскую кафедру 12 лет, гораздо дольше, чем его предшественники — архиепископы Антоний (Вадковский) (1892–1898) и Николай (Налимов) (1899–1905) — и его преемник Серафим (Лукьянов) (1917–1923). В одной из современных статей о православии в Финляндии архиепископ Сергей назван «выдающимся архипастырем Финляндской и Выборгской епархии» (Данилов 2001: 294–300).

Собственно о финляндском периоде его биографии существует не так уж много работ⁴, и особенно тех, в которых авторы пытаются дать оценку его деятельности. Но есть немало исследований темы в контексте изучения «карельского» и «финляндского» вопросов в России⁵ и служения его соратников в Карелии⁶. Большой интерес вызывает тема у зарубежных исследователей, как правило, в связи с интересом к «национальному вопросу» в Российской империи накануне революции. Тема разрабатывалась и в Финляндии⁷, работы финляндских авторов публикуются и на русском языке. Как правило, если авторы касаются темы православия в Финляндии в начале XX века, они не могут обойти стороной и деятельности архиепископа Сергия⁸. Наиболее подробное описание финляндского периода его служения можно встретить у петербургского историка, доктора исторических наук В. И. Мусаева в его монографии о Православной Церкви в Финляндии (Мусаев 2014: 209–326). Автор основывает своё исследование

³ Образование самостоятельной Финляндской Выборгской епархии // Архивы Ленинградской области: ГКУ «ЛОГАВ» — URL: <https://archiveslo.ru/srv/eparchy/object/53725666> (дата обращения: 10.02.2024).

⁴ (Григорий Чуков 2002: 36–37); (Дворкин 1983); (Дунин 1986); (Кораблёв 2013: 162–167); (Одинцов 2013: 43–49, 69); (Мусаев 2013: 482–488); (Мусаев 2014: 209–326).

⁵ Историография этой темы слишком обширна, здесь упомянуты лишь некоторые исследования: (Ошеров, Суни 1986); (Дубровская 1991: 55–64); (Соломещ 2001: 171–187); (Петухова 2022) и др.

⁶ (Дубровская 2000: 89–97); (Ходаковская 2009: 26–50); (Дубровская 2020: 62–75); Александрова-Чукова Л. К. Двести лет рядом с Финляндией, или Русский дух православного Карельского братства // Русская народная линия: информационно-аналитическая служба. — 2011. — 21 марта. — URL: https://ruskline.ru/analitika/2011/03/21/dvesti_let_ryadom_s_finlyandiej_ili_russkij_duh_pравославного_karelskogo_bratstva/ (дата обращения: 22.02.2024).

⁷ (Merikoski 1939); (Purmonen 1980: 117–128); (Hämynen 1993); (Hämynen 1995); (Karemaa 1998); (Kilpeläinen 2000); (Loima 2001); (Loima 2004: 93–198).

⁸ (Laitila 2004); (Лунтинен 2006: 60–72); (Витухновская 2006); (Витухновская-Кауппала, Осипов 2020) и др.

в том числе на документах Канцелярии Святейшего Синода (РГИА)⁹, куда поступали ежегодные отчёты по епархиям, и материалах Финляндского духовного управления и консистории из ЛОГАВ¹⁰, а также документах нескольких финляндских архивов и множественной прессе тех лет.

Можно отметить разную оценку этого периода отечественными и финляндскими историками. Финляндская сторона порицает насильственную «руссификацию» Великого княжества во время правления Николая II, а российская — возмущена «финнизацией» населения Русской Карелии. Если в начале XX века взгляды на «карело-финляндский вопрос» были кардинально противоположными — каждая сторона считала себя правой, то спустя столетие стала превалировать тенденция к слышанию друг друга и желанию понять. В обеих странах публикуются критические статьи исследователей из стран друг друга. Была сформулирована проблема приграничья как такового, и жизнь народов приграничных районов стала восприниматься не так упрощённо, как раньше, в категориях «свой-чужой», но многомерно, как обусловленная многими факторами.

Часть отечественных исследователей считает, что решение «финляндского вопроса» действительно требовало мер, но они были слишком жёсткими и привели к противоположным результатам, что было критической ошибкой: Россия, как более сильная сторона, могла бы решить вопрос и «без таких чрезвычайных мер»¹¹. Другая часть историков продолжает утверждать, что иначе поступить было нельзя, и поддерживает политику Николая II, настаивая, что эти меры не представляли собой ничего провокационного и были полностью оправданы. Одни исследователи считают имперскую политику в Великом княжестве неоправданно «жёсткой» (Петухова 2008: 64) и носившей «националистический оттенок» (Петухова 2008: 65) из-за стремления «поставить знак равенства между понятиями “русский”, “православный”, “самодержавный”», что почему-то, по их мнению, «ставило жирный крест» на «перспективе существования финнов как нации» (Петухова 2008: 65). Они видят ошибку в том, что «авторитет и ценности» православной религии «оставались мерилем трактовки политических и социально-экономических реалий» (Петухова

⁹ Российский Государственный исторический архив.

¹⁰ Ленинградский областной государственный архив в Выборге.

¹¹ Чирков А. А. Финляндский вопрос во внутренней политике России в 1894–1914 // Исторический портал «Московия»: Наследие предков — молодым — URL: <http://ist-konkurs.ru/raboty/2009/1568-finlyandskij-vopros-vo-vnutrennej-politike-rossii-v-1894-1914-g> (дата размещения: 2009); (дата обращения: 01.02.2024).

2008: 61). Другие, наоборот, утверждают, что «противостояние империи и Финляндии носило в основном юридическо-правовой характер, а не силовой», и «связанные с религией вопросы не играли существенной роли в этом противостоянии» (Полунин 2023: 62), да и сам «финляндский вопрос» «вполне можно вписать в общий контекст национальной политики России на рубеже XIX–XX вв.» (Полунин 2023: 62). Некоторые отечественные исследователи, переехавшие в Финляндию, утверждают, что «финляндский вопрос» возник из-за того, что Великое княжество далеко обогнало метрополию в своём развитии, что и вызывало противостояние (Витухновская 2006: 338–339). Признают более эффективный тип устройства православного прихода в Великом княжестве и отечественные церковные историки (Беглов 2014: 107–132). Православный приход в Финляндии, устроенный по лютеранскому типу, оказался более жизнеспособным и интегрированным.

Финляндские исследователи зачастую продолжают отрицать наличие в начале XX века «панфинской пропаганды» в Карелии и считают тогдашнюю реакцию российской стороны преувеличенной и обусловленной либо личными амбициями исполнителей на местах, либо их желанием получить финансовую поддержку из центра, либо карьерными выгодами (Куяла 1998: 69), как в случае с премьером Столыпиным (Korros 1979: 133–134). Его, как и Николая II, называют ответственным за политику в отношении Великого княжества в 1906–1911 годах, когда произошло ужесточение «русификации». Столыпин «искренне верил в национальные цели своей политики, но одновременно... использовал русский национализм и централизм в окраинной политике в качестве средства завоевания популярности правительства и обретения им поддержки большинства Государственной Думы и Госсовета, от которых сильно зависел. Кроме того, для Столыпина национализм стал своеобразным утешением за неудачи в реформаторской деятельности. Поскольку после поражения на Дальнем Востоке... националистический порыв мог найти удовлетворение только в усилении центральной власти за счёт прав окраин» (Куяла 1998: 67), — пишет профессор исторического факультета Хельсинского университета А. Куяла. Знаменательно, прежде чем впасть в забвение, смертельно раненый Пётр Аркадьевич повторил несколько раз лишь слово «Финляндия»¹², словно исповедуя своё убеждение в исходившей оттуда опасности для России, которой верно служил.

¹² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 1352. Л. 15; (Бок 1990: 342).

Зарубежные исследователи подозревают и самого Николая II в мелочности и интриганстве, полагая, что тот не мешал интригам, «когда ему представлялось, что деятельность конкретного премьера угрожает его авторитету как российского самодержца» (Куяла 1998: 67); (Hosking 1973); (Verner 1990). Финляндские историки полагают, что царя неверно информировала о настроениях финляндцев военная разведка и его дядя великий князь Николай Николаевич (мл.), командовавший столичным военным округом и бывший «решительным противником финляндского “сепаратизма”» (Куяла 1998: 67). А. Куяла пришёл к выводу, «что для российских властей финский вопрос, в сущности, был связан не столько с проблемой обеспечения безопасности северо-западных границ империи, сколько являлся инструментом их внутренней политики» (Куяла 1998: 72).

Отечественные исследователи не считают опасения императора и премьера безосновательными. Убедительно и аргументированно защищает политику Николая II в отношении Финляндии П. Мультиатули¹³, отмечая, что в начале конфликта отнюдь не вся национальная элита Великого княжества была настроена против России, однако постепенно сепаратистски настроенная шведская партия перетянула её на свою сторону. Не только правящая элита Финляндии превратно толковала действия царя, их не понимали даже самые близкие ему люди, например, мать Николая II, вдовствовавшая императрица Мария Фёдоровна (Кудрина 2000: 98).

Именно такие расхождения в понимании мотивов государственной политики России привели к обострению «финляндско-карельского» вопроса в начале XX века. В СМИ началась настоящая «газетная война» (Жабоедов-Господарец 2015: 152–155). Консервативная позиция российских правых СМИ, забивших тревогу из-за «панфинской» экспансии в православную Карелию, на взгляд финляндских историков, была выполнением «политического заказа» на «конструирование мифа о “про-русскости” карел» (Витухновская 2006: 318, 319). Православной Церкви, бывшей в Великом княжестве на положении негосударственной¹⁴ и приниженной, в глазах финнов также досталась незавидная роль проводника «русификации».

¹³ Мультиатули П. Финляндия — плацдарм революции 1905 г. // Русская народная линия: информационно-аналитическая служба. — 2009. — 27 апреля. — URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2009/04/27/finlyandiya-placdarm_revolyucii_1905_goda/ (дата обращения: 25.12.2023).

¹⁴ Основная, государственная, церковь в Великом княжестве была — Евангелическо-лютеранская церковь.

Несколько более сдержан в своих оценках Юрки Лойма, критикуя не только российскую, но и финляндскую сторону (Loima 2004: 93–198). И совсем по-доброму относится к деятельности любимого помощника архиепископа Сергия архимандрита Киприана (Шнитникова), которого в Финляндии называли «вторым Бобриковым» (Näpynen 1995: 68–71), старейший священник Финляндской Православной Церкви прот. Вейкко Пурмонен (Пурмонен 2013: 39–44). Он глубоко почитает епископа Киприана, хотя и признаёт, что «публично владыку Киприана часто подвергали резкой критике за русификацию», но «простые люди весьма любили и уважали его», а руководство Церкви безусловно доверяло (Пурмонен 2013: 43). Прот. Вейкко не отрицает «русификацию» в Финляндской епархии при архиепископе Сергии, но считает, что в Карелии столкнулись «две нации и две религии» и «сформировали два противоположных течения церковной жизни», а «связь национального и религиозного начал — не была присуща исключительно» Русской Церкви, «в разное время и в других Православных Церквях национальная составляющая была подчёркнута довольно сильно... Так, например, прозелитизм финских лютеран в Карелии имел сильный национальный и патриотический отпечаток» (Пурмонен 2013: 44).

Деятельность самого архиепископа Сергия в «финляндский период» в отечественной историографии пока не получила однозначной оценки из-за малого числа исследований. Интересна общая оценка личности иерарха петербургским историком С. Л. Фирсовым. Он соглашается с Л. Толстым, что «великие люди всегда страшно противоречивы» (Голлербах 1976: 25), и противоречивость в личности и поступках патриарха Сергия на протяжении всей его жизни была «отражением... глубоких противоречий, в тисках которых более двух с половиной столетий... находилась Православная Российская Церковь» (Фирсов 2005: 18–19). Не вина Сергия, как архипастыря, что в синодальный период т. н. «византийская болезнь» «привила многим отечественным епископам взгляд на церковное служение как на государственную службу, где мистический элемент подавляется элементом практическим и где политическая целесообразность ценится если не выше, то, по крайней мере, наравне с “метафизической” церковной пользой». Классическим примером синодального иерарха, считает исследователь, придерживавшегося таких взглядов, можно считать и владыку Сергия (Фирсов 2005: 63).

Саймон Диксон¹⁵, исследовавший «финляндский период» служения архиепископа Сергия, называет его «осторожным церковным модер-

¹⁵ Профессор современной истории в Лидском университете Великобритании.

низатором» и критиком «бесплодной бюрократии», апологетом «церковности»: «И хотя он, конечно, не был епископским “деспотом”, он, несомненно, руководствовался возвышенным взглядом на епископскую власть, что не обошлось без последствий для его концепции епархиального управления» (Dixon 2004: 57–58). В целом, полагает профессор, политика Финляндского архиепископа была провальной, правда, виноват в этом, с его точки зрения, был общий курс Российского государства.

«КАРЕЛЬСКИЙ ВОПРОС» В ФОКУСЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

Обычно «финляндский» и «карельский» вопросы разделяют. Если говорить упрощённо, в дореволюционный период первый — это проблема интеграции Великого княжества в Российскую империю, в её законодательно-правовое и общественно-культурное поле, а второй — выбор карельским народом из приграничных регионов ориентации — на Россию либо на Финляндию.

М. А. Витухновская¹⁶ обстоятельно объясняет подоплёку возникновения «карельского вопроса» как в «имперском», так и в «финляндском» контекстах, явно симпатизируя последнему: «Карелы были одним из самых “благополучных”, с точки зрения имперских властей, народов России... никогда не претендовали на особенное к себе внимание. Они вошли в состав России... ещё в доимперский период... Имперское бытие карел на протяжении веков оставалось бесконфликтным. Обратной стороной бесконфликтности в отношениях было почти полное отсутствие взаимного интереса. Находящиеся на периферии государства... предоставленные самим себе, карелы жили своей жизнью, очень слабо связанной с жизнью метрополии... Карелами как отдельным и самобытным народом почти не интересовались» (Витухновская 2006: 13–15). А если и интересовались, считает историк, то преимущественно экономическими и хозяйственными вопросами, не соприкасаясь «с глубинами духовной жизни и сознания» карельского народа. Сформировавшаяся же к тому времени национальная элита Финляндия, наоборот, пишет автор, увлеклась «основанной на собранных в Российской Карелии рунах» (Витухновская 2006: 15) «Калевалой»¹⁷, вдохновилась произведением

¹⁶ Марина Александровна Витухновская-Кауппала — доктор философии, доцент Хельсинкского университета.

¹⁷ Первый, краткий вариант эпоса вышел в 1835 году, полный вариант впервые был опубликован в 1849 году. Полное название первого издания Калевалы было: «Калевала, или Старые руны Карелии о древних временах финского народа» (Витухновская 2006: 23).

Элиаса Лёнрота и «идеологически промаркировала» древнюю Карелию как «золотой век» финской истории (Витухновская 2006: 23). С тех пор Карелия для финнов не иначе как «irredenta» — «часть общезинляндского “идеального Отечества”» (Витухновская 2006: 336). К слову — Лёнрот, обрабатывая сказания карельских рунопевцев, выбрасывал «христианские мотивы из фрагментов народных песен» (Мишин 1988: 125–126) и оставлял простонародные заговоры и заклинания (Киуру 1985: 71–72).

Огромную роль в возникновении «карельского вопроса» сыграл «финляндский вопрос». Рост национального самосознания всегда «заразителен», что и произошло в отношении финнов и карел (Витухновская 2006: 21). Впрочем, в то время так происходило по всей Европе, уточняет исследовательница из Хельсинки. Но «именно карелианизм стал важнейшей основой для формирования идеи Великой Финляндии» (Витухновская 2006: 25, 26). Получившая после вхождения в состав России (1809) массу привилегий от русского царя Финляндия развивалась и модернизировалась гораздо быстрее, чем метрополия. «В процессе решения “карельского вопроса” империя проиграла окраине, — считает Витухновская. — Огромная многонациональная держава, экономически и социально отстававшая не только от западных соседей, но даже и от входившей в её состав Финляндии, при этом напрягавшая все силы в подготовке к грядущей войне и раздираемая социальными и национальными противоречиями, была неспособна противопоставить финским экономическим, социальным и культурным достижениям более привлекательную модель... Ушедшая далеко вперёд по пути экономической модернизации окраина, — пишет автор о Финляндии, — становилась... “живым отрицанием Российской империи”» (Аврех 1968: 45) (Витухновская 2006: 338–339). Более того, «карельский вопрос» стал одним из первых «тревожных сигналов» для российской власти: «Экономически и социально несостоятельная, отстающая от собственных национальных регионов империя была обречена на проигрыш, сдачу позиций и, в перспективе, неминуемый распад», — выносит суровый, но спорный приговор исследовательница из Хельсинки (Витухновская 2006: 339).

ОБЗОР РАННЕЙ БИОГРАФИИ. «ПИСЬМА ЯПОНСКОГО МИССИОНЕРА»

В задачи статьи не входит описание подробной биографии Святейшего Патриарха Сергия, что уже сделано неоднократно другими авторами. Отметим только основные вехи раннего периода и важные для темы детали.

Иван Сергеевич Страгородский, будущий митрополит Сергей, родился в Арзамасе Нижегородской губернии 11 января 1867 года. В небольшом городке на 12 000 жителей было 17 храмов, четыре мужских и три женских монастыря (Титков 2007: 4). Происходил будущий патриарх из старинного священнического рода, несколько поколений его предков принадлежали к клиру, и он рос в глубоко воцерковлённой среде. В городе служили его отец и дед, его тётка Евгения была настоятельницей Никольского женского монастыря. Мальчик рано лишился матери, воспитывался при Алексеевском монастыре, напротив которого был их дом, монахини стали его первыми друзьями и наставницами (Георгиевский 2017: 133–134). Неудивительно, что владыка пронёс любовь к монашеству через всю свою жизнь. Современники воспринимали его как одного из идеологов «учёного монашества», более всего ценившего «чин ангельский» и «смотревшего на мир через призму иноческих идеалов» (Фирсов 2002: 301–317). Исследователи, упрощённо трактуя сей факт, порой упрекают его в чрезмерном покровительстве монашествующим в Духовной академии во времена ректорства.

Из приходского училища Иван Страгородский был переведён в Арзамасское духовное училище, закончил Нижегородскую духовную семинарию (1886) и Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия (1890). По окончании третьего курса академии он с товарищем, Яковом Ивановым, провёл лето в Валаамском монастыре и именно там принял решение стать монахом, что буквально потрясло сокурсников (Георгиевский 2017: 138–140). На четвёртом курсе, будучи 23 лет, 30 января 1890 года ректор Академии епископ Выборгский Антоний (Вадковский) постриг его в монашество с именем пр. Сергия Валаамского, а друга Якова — с именем Германа¹⁸. В том же году о. Сергей стал иеромонахом. С Валаамом впоследствии он был связан всю жизнь. Ему принадлежит и авторство замечательного акафиста преподобным Сергию и Герману Валаамским чудотворцам, до сих пор ежедневно читаемого братией перед ракой с мощами преподобных в Валаамском монастыре.

В 1890–1891 и 1897–1898 годах иеромонах, затем архимандрит Сергей служил в Православной духовной миссии в Японии, был

¹⁸ Герман (Иванов Яков Федорович, 1863–1903) — епископ Люблинский, викарий Холмско-Варшавской епархии (1898–1902).

помощником епископа Николя (Касаткина), равноапостольного основателя Японской Православной Церкви. Именно святитель Николай, наблюдая жизнь в Японии, предположил, что «гений народа вообще не может развиваться без взаимодействия других народов» (Избранные труды Святителя Николая. 2006: 34). Архимандрит Сергей оставил путевые заметки о Японии (Сергий Страгородский 1897). В них он выразил своё отношение к православной миссии, и оно во многом совпадало с мироощущением её равноапостольного Начальника. Так, например, молодой миссионер отмечал высокомерность протестантов по сравнению с католиками — протестанты гнушались хоронить обращённых ими японцев на своём кладбище, в отличие от католиков (Сергий Страгородский 1897: 190–191). Автор заметок глубоко сожалел о «замкнутости в рамках узкого национализма»: «Заботимся только о своих, забывая, что Господь пришел ко всем». Скорбел о том, что Академия не направляет выпускников проповедовать в другие страны: «Скажут, у нас средств нет. Правда, мы беднее каких-нибудь американцев. Но... ведь тратится же у нас миллион рублей... на одни церковные облачения... Тут причиной... холодность к вере, привязанность только к личному благополучию» (Сергий Страгородский 1897: 42). Он много писал о методах православной миссии и соглашался с Преосвященным Николаем о недопустимости в них «национализации» религии и подавления самобытности народа, навязывания своих обычаев, своего языка, принимал слова Наставника о том, что нельзя назвать учение Христа «русским или ещё каким-нибудь, оно Божие, пришедшее свыше и принадлежащее всем людям без различия страны и народа» (Сергий [Страгородский] 1899 — № 7: 412). Для болезненно патриотичных японцев особенно важным было, чтобы православие не ассоциировалось с Россией: «Особенно любят... [баптистские миссионеры] подзадоривать ложный патриотизм японцев: православие — русская вера, царь — глава их Церкви, и потому всякий, крещёный в православии, должен признать над собой главенство русского императора... Нужно знать, как японцы ревниво относятся ко всему, что касается их долга верности своему императору... Притом изо всех иностранных государств *более всего не любят здесь Россию*, которая в умах японцев является воплощением всего вообще враждебного отечеству» (Сергий [Страгородский] 1899 — № 8: 611).

Как всё это напоминает Финляндию! Хотя, безусловно, финляндцы не были язычниками, но их национальные приоритеты сильно влияли

на отношение к религии. Взгляды и мировосприятие будущего архиепископа Финляндского сформировались уже в ранние годы. И уже тогда он считал, что «никакая национальность не повредит проповеди» (Сергий Страгородский 1897: 192), а их миссия — чужда «всяких культурных и политических задач» (Сергий Страгородский 1897: 119). Исследователи, подтверждая «несомненный литургический консерватизм» отца Сергия (Дворкин 1995: 139–156), замечают и его открытость обстоятельствам: он, например, полагал, что начинающим христианам на богослужении было «гораздо поучительнее без иконостаса: они могут таким образом видеть совершение величайшего из таинств» (Сергий [Страгородский] 1899 — № 4: 635).

Изучив японский период жизни будущего архипастыря, можно понять, почему он был лучшим кандидатом на пост Финляндского архиепископа. Если назначение на эту отнюдь не спокойную кафедру¹⁹ считалось «доказательством исключительного расположения к архиерею светских властей» (Фирсов 2005: 26), то, скорее всего, потому, что они хорошо понимали — он действительно справится лучше всех.

Карьеру владыки Сергия считают блестящей. Нет возможности в рамках одной статьи упомянуть о его богословских трудах, о ректорстве в СПбДА (1901–1905). После хиротонии во епископа Ямбургского, викария С.-Петербургской епархии в 1901 году молодой епископ был назначен руководителем Синодальных комиссий по диалогу с римско-католической церковью и старокатоликами. Большую известность ему принесло участие в дискуссиях с интеллигентами-богоискателями на Религиозно-философских собраниях в Петербурге (1901–1903)²⁰. За болезнью или отсутствием митрополита епископ Сергий три раза (в 1903, 1904 и 1905 годах) временно управлял Петербургской епархией (Новый архиепископ финляндский Сергий. 1905: 1323). То, что спустя всего 11 лет после пострига и окончания Академии он был назначен её ректором, а в 34 года (что нечасто случалось в синодальный период) был хиротонисан во епископа, «говорит о недюжинных способностях Сергия, о его энергии, воле и уме» (Фирсов 2005: 22). Умение «ладить»

¹⁹ За год до этого шведским дворянином, сыном генерала русской службы, на ступеньках здания Финляндского сейма демонстративно и жестоко был смертельно ранен генерал-губернатор Бобриков. Шла Русско-японская война 1904–1905 годов. Увидев, что Россия «дала слабину», националисты в Финляндии подняли голову.

²⁰ После 22-го заседания собрания были прекращены по личному распоряжению обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева.

со всеми, от митрополита Антония (Вадковского) до обер-прокурора Победоносцева, послужившее такому быстрому карьерному взлёту, порой подаётся как «карьеризм»: «Есть все основания предполагать, что молодой епископ прекрасно разбирался во всех тонкостях “церковной политики”, понимал, где и что необходимо сказать, с кем и почему стоит иметь хорошие отношения, а с кем — не стоит. Всё это сочеталось у архим. Сергия с искренней, почти детской верой, глубочайшей религиозностью и убеждением в необходимости проведения давно назревших церковных преобразований» (Фирсов 2005: 23). Или даже так: «Сергий всей своей карьерой доказал, что он весьма прагматичен и “политичен”. Именно это обстоятельство... явилось залогом столь успешной его карьеры. Он прекрасно разбирался в направлении политических “ветров”, что... и позволило ему... подниматься по ступеням церковно-административной лестницы» (Фирсов 2005: 25–26).

Но почему бы не предположить, что с детства любивший монашество иеромонах, архимандрит, епископ и т. д. Сергей старался творить заповеданную святыми отцами всем инокам Иисусову молитву, которая требует быть в нахождении мира со всеми окружающими. «Умное делание» — основа духовной жизни инока. «Учёные монахи» петербургской духовной школы, посещавшие в каникулы Валаамский монастырь, имели возможность близко познакомиться с этой «духовной наукой». Но то, что епископ Сергей был «блестящим администратором», человеком «целеустремлённым и сильным», умевшим «избегать крайностей “правого” и “левого” толков», «прекрасно образованным богословом, человеком эрудированным и начитанным» (Фирсов 2005: 27–28), — не отрицал никто.

НОВЫЙ ФИНЛЯНДСКИЙ АРХИЕПИСКОП. МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

«Нам кажется, что вопрос о свободе совести принципиально решается легко, но практически решится только тогда, когда у нас жизнь пойдёт не на запад, а на восток» (Записки Петербургских Религиозно-философских собраний. 2005: 125–129), — говорил владыка Сергей в беседах с интеллигентами-богоискателями в начале XX века. Советские исследователи называли Великое княжество Финляндское «островком буржуазной демократии западноевропейского типа» (Холодковский 1967: 3). Революция в России 1905 года, Высочайший Манифест 17 октября об усовершенствовании государственного порядка отразились и на Финляндии, где

после всеобщей забастовки имперские власти вынуждены были пойти на уступки, отменив прежние ограничения автономии. Началась либерализация общественно-политической жизни во всей стране, включая и Финляндию. Новые реформы разрешали выход из православия и запрещали преследовать за смену конфессии. Уже в 1905 году в Великом княжестве 200 православных финнов перешли в лютеранство (Laasonen 1972: 107). Тем не менее опасения относительно повального бегства из православия всё же не оправдались (Мусаев 2014: 193–194). Согласно сведениям годовых епархиальных отчётов, в 1906 и 1907 годах был зарегистрирован 1551 случай (в 1906 году — 1235 человек; в 1907 году — 316 человек)²¹. Основными причинами назывались «семейное влияние со стороны ближайших родственников — лютеран, а также влияние вообще лютеранской среды и распространяемый среди православных финнов взгляд, что народная вера в Финляндии есть лютеранская вера и настоящим финским гражданином может быть только лютеранин»²². Одним из важных следствий нового закона о веротерпимости стала активизация финской лютеранской миссии в Карелии. Тогда же в российской печати появился термин «панфинская пропаганда».

Справедливости ради стоит признать: архиепископ Сергей не отрицал вины России в возникновении «карельского вопроса». На церемонии открытия Православного Карельского Георгиевского братства в Видлице (26–27 ноября 1907 года) он сказал: «К стыду нашему нельзя не признать, что не по нашей инициативе началось это важное дело. Мы были разбужены народом другой веры, устремившимся сюда, чтобы оторвать карел от России и православной веры... Как проявляется это нашествие — приходили ли и придут ли вновь сюда пропагандисты (мы знаем, что они приходили), неважно. А важно то, что волна финской культуры, стремящаяся поглотить в себе родной нам по вере народ, лишит его самого дорогого достояния его, постепенно надвигается на русскую Карелию... Финны идут на нас замечательно согласно, нога в ногу, систематически, планомерно и упорно добиваясь своих целей. Таким соединённым силам врагов России и карел нужно противопоставить также объединённые силы. Грех будет нам, если мы отдадим этих, детски преданных нашей общей матери — России, сынов на расхищение врагам нашей веры и культуры, — нужно оградить карел от этого нашествия. Мы, русские, обязаны

²¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2185. Л. 30; Д. 2248. Л. 21.

²² Там же. Д. 2185. Л. 30.

это сделать в ответ на трогательную приверженность карел к православию и к России»²³.

Условно управлять епархией владыка Сергей начал с 13 апреля 1905 года в качестве временного управляющего после отъезда прежнего архиепископа Финляндского Николая в Тверь, т. е. ещё до своего официального назначения, которое последовало 6 октября 1905 года. Назначению предшествовала некая интрига, поскольку изначально, в марте, Синод избрал на эту кафедру епископа Американского Тихона (Беллавина), будущего патриарха, но вмешательством обер-прокурора Победоносцева решение Синода было изменено (Антоний [Храповицкий] 1912: 13).

К началу XX века в Выборгской и Финляндской епархии действовало 69 православных церквей (из них три соборных, 19 при монастырях, одна при женской обители, 26 приходских, одна при казённом заведении, три домовых, три кладбищенских, девять приписных, три походных, одна бесприходная в Таммерфорсе) — 31 каменная и 35 деревянных; 89 часовен — 75 деревянных и 14 каменных²⁴. Кроме церквей епархиального ведомства, на территории Финляндии насчитывалось семь православных храмов русского военного ведомства²⁵. По численности епархия считалась самой маленькой в России, около 50 тыс. человек паствы.

В 1905–1906 годах Преосвященный Сергей, как и все прочие архиереи, представил свой отзыв в Свт. Синод по вопросу о церковной реформе (Отзывы епархиальных архиереев. 2004: 413–442). Как и подавляющее большинство архиереев, он высказался за созыв Собора и избрание патриарха. Как отмечают исследователи, «составляя свой отзыв, он шёл много дальше своих собратьев-архиереев, часто предлагая нестандартные решения самых сложных церковных проблем» (Фирсов 2005: 30–31). Например, предлагал провести Собор не в столице, а в Новгороде, ограничить функции Синода и назначить высшим церковным органом Поместный Собор, который собирался бы как можно чаще, был сторонником выборности духовенства и децентрализации церковного управления, противником архиерейского абсолютизма и др. «Считая сословность одним из бичей духовной жизни, архиепископ предлагал решительно отказаться от мысли считать духовенство особой, отдельной от мирян, корпорацией» (Фирсов 2005: 36). Считал, что в Соборе могут участвовать

²³ Финляндская газета. — 1908. — 3 (16) июля; (Мусаев 2014: 249).

²⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 422. Д. 1874. Л. 10 об. 11.

²⁵ Свет. — 1895. — 28 марта; (Мусаев 2014: 88).

делегаты клирики и миряне (Отзывы епархиальных архиереев. 2004: 442). И про патриарха: «Патриарх наш не будет ни папою, ни даже патриархом в византийском смысле; он будет лишь председателем Синода... лишь первый между равными и потому пользуется обычными нравственными правами старшего брата: правом братских советов, предостережений или увещаний» (Отзывы епархиальных архиереев. 2004: 442). Также владыка предоставил переданный ему отзыв причта Выборгского кафедрального собора, который иногда приписывают ему, но он подчёркивал, что «не входил в оценку» высказанных в нём предложений (Отзывы епархиальных архиереев. 2004: 594). А там предлагалось предоставить «духовенству права на окраинах империи, где православных меньшинство, *носить светскую одежду* во избежание неприятностей»; предоставить «право вдовым священнослужителям вступать во второй брак, если овдовели до 45 лет»; предоставить право «каждой епархии избирать себе епископа, причём епископами» могли бы быть и «лица белого духовенства без принятия монашеского сана, например, овдовевшие иереи или оставившие своих жён по добровольному с ними соглашению»; предложение, чтобы «монашествующие проживали вне городов и чтобы монастыри более обращали внимания на свою благотворительно-просветительную деятельность: открывали бы школы, больницы, богадельни, рабочие дома и т. д.» (Отзывы епархиальных архиереев. 2004: 598).

Словом, настрой нового архиепископа вполне отвечал чаяниям лидеров финляндского православного клира, которые были осуществлены после отделения Великого княжества от России. Новый архиепископ имел репутацию «либерала». «Нельзя забывать, — писал в вышеупомянутом отзыве владыка, — что мы живем теперь при старом режиме и ожидаем открытия в нашей Церкви новой жизни, и... мы не можем представить себе эту будущую жизнь настолько хорошо и верно, чтобы быть в состоянии... создать для неё вполне подходящую форму... Мы можем лишь навязать Церкви новый бюрократизм, тягчайший настоящего. Форму себе пусть создаст сама жизнь, мы же теперь должны только убрать препятствия... и открыть для жизни возможность свободного развития. Пусть наша Церковь начнёт жить при новых порядках; на опыте виднее будет, как лучше устроить ту или другую сторону» (Отзывы епархиальных архиереев. 2004: 415). Не настаивал он и на необходимости монашеского пострига перед хиротонией, предлагая в случае нужды ограничиться рясофором (Отзывы епархиальных архиереев. 2004: 420). После революции в России финляндское православное правление пойдёт дальше — первые

местные епископы будут хиротонисаны по константинопольской традиции, без пострига в рясофор.

Приходская структура Финляндской епархии приобрела чёткие очертания к 1898 году и складывалась из четырёх благочиний. 1-й округ — наиболее «благочестивые» приходы Южной и Западной Финляндии, значительную роль в них играли состоятельные русские горожане с финляндским гражданством. Духовенство здесь состояло в основном на содержании Финляндского сената (Яровой, Смирнова 1997: 61, 65).

Второе благочиние объединяло православные приходы Карельского перешейка, где окормлялись петербургские дачники и русские землевладельцы. Они пользовались земельными привилегиями, дарованными императором. Это был уголок русской культуры. Финский исследователь Й. Лойма даже высказал мысль, что в своё время Финляндская епархия была учреждена именно с целью обеспечения нужд разросшейся «дачной популяции» и создания «сторожевой башни» на границе с иноконфессиональным Западом (Loima 2004: 124). Духовенство здесь содержалось на средства российского правительства, кроме причтов Кексгольма и Вильманстранда.

Третье и 4-е благочиния, самые многочисленные, состояли из карельских приходов на Востоке Великого княжества, в Салминском уезде Выборгской губернии, которые были «двуязычными». Службы здесь совершались на церковнославянском и финском языках. Приходы 3-го благочиния наиболее были подвержены лютеранскому влиянию, в финансовом отношении духовенство их зависело от местного Сената. А причты 4-го получали дотации от Синода. Основной доход все получали в виде установленного Финляндским сенатом налога с прихожан и платы за требы.

Наиболее «олютеранившимися» считались приходы 1-го и 3-го благочиний, содержащиеся Финляндским сенатом (Яровой, Смирнова 1997: 65–66). Российское правительство поддерживало русскоязычные приходы. В начале 1880-х у духовенства карельских приходов возникло стремление к консолидации, и в 1884 году они организовали Карельское братство прпп. Сергия и Германа Валаамских, которое существует в Финляндии и поныне. Оно осуществляло просветительскую работу на финском языке. Члены братства считали, что непонятный для большинства финляндских карелов русский язык стал причиной «ослабления влияния церкви на паству... упадка веры и забвения обычаев» (Яровой, Смирнова 1997: 68), и карелы стали посещать кирхи, против чего боролось братство. Братству

покровительствовал архиепископ Антоний (Вадковский). Его работу возглавлял протоиерей Сергей (Окулов), ставший создателем церковного финского языка, как переводчик богослужебной литературы и катехизиса. Впоследствии он стал одним из лидеров национального движения в Финляндской Православной Церкви.

Ещё до официального назначения владыка Сергей объехал несколько финляндских приходов и прибыл в Гельсингфорс. Он служил в Успенском соборе 14–15 августа 1905 года и сказал речь по поводу манифеста о созыве Государственной думы. В ней он выразил надежду, что объявленная правительственная реформа послужит благу народа²⁶. В статусе временно управляющего владыка Сергей руководил первым епархиальным съездом на Валааме летом 1905 года. Съезд собрал более 100 участников, в их числе были 21 священник, несколько псаломщиков, несколько десятков школьных учителей и мирян. На съезде обсуждался вопрос о переводе православных учительских курсов из лютеранского Сердоболя в православный Выборг, но средств на это не хватало²⁷. Обсуждали вопросы внутренней миссии, о развитии в приходах церковного пения, о подготовке псаломщиков, а также вопрос о языке богослужения: «Решили... всюду, где просят богослужения по-фински, не отказывать... Но, с другой стороны, рекомендована была осторожность... в некоторых местах, преимущественно в Карелии, в местностях, смежных с империей, народ так привык к славянскому богослужению, что лишать его этого значило бы произвести сильное смущение и соблазн»²⁸.

Вопрос о языке был самым острым. Первые годы архиепископ Сергей придерживался принципов системы Ильминского. Помощник архиепископа иеромонах Киприан (Шнитников) писал в серии статей «О будущем православия в Финляндии»: «Отрицательно относиться к желанию наших прихожан иметь финскую службу... было бы самой... недальновидной политикой... Славянское богослужение... полезно для тех карел, которые постепенно делаются русскими и которые и без того достаточно ограждены от лютеранства полным к нему отвращением. Для... тех, которые захвачены волной офинения, отказ в финском богослужении послужит лишь... толчком вон из церкви; славянское богослужение для таких не только не полезно, но и прямо вредно» (Киприан [Шнитников])

²⁶ Финляндская газета. — 1905. — 17 (30) августа.

²⁷ Съезд духовенства финляндской епархии // Церковный вестник. — 1905. — № 33. — С. 1039.

²⁸ Там же. — № 34. — С. 1067.

1906: 2831). Архиепископ Сергей полагал, что и в русской Беломорской Карелии не стоит запрещать финский язык в школах и храмах, потому что, не находя православных книг на понятном им языке, карелы станут покупать лютеранские книги на финском и ходить в нелегальные финские школы со враждой ко всему русскому (Витухновская 2006: 134). В печати архипастырь подчёркивал, что ни карельский, ни русский, ни финский языки не могут быть самоцелью, но служат лишь средствами проповеди о Христе и спасении²⁹.

Однако вопрос осложнялся тем, что даже в одном приходе порой прихожане не могли договориться между собой. Наиболее громкая история случилась в пограничном Салминском приходе. Молодёжь требовала финской службы, старшее поколение — церковнославянской³⁰, конфликт выплеснулся на страницы газеты «Утренняя заря», редактором которой был протоиерей Сергей Окулов. Он занял профинскую позицию, но владыка Сергей не поддержал его, пояснив, что в простом народе сильна привязанность к укладу, «православному быту», к традициям, хранение которых «прикрепляет людей к вере и церкви и о которую могут разбиться всякие посторонние пропаганды» (Витухновская 2006: 135–136). Финляндские исследователи считают такую позицию, превозносившую бытовую привычку над осознанностью, практически маргинальной: «Иерархи понимали, что стоит начать “очищение” православия, его модернизацию — как всё здание православной церкви начнёт качаться. Вопросы языка, веры и “русскости” оказывались неразрывно связанными с вопросами цельности и сохранности православия, и, осознавая это, руководители Финляндской епархии зачастую проявляли нерешительность и непоследовательность в решении “карельского вопроса”, как в Финляндии, так и в России» (Витухновская 2006: 135–136).

Однако почему бы не заметить здесь обычную разность менталитетов — западного и восточного. Культ разума всегда был неприемлем на востоке. Архиепископ лишь бережно относился к совести прихожан. Сам он по прибытии сразу же начал учить финский язык, как когда-то японский по прибытии в Японию. Он благословил читать Евангелия на богослужениях на двух языках, вести проповедь по-фински, некоторые молитвословия и ектеньи священники могли по своему усмотрению произносить

²⁹ Финляндская газета. — 1907. — № 93. — С. 1.

³⁰ Архиепископ Сергей благословил по воскресным и праздничным дням служить две литургии — одну по-церковнославянски, другую по-фински. См.: Прибавление к Церковным ведомостям. — 1906. — № 43. — С. 2831.

по-фински (Одинцов 2013: 44, 48). Также освоил финский и карельский языки ближайший помощник архиепископа иеромонах Киприан (Шнитников).

Как отмечают исследователи, в первые годы архиепископ Сергей «сохранял свой либеральный настрой» и не разделял характерного для правых «негативного отношения к финнизации православия» (Мусаев 2013: 485). У него установились дружественные отношения со сторонниками финнизации внутри епархии. Дипломатию владыки критиковала газета «Окраины России», полагая, будто архиепископ поддался «чухноманскому» влиянию³¹. Однако стремление местного клира к финнизации увеличивалось лавинообразно. На следующем епархиальном съезде летом 1906 года обсуждались меры по предотвращению отпадений от православия, в качестве каковых было предложено обеспечить владение священников финским языком, издавать религиозную литературу на финском, разрешить священникам носить светскую одежду, поднять народное образование, улучшить работу библиотек, ходатайствовать на будущем Всероссийском Соборе о праздновании церковных праздников по григорианскому календарю, и если проект будет отклонен, просить ввести новый стиль только в Финляндской епархии и др. Съезд не одобрил предложение сократить богослужения, но архиепископ Сергей позднее разрешил «некоторые сокращения» по усмотрению настоятелей. Он отрицательно отнёсся «к предложениям прекратить молитвы за умерших, устранить из молитв обращение к святым и отменить обязательность ежегодной исповеди и евхаристии, после чего съезд решил не обсуждать эти вопросы. Большинством голосов также было отклонено предложение ввести скамейки в церквях (как у протестантов и католиков)» (Мусаев 2014: 220–221).

Зарубежные историки особенно критикуют решение архиепископа применять «моральное воздействие на нестойких членов паствы» (Мусаев 2014: 222). Он распорядился «при всяком удобном случае разяснять православным, что переход в лютеранство» это грех «попрания обетов Св. Крещения и измена Христу и Св. Церкви, лишаящая отступника благодати Божией и вечного спасения, что совершающие этот грех сами себя подвергают церковному отлучению»³². Духовенство должно было представлять списки прихожан, не бывших у исповеди и причастия более года, и отчитываться о своих мерах противодействия (Dixon 2004: 60).

³¹ Окраины России. — 1907. — 24 марта; (Мусаев 2013: 485).

³² ЛОГАВ. Ф. 388. Оп. 1. Д. 3. Л. 20; (Мусаев 2014: 222).

С. Диксон полагает, что, несмотря на сокращение числа отпадений от православия, архиепископ Сергей продолжал вести неоправданно строгую политику, способствующую появлению паникерства в клире. Архиепископ был убеждён, что лютеранское духовенство незаконно (а иногда и насильственно) обращает целые семьи, и напрягал все силы, чтобы помешать им, в том числе через суд, но местное законодательство стояло на стороне пасторов. Много внимания в своей статье профессор из Великобритании уделяет т. н. «анафемам» для отпавших от православия, которые распорядился ввести архиепископ Сергей, чтобы, по словам Диксона, «попытаться превратить стыд, который испытывали православные, покинувшие свою церковь, в публичное унижение». Именно так воспринимает эти действия толерантная Европа. «Анафемы», «акты об отлучении», должны были прикалываться к дверям в храм на всеобщее обозрение. Впрочем, подобные действия проводились не только в Финляндии и, по мнению профессора, свидетельствовали об исчерпании средств противодействия процессу (Dixon 2004: 60–65). С ним трудно не согласиться, протопресвитер русской армии и флота Георгий Шавельский вспоминал, что после Февральской революции 1917 года отмена обязательного причастия привела к тому, что 90% военнотружущих перестали посещать литургию.

Практика «анафем» вызвала критику и в России. «Генерал-губернаторская канцелярия особо обратила внимание на сообщение в “Новом времени”, которое выявило в “высших научных богословских кругах” мнение, что отступничество Толстого по своему характеру отличалось от обращения в лютеранство... Одно представляло собой полный отказ от христианства, другое — переход между христианскими конфессиями» (Dixon 2004: 66).

Не меньшей критике С. Диксон подвергает политику архиепископа в отношении смешанных и ранних браков, которые, как известно, были одной из главных причин «олутеранивания» православных. Гельсингфорское духовенство сообщало в 1907 году, что «даже чисто русские люди, городские рабочие, большей частью женятся на лютеранских девушках». В 1-м округе, например, таких браков было девятнадцать из тридцати одного (Dixon 2004: 66–68). Архиепископ предложил запретить браки между православными и перешедшими в другую конфессию и призвал не совершать смешанные браки без прямого разрешения епископа³³ (Dixon 2004: 68–69).

³³ Подобные предложения были высказаны и на Киевском миссионерском съезде 1908 года.

Ужесточение епархиальной политики исследователи связывают с «изменением политического курса» на финляндской окраине — в 1909–1910 годах Россия приняла повторные меры по ограничению автономии Великого княжества. Но также повлияло и обострение противостояния между сторонниками «прорусского» и «профинского» направлений внутри епархии и активизация борьбы с «панфинской» пропагандой в Русской Карелии (Мусаев 2013: 485). В епархиальной политике архиепископа Сергия стали всё более явно проявляться «консервативно-охранительные тенденции» (Мусаев 2013: 486).

Из сторонников финского направления в 1905–1906 годах при содействии кадетской партии, поддерживавшей сепаратизм Финляндии, был организован Союз Беломорских карел. Первый его съезд прошёл в декабре 1905 года в Ухте Архангельской губернии, затем были съезды в Финляндии (апрель, август 1906). С 1906 года в Союзе состояло более 600 членов, из них постоянно проживали в Финляндском княжестве около 500 человек. Союз ратовал за объединение карельского и финского родственных народов, карел в Олонецкой и Архангельской губерниях и за улучшение их материального положения. Деятельность Союза была отрицательно воспринята в правительстве. П. А. Столыпин потребовал закрыть организацию, но её деятельность была прекращена только в 1911 году.

В 1907 году, при активной поддержке Олонецкого губернатора Н. В. Протасьева, архиепископом Сергием было учреждено Карельское Православное братство во имя великомученика и Победоносца Георгия, активно привлекавшее местные земства. Его основной задачей было «содействие укреплению и преуспеванию православно-русских начал среди карельского населения Финляндской, Архангельской и Олонецкой губерний»³⁴. Объединение просветительских усилий трёх регионов должно было противостоять «панфинской пропаганде», с одной стороны, и создавать предпосылки духовного единства карел, с другой. Однако добиться единства получилось не сразу. Возникли разногласия с епархиями. Тем не менее патриотический порыв был очень сильным. Выдающийся вклад в деятельность братства внёс помощник архиепископа Сергия архимандрит Киприан (Шнитников), возглавивший главный совет братства. Они были друзьями ещё с Академии, со времён ректорства владыки Сергия. В 1913 году при его содействии в епархии было открыто Сердобольское викариатство, во главе с епископом Киприаном.

³⁴ Прибавление к «Церковным ведомостям». — 1907 — № 48. — С. 21, 46.

Финляндский историк Витухновская считает, что изначально и Союз, и братство создавались с одной целью — содействовать православному просвещению карел, улучшению их образования и материального положения. Организации даже использовали одинаковые методы работы — переводы на местные языки Священного Писания, создание библиотек, школ и курсов учителей, материальная помощь и пр. Но современник событий митрополит Григорий, тогда протоиерей Николай (Чуков), возглавлявший Олонецкое отделение Карельского братства, считал, что Союз Беломорских карел лишь «маскировал» свою «действительную детальность»: «Появилось... воззвание к пограничным жителям, ...уверяющее в несостоятельности русского правительства после революции [1905] произвести нужные реформы и приглашающее сочувствовать всем стремлениям заграничных карел, оказывать им материальную помощь, всячески содействовать улучшению их жизни и благосостояния, особенно же помогать в школьном деле, ... старавшееся показать им превосходство условий общественной жизни в Финляндии. ... стараясь ... втолковать карелам, что они не русские, а финны, что родина их в Финляндии, а в России они в плену, что их мать та же Финляндия, а Россия злая мачеха, посылающая в Карелию кровопийц чиновников, развратных учителей и пьяных священников» (Чуков 1909).

Статистика свидетельствовала об уменьшении численности православных в Финляндии. Если в 1904 году в Великом княжестве проживало лютеран — 2 млн. 803 тыс. человек, православных (в основном карел) — 49 тыс. человек (Рожков 2004: 15), то в 1911 году православных было уже 46 тыс. человек, в думе докладывали, как в Гельсингфорсе из 15 священнослужителей 12 были публично оплёваны³⁵.

Одним из примечательных событий периода правления архиепископа Сергия стала его приветственная речь в Гельсингфорском соборе новому Финляндскому генерал-губернатору Ф. А. Зейну 21 ноября 1909 года. В ней он напомнил, что до Фридрихсгамского мира Финляндия была «почти ничем», а финский народ «был племенем без будущего», присоединением к России он получил единство и путь к историческому существованию: «Только благодаря беспримерному великодушию России [Финляндия] так развилась за истекшие сто лет, что именно Россия своим великодушием, потом и кровью своих сынов, иногда и их скудными грошами, дала жизнь и процветание Финляндии». Напомнил, что Россия отдала финскому народу и своё исконное достояние — Карелию: «Не

³⁵ Олонецкая неделя. — 1911. — № 31. — С. 2.

о земле, конечно, я жалею; потому что земли у России и без того много; я говорю о народе карельском. Целые века этот народ жил с русскими одной жизнью, имел с ними одну веру», одного царя. Архипастырь говорил о неоправдавшейся надежде, что Финляндия «не испортит этого народа», оставит «в прежней вере, воспитает его в прежней преданности России... любви к русскому Царю». Владыка заявлял, что любой финн, не отрекаясь от своего народа, мог бы «горячо и искренне любить» Россию и служить её благу и процветанию. Он призывал нового губернатора не смущаться «воплями противников», идти «смело и открыто» русским путём, говорил, что этот путь «отнюдь не враждебен и Финляндии», наоборот, «все истинные сыны Финляндии... сознают, как неблагодарно и низко кусать руку питающую». Владыка просил защиты для паствы: «Я, пастырь карельского народа, единоверного русскому Царю, ... прошу у Вас для неё защиты, чтобы она могла жить, как хочет, жить той верой и теми идеалами, которыми она жила от века... Я прошу Вас защитить православных карел, чтобы насильно (именно насильно) их, под предлогом закона, не тянули на путь, совершенно им чужой, даже противный им; чтобы за чечевичную похлёбку внешней цивилизации, земного благополучия и внешнего благоустройства... не окрадывали самой души народной, не отнимали у них того, что для них есть самое дорогое и святое, чем они до сих пор жили и чем хотят жить потом, — его веры православной, его любви к православной Руси, его преданности православному русскому Царю»³⁶.

В финляндских газетах речь была истолкована как призыв к «священной войне», демонстрировавший «вражду к цивилизации»: «Русский архиепископ... затрубил в боевую трубу»³⁷. Однако в отечественных «Церковных ведомостях» назвали такую реакцию совершенно напрасной, а речь архиепископа Сергея «вполне корректной», проявившей вполне понятную и естественную заботу о своих пасомых, а то, что забота была «не лишней», свидетельствовал поднятый шум³⁸.

Деятельность Георгиевского братства с этих пор стала больше ориентироваться на карельский язык в противовес финскому. По предложению архиепископа Сергея при Св. Синоде была учреждена должность синодального Карельского миссионера, которым стал архимандрит Киприан, и две должности миссионеров для Финляндской и Олонецкой епархий (ими

³⁶ Цит. по: Речь высокопреосвященнейшего Сергея, архиепископа Финляндского и Выборгского, и финляндская печать // Прибавление к «Церковным ведомостям». — 1910. — № 1. — С. 5–7.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 8.

стали два инок Валаамского монастыря). Был создан особый денежный фонд, специальный курс для катехизаторов, предоставлялись средства на украшение бедных церквей и часовен, на обеспечение их богослужебной литературой и предметами церковной утвари, на строительство храмов. Земства помогали с открытием медицинских пунктов, материальной помощью, постройкой дорог, увеличением жалования духовенству. Отделения Георгиевского братства были открыты в Петрозаводске, Пудоже, Повенце, Вытегре, Каргополе, Лодейном Поле, Олонце, в с. Вознесенье. Братство проводило съезды духовенства и православных деятелей. По инициативе архиепископа Сергия созывались съезды самих архипастырей трёх соседних епархий — Олонецкой, Архангельской и Финляндской. В местные отделения братства была привлечена интеллигенция, включая городское духовенство и лиц из администрации. Архиепископ жертвовал из личных средств значительные суммы на строительство и ремонт церквей. Если на момент вступления в должность владыки в 1905 году в Финляндской епархии числилось 78 церквей, то в 1914 году уже 98 (Мусаев 2013: 485). Нет никаких сомнений, что в результате деятельности братства удалось поднять епархиальную жизнь на новый уровень и остановить лютеранский натиск на Карелию.

Настоящим ударом для архиепископа Сергия и карельского дела стала преждевременная кончина его главного помощника епископа Киприана (Шнитникова) в 1914 году, после чего последовал стремительный «обвал» просветительской миссии (Ходаковская 2009: 48). Но всё-таки лютеранизацию карел удалось остановить и теперь в Финляндии «в качестве способа интеграции карелов в финскую нацию... предпочтение всё больше отдавалось финнизации самого православия» (Мусаев 2014: 267). Кроме того, епархиальные власти обеспокоились увлечением населения «социализмом»: «Особенный же враг православия и вообще религии, появившийся в последнее время, социализм, каковой находится в весьма большой силе в 4-м благочинии. Социализм, как заразная болезнь, охватил всё безземельное население, а также и малоземельных крестьян. Этот враг страшен тем, что борьбу с верой ставит в прямую связь с очень большими нуждами безземельного народа. С особенной настойчивостью открываются... рабочие дома, где по вечерам... устраиваются собрания, на которых открыто осуждаются религия и государственность... Издаётся несколько социалистических газет, в которых почти постоянно осмеиваются религия и духовенство. Газеты эти... при дешёвой цене выписываются и многими православными»³⁹.

³⁹ Отчёт за 1911 г. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2493. Л. 16–16 об.

Архиепископа Сергия практически с начала его архипастырского служения в Финляндии отвлекали дела синодальные. В 1906–1907 годах он был вызван на зимнюю сессию в Синод, председательствовал в Учебном комитете, стал почётным членом Петербургской духовной академии. Ему стали поручать важные и безотлагательные вопросы по церковному управлению. В 1907 году он возглавил Комиссию по исправлению богослужебных книг. С 1911 года стал бессменным членом Свт. Синода. Это было время, когда Церковь готовилась к Поместному Собору, и архиепископ Сергей принимал участие в работах Предсоборного присутствия (1906), был председателем Предсоборного Совещания (1912–1916), а в 1917 году входил в Предсоборный совет. В 1913 году был назначен председателем Миссионерского совета при Свт. Синоде. 14 января 1915 года по личной просьбе освобождён от этой должности. Как отмечают исследователи, «сделавшись фактически консерватором в Финляндии, в вопросах общего развития Русской Православной Церкви Сергей оставался на реформистских позициях» (Мусаев 2014: 487), поддерживая восстановление патриаршества и необходимость церковных реформ.

ОТНОШЕНИЕ С ЦАРСКОЙ СЕМЬЁЙ И ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Ещё одна тема, о которой нужно упомянуть, это отношения архиепископа Сергия с царской семьёй. Сказать однозначно, какими они были, сложно из-за недостатка информации, но определённо известно, что не идеальными. К началу Первой мировой войны (1914) владыка уже не пользовался доверием венценосцев, как и многие другие архиереи, чему причиной было, вероятно, отрицательное отношение к Г. Распутину. Первоначально доверявший сибирскому страннику архиепископ после 1911 года изменил к нему отношение. Именно владыка Сергей привёл Распутина к инспектору Духовной академии архимандриту Феофану (Быстрову), который и познакомил того с высшим светом (Фирсов 2005: 24). Есть свидетельства, что в 1911 году Распутин всё ещё останавливался в покоях архиепископа Финляндского и тот уважительно о нём отзывался (Илиодор [Труфанов С.] 1917: 12).

В переписке военных лет Николай II с супругой архиепископ Сергей упоминается трижды, и не в благожелательном контексте. Так, Александра Фёдоровна была возмущена, что владыка вместе с Агафангелом (Преображенским) и Никоном (Рождественским) в течение трёх часов «нападал» на ставленника Распутина Варнаву (Накропина) по поводу их «Друга» (1915) (Переписка Николая и Александры Романовых. 1923: 320).

Затем она 9 сентября 1915 года предлагала удалить владыку Сергия из Синода в Ярославль (Переписка Николая и Александры Романовых. 1923: 325). 25 сентября 1916 года государь признался супруге, незадолго до того принимавшей членов Свт. Синода, что ему неприятно видеть среди них Сергия Финляндского (Переписка Николая и Александры Романовых. 1927: 68). Можно предположить, что досаду императора вызывала политика владыки Сергия в Финляндии. Николай II был за более жёсткие меры (Куяла 1998: 68) в пресечении сепаратизма и желал ограничения автономии, а архипастырь, напротив, был слишком «понимающим» с финнами.

Считается, что у Финляндского архиепископа были серьёзные разногласия с российскими властями (Dixon 2004: 72), в т. ч. с политикой Столыпина. Хотя в Финляндии «не могло быть более ярого защитника “российских интересов”, чем Сергей» (Dixon 2004: 72), он расходился с властью в понимании церковно-государственных отношений. «Вопрос не в том, чтобы дать свободу вере во имя отвлечённых принципов... а... в том... чтобы с Церкви была снята всякая националистическая и под[обная] миссия, так как всё это вопросы исключительно государственные, — считал Архиепископ. — Я говорю не о свободе духовной власти от светского вмешательства. Это вопрос ничтожный. Я говорю о том, чтобы идеалы Церкви были первенствующими, чтобы государство не употребляло Церковь в свою пользу, как орудие» (Записки Петербургских Религиозно-философских собраний. 2005: 72–73, 125–129). Тем не менее финляндскую сторону даже такая политика не устраивала. Архиепископ оказался в разногласиях со многими и из местного клира (Dixon 2004: 72). Но говорить о полном провале его политики, на наш взгляд, всё-таки не стоит. Да и огромный вклад владыки в церковно-общественную жизнь региона был по достоинству оценён: «Показательно, что и назначение членом Свт. Синода, и награждение бриллиантовым крестом для ношения на клобуке (в 1912 году), и награждение орденом Св. Александра Невского (в 1915 году) пришлось на 6 мая — день рождения Государя. Впрочем, белый митрополичий клобук до 1917 года он так и не получил, хотя формальная возможность для этого была» (Фирсов 2005: 42).

Неизвестно, как лично Архиепископ воспринял Февральскую революцию и отречение царя, но его подпись присутствует «под всеми значительными определениями Синода в связи со сменой государственного строя». Седьмого марта он «был назначен председателем комиссии по исправлению богослужебных чинов и молитв в связи с переменой государственного

стройка»⁴⁰. Новый обер-прокурор В. Н. Львов вступил в конфронтацию со всеми членами Свт. Синода, но их протест, подписанный и владыкой Сергием, не был учтён, Временное правительство 14 апреля 1917 года распустило старый состав. Единственным, кто остался в новом составе Синода, был архиепископ Сергей.

Формально финляндский период архипастырского служения владыки Сергия завершился в августе 1917 года — 10 августа он был утверждён архиепископом Владимирским и Шуйским. 28 ноября возведён в сан митрополита. Но Архипастырь и в дальнейшем, после провозглашения независимости Финляндии, продолжал интересоваться финляндскими делами. В частности, переписывался с Валаамским игуменом Харитоном (Дунаевым) и Сортавальским Церковным управлением, участвовал в разрешении календарного конфликта с монастырями в Финляндской Православной Церкви в межвоенный период.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оценка историками «финляндского периода» в биографии митрополита Сергия неоднозначна. «Епархия, в которой православные никогда не составляли более двух процентов от общей численности населения, имела политическое значение, несоизмеримое с её размерами» (Dixon 2004: 56). Возможно, такая участь уготована любому приграничному краю, а Великое княжество было для России «буфером» от иноконфессионального Запада. Архиепископ Сергей вполне понимал государственное значение своей епархии и что отказ от православия в ней повлечёт за собой и отказ от России. «Вера настолько содействовала русской национальности, что если русский перестаёт быть православным, то он так много теряет из своего внутреннего содержания, что перестаёт быть русским... Русский тот, кто разделяет русские идеалы и живёт ими, тот, для кого Россия со всем её содержанием — дорога. Человек может потерять веру, но для него всё русское всё-таки будет дорого, пока он не вступит в другую веру» (Записки Петербургских Религиозно-философских собраний. 2005: 72–73, 125–129), — говорил он на Религиозно-философских собраниях в начале XX века.

Финляндский архиепископ сделал всё от него зависящее, чтобы уберечь карельский народ от перехода в иную конфессию, а также чтобы сохранить православную веру на финляндской земле. Поступал ли он так, чтобы сохранить Империю, или заботился о интересах двух

⁴⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 209. Д. 2838. Л. 20; (Рогозный 2017: 330).

процентов населения Финляндии, исповедовавших православие, — так ли это важно? Как говорил сам владыка, «у нас глубокое недоразумение... относительно представления о государстве. Отличие западного идеала государства от русского в том, что мы подчиняемся государству не во имя отвлечённых государственных идей, а во имя Христа» (Записки Петербургских Религиозно-философских собраний. 2005: 72–73, 125–129).

Как можно убедиться на примере анализа политического и социокультурного контекстов финляндской епархиальной жизни начала XX века, в ней были общие черты и с церковной жизнью в СССР — прежде всего, это множественные конфронтации во всех областях, необходимость находить компромисс и общие интересы с враждебным окружением. Но если «самый кроткий из русских епископов, Антоний (Вадковский)» умел «тщательно балансировать» «между интересами России и чувствами Финляндии» (Dixon 2004: 56), то в условиях войны и следовавших одна за другой революций архиепископу Сергию делать это было практически невозможно. «В случае с Финляндской епархией попытки Русской Церкви укрепить свои конфессиональные связи только сделали их более хрупкими» (Dixon 2004: 72). После провозглашения независимости Финляндии из Финляндской и Выборгской епархий постепенно была сформирована вторая государственная Церковь национального меньшинства, в которой почти всё было устроено так, как того ранее добивался профински ориентированный клир. А в Советской Карелии новые власти запустили эксперимент по созданию безрелигиозной зоны и тотальному уничтожению веры. Кто знает, может быть, без усилий, трудов и молитв архиепископа Финляндского Сергия всё могло бы быть ещё печальнее. Данная статья — всего лишь попытка понять историю и избежать как идеализации, так и демонизации императорского прошлого России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Аврех А. Я. Столыпин и Третья Дума. — М. : Наука, 1968. — 520 с.
- Антоний (Храповицкий), архиеп. Восстановление патриаршества. — Почаев : тип. Почаево-Усп. лавры, 1912. — 18 с.
- Беглов А. Л. Православный приход на иноконфессиональных окраинах Российской империи: случай Финляндии // Государство. Религия. Церковь. — 2014. — № 4 (32). — С. 107–135.
- Бок. М. П. Воспоминания о моём отце П. А. Столыпине. — Л. : Ингрия, 1990. — 352 с.
- Васильева О. Ю. Митрополит Сергей (Страгородский). Штрихи к портрету // Альфа и Омега. — 2002. — № 1. — С. 136–163.
- Витухновская М. А. Российская Карелия и карелы в имперской политике России: 1905–1917. — СПб. : Норма, 2006. — 381 с.
- Витухновская-Кауппала М., Осипов А. В пучине гражданской войны: карелы в поисках стратегии выживания 1917–1922. — М. ; СПб. : Нестор-История, 2020. — 352 с.
- Георгиевский Г. П. Воспоминания о Патриархе Сергии // Патриарх Сергей (Страгородский): pro et contra: антология / сост., вступ. ст. С. Л. Фирсова. — СПб. : РХГА, 2017. — С. 133–150.
- Голлербах Э. Ф. В. В. Розанов. Жизнь и творчество. — Париж : YMCA-PRESS, 1976. — 111 с.
- Григорий (Чуков), архиеп. Финляндский период деятельности Святейшего Патриарха Сергия (1905–1917 гг.) [20 марта 1945] / публ. Л. К. Александровой-[Чуковой] // Имперский курьер. [Орган русского имперского движения]. — 2002. — № 2. — С. 36–37.
- Данилов А. Г. История Православия в Финляндии // Альфа и Омега. — 2001. — № 4. — С. 294–300.
- Дворкин А. Л. Жизнь, личность и взгляды Сергия Страгородского, епископа Ямбургского и архиепископа Выборгского и Финляндского (будущего Патриарха Московского и всея Руси) до 1917 г.: дис. ... канд. богосл. Свято-Владимирская духовная академия. — Нью-Йорк, 1983.
- Дворкин А. Л. Миссионер: Жизнь, личность и взгляды Патриарха Сергия (Страгородского) // Альфа и Омега. — 1995. — № 5. — С. 139–156.
- Дубровская Е. Ю. Валаамский иеромонах Исаакий Трофимов: личность и время (синодальный миссионер Выборгской епархии в Карельском приграничье накануне и в годы Первой мировой войны) // VII Валаамские образовательные чтения «Богоизбранная обитель»: к 30-летию возрождения монашеской жизни на Валааме: материалы конференции. — М. : Перо, 2020. — С. 62–75.

Дубровская Е. Ю. Карелия начала XX в. глазами православного духовенства // Православие в Карелии. Материалы республиканской научной конференции / под ред. В. М. Пивоева. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2000. — С. 89–97.

Дубровская Е. Ю. Противоборство панфиннизма и русского великодержавия в Карелии (по материалам источников конца XIX — начала XX в.) // Вопросы истории Европейского Севера: Проблемы общественно-политической истории XIX–XX вв. — Петрозаводск, 1991. — С. 55–64.

Дунин Ф. О. Патриарх Сергей (Страгородский) и его церковная деятельность до созыва Поместного Собора 1917–1918 гг.: рукопись выпускной работы. Ленинградская духовная академия. — Л., 1986.

Жабоедов-Господарец В. П. Православный вопрос в Великом княжестве Финляндском в 1905–1917 гг. В оценках правоконсервативной и либеральной печати XX в. // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. — 2015. — Спецвыпуск. — С. 152–155.

Записки Петербургских Религиозно-философских собраний 1901–1903 / под общ. ред. С. М. Половинкина. — М. : Республика, 2005. — 543 с.

Избранные труды Святителя Николая Архиепископа Японского. — М. : ПСТГУ, 2006. — 171 с.

Илиодор [Труфанов С.], бывш. иером. Святой чорт: Записки о Распутине. — М., 1917. — 187 с.

Иоанн (Разумов), архиеп. Святейший Патриарх Сергей (жизнь и деятельность). — М. : Петровский, 2013. — 303 с.

Киприан [Шнитников], иером. К вопросу о будущем православия в Финляндии // Прибавления к «Церковным ведомостям». — 1906. — № 43. — С. 2829–2835.

Киуру Э. С. Миф о Сампо // «Калевала» — памятник мировой культуры: материалы научной конференции, посвящённой 150-летию первого издания карело-финского эпоса. — Петрозаводск : Карелия, 1986. — С. 71–72.

Кораблёв Н. А. Создание и деятельность Православного карельского братства на территории Российской Карелии // Карелы российско-финского пограничья в XIX–XX вв. : сб. статей / отв. ред. А. М. Пашков. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2013. — С. 121–167.

Кудрина Ю. В. Императрица Мария Фёдоровна (1847–1928 гг.): Дневники. Письма. Воспоминания. — М. : Олма-Пресс, 2000. — 317 с.

Куяла А. Россия и Финляндия в 1907–1914 гг.: планы введения военного положения // Отечественная история. — 1998. — № 2. — С. 65–74.

Лунтинен П. Отношения между финнами и русскими во времена Великого княжества Финляндского (1809–1917 гг.) // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия: XVII–XX вв. — М., 2006. — С. 60–72.

Мишин А. И. Путешествие в «Калевалу». — Петрозаводск : Карелия, 1988. — 168 с.

Мусаев В. И. Между Западом и Востоком: православие в автономной и независимой Финляндии (1890-е — 1930-е гг.). — СПб. : Изд-во Политехнического ун-та, 2014. — 546 с.

Мусаев В. И. Финляндский период в жизни и деятельности Сергия (Страгородского), будущего Патриарха Московского и всея Руси // Личность в политических, экономических и культурных процессах российской истории: материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 16–17 мая 2013 г. [отв. ред. В. М. Козьменко, В. В. Керов]. — М. : Экон-информ, 2013. — С. 482–488.

Новый архиепископ финляндский Сергей // Церковный вестник. — 1905. — № 42. — С. 1322–1323.

Одинцов М. И. Патриарх Сергей. — М. : Молодая гвардия, 2013. — 395 с.

Одинцов М. И. Русские Патриархи XX века: Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. Ч. 1: «Дело» Патриарха Тихона; Крестный путь Патриарха Сергия. — М. : РАГС, 1999. — 334 с.

Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе : в 2 ч. / под ред. В. Чаплина и др. — М. : Изд-во Крутицкого подворья, 2004. — Ч. 2. — 1056 с.

Ошеров Е. Б., Суни Л. В. Финляндская политика царизма на рубеже XIX–XX вв. [Учеб. пособие]. — Петрозаводск : ПГУ, 1986. — 71 с.

Патриарх Сергей (Страгородский): pro et contra: антология / сост., вступ. ст. С. Л. Фирсова. — СПб. : РХГА, 2017. — 669 с.

Патриарх Сергей и его духовное наследство. — М. : Издание Московской Патриархии, 1947. — 415 с.

Переписка Николая и Александры Романовых. — М.; Пг. : Гос. Изд-во, 1923–1927. — Т. III: 1914–1915. — М., 1925. — 510 с.

Переписка Николая и Александры Романовых. — М.; Пг. : Гос. Изд-во, 1923–1927. — Т. V: 1916–1917. — М., 1927. — 303 с.

Петухова А. П. «Финляндский вопрос» в системе внутривосточных представлений Российской правящей элиты в кон. XIX — нач. XX в. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. — 2008. — № 4. — С. 56–65.

Петухова А. П. Русское национальное движение и финляндский вопрос во второй половине XIX — нач. XX в.: дис. ... к. и. н., спец. Отеч. ист. 5.6.1. МГУ. — М., 2022.

Полунин В. Ю. «Финляндский вопрос» в контексте национальной политики российской империи. Исключение или правило? // Альманах североевропейских и балтийских исследований / *Nordic and Baltic Studies Review*. — 2023. — Вып. 8. — С. 53–64.

Пурмонен В., прот. Первый Сердобольский епископ Киприан (Шнитников) и Карельское братство: национальные и церковные конфликты в Карелии в начале XX в. // IV Валаамские образовательные чтения «Единство Церкви и народа — уроки прошлого и проблемы настоящего» [материалы конференции 28–30 мая 2012, о. Валаам]. — СПб. : Валаам, 2013. — С. 39–44.

Рогозный П. Г. Несколько новых штрихов к биографии патриарха Сергия (Страгородского) // Патриарх Сергей (Страгородский): *pro et contra*: антология. — СПб., 2017. — С. 329–338.

Рожков В., прот. Церковные вопросы в Государственной думе: Материалы по истории церкви. — М. : Изд-во Крутицкого подворья, 2004. — 560 с.

Сергий (Страгородский), архим. На Дальнем Востоке. Письма Японского миссионера. — Арзамас : Тип. И. Доброхотова, 1897. — 278 с.

Сергий (Страгородский), архим. По Японии. Записки миссионера // Богословский Вестник. — 1899. — № 4. — С. 622–649.

Сергий (Страгородский), архим. По Японии. Записки миссионера // Богословский Вестник. — 1899. — № 7. — С. 394–415.

Сергий (Страгородский), архим. По Японии. Записки миссионера // Богословский Вестник. — 1899. — № 8. — С. 596–614.

Соломещ И. М. На рубежах распадающейся империи: «карельский вопрос» кон. XIX — нач. XX в. в геополитическом контексте // Пути познания истории России: новые подходы и интерпретации: [Материалы межд. конф., 13–15 окт. 1999 г.] — М., 2001. — С. 171–187.

Титков Е. П. Патриарх Сергей (Страгородский): подвиг служения Церкви и Родине. — Арзамас : АГПИ им. А. П. Гайдара, 2007. — 664 с.

Фирсов С. Л. Время в судьбе: Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Сергей (Страгородский): О генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века. — СПб. : Сатис; Держава, 2005. — 395 с.

Фирсов С. Л. Митрополит Сергей (Страгородский) в оценках и мнениях современников (к постановке вопроса) // История Русской православной церкви в XX веке (1917–1933 гг.): материалы конф.,

г. Сентендре (Венгрия), 13–16 нояб. 2001 г. — [Мюнхен] : Обитель преп. Иова Почаевского; [Петрозаводск : ГП Тип. им. П. Ф. Анохина], 2002 — С. 301–317.

Хижий М., прот. Размышления о церковной политике Патриарха Сергия (Страгородского) // Альфа и Омега. — 2002. № 3 (33). — С. 120–130.

Ходаковская О. И. Дело жизни епископа Киприана (Шнитникова) (1879–1914) // Вестник ПСТГУ (II): История. История Русской православной церкви. — 2009. — № 4 (33). — С. 26–50.

Холодковский В. М. Революция 1918 года в Финляндии и германская интервенция. — М. : Наука, 1967. — 387 с.

Чуков Николай, прот. Очерк деятельности Православного Карельского Братства св. великомученика Георгия в Олонецкой губернии. — Петрозаводск : Олонец. губ. тип., 1909. — 62 с.

Яровой О. А., Смирнова И. А. Валаамский монастырь и православная церковь в Финляндии: 1880–1930-е гг. (из истории финнизации православной конфессии). — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 1997. — 202 с.

Dixon S. Sergii (Stragorodskii) in the Russian Orthodox Diocese in Finland: Apostasy and Mixed Marriages, 1905–1917 // The Slavonic and East European Review. — 2004. — Vol. 82. — No. 1. — P. 50–73.

Hämynen T. Liikkeellä leivän tähden: Raja-Karjalan väestö ja sentoimeentulo 1880–1940. — Helsinki : Suomen historiallinen seura, 1993. — 562 s.

Hämynen T. Suomalaistajat, venäläistäjät ja rajakarjalaiset: kirkko ja koulukysymys Raja-Karjalassa 1900–1923. — Joensuu : Joensuun yliopisto, 1995. — 162 s.

Karemaa O. Vihollisia, vainoojia, syöpalaisia: Venäläisviha Suomessa 1917–1923. — Helsinki, 1998. — 221 s.

Kilpeläinen H. Valamo — karjalaisten luostari?: Luostarin ja yhteiskunnan interaktio maailmaneotien välisenä aikana. — Helsinki : SKS, 2000. — 524 p.

Korros A. Sh. The Landed Nobility, the State Council and P. A. Stolypin // The Politics of Rural Russia. 1905–1914 / ed. L. Haimson. — Bloomington, 1979. — P. 123–141.

Laasonen P. Vuonna 1905 Venäjällä annnetun uskonnonvapauslain vaikutus Suomen ortodoksiessa kirkossa // Ortodoksia. — 1972. — № 21. — S. 106–123.

Laitila T. Uskon luotsi: Sergei Okulov Suomen ortodoksien vaihteis-
sa. — Jyväskylä : Aamun koitto, 2004. — 421 s.

Loima J. Muukalaisina Suomessa. Kaakkoisen Kannaksen kreikkalaiskatoliset venäläisseurakunnat kansallisena ongelmana 1889–1939. — Helsinki : Yliopistopaino, 2001. — 325 s.

Loima J. Nationalism and the Orthodox Church in Finland // Loima J., Laitila T. Nationalism and Orthodoxy. Two Thematic Studies on National Ideologies and Their Interaction with the Church. — Helsinki : Helsinki University, 2004. — P. 93–198.

Merikoski K. Taistelua Karjalasta: piirteitä venäläistämistyöstä Raja-Karjalassa tsaarinvallan aikoina. — Helsinki : Valistus, 1939. — 367 s.

Purmonen V. Piispa Kiprian ja Karjalan Veljeskunta // Doksologia: juhlaulkaisu isä Erkki Elias Piiraiselle hänen täyttäessään 60 vuotta 14. 11. 1979. — Joensuu. 1980. — S. 117–128.

Verner A. M. The Crisis of Russian Autocracy: Nicolas II and the 1905 Revolution. — Princeton : Princeton University Press, 1990. — 372 p.

Hosking G. A. The Russian Constitutional Experiment: Government and Duma, 1907–1914. — New York; London : Cambridge University Press, 1973. — 281 p.

Сведения об авторе:

Татьяна Ивановна Шевченко — кандидат богословия, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела новейшей истории Русской Православной Церкви Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 115184, Россия, Москва, ул. Новокузнецкая, 23 б, e-mail: tatyana_valaam@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 05.02.2024; одобрена после рецензирования 17.02.2024; принята к публикации 21.02.2024.

T. I. Shevchenko

SAINT TIKHON'S ORTHODOX UNIVERSITY,
MOSCOW, RUSSIA

Sergius (Stragorodsky), Archbishop of Finland and Vyborg — features of pastoral service in political and socio- cultural contexts

Abstract. The article is devoted to the analysis of the “Finnish period” of the pastoral service of Sergius (Stragorodsky), future Patriarch of Moscow and All Russia. The period covers the years 1905–1917, during which there was an exacerbation of Russian-Finnish relations. In Finnish historiography, these years are referred to as another period of russification (1908–1917), while in Russian historiography, they are marked by attempts to Finnize and Lutheranize Russian Karelia. Formed in 1892 as the vicariate of the St. Petersburg diocese, the Vyborg and Finnish diocese of the Orthodox Russian Church united the parishes of the Grand Duchy of Finland, to which the Vyborg province (Old Finland) belonged, annexed to the Grand Duchy by Alexander I in 1811. In 1913, the Serdobolsk vicariate was established in the diocese for Karelian parishes. Archbishop Sergius was tasked with countering “pan-Finnish propaganda” in Karelia and defending the interests of the Russian Church in the Grand Duchy, the vast majority of whose population adhered to Lutheranism. The Karelians inhabited the eastern part of the Grand Duchy of

Finland, Olonets and Belomorsk Karelia. Through joint efforts of church and provincial authorities in these regions, the process of Lutheranization of Karelians directed by Finnish nationalists was stopped. However, Archbishop Sergius policy in the Grand Duchy caused rejection from local elites and church figures. Relations with Russian politicians were also complicated for the Archbishop of Finland. This was largely due to the exacerbation of Finnish and Karelian issues. The article analyzes the political and socio-cultural contexts of the pastoral service of Archbishop Sergius, emphasizes important facts of his biography that help understand the logic of his decisions, presents preliminary conclusions based on a review of the modern historiography of the issue, which has not received sufficient attention from Russian researchers to date.

Keywords: Archbishop of Finland and Vyborg, Archbishop Sergius (Stragorodsky), Vyborg and Finnish diocese, Finnish question, Karelian question, national question, russification, pan-Finnish propaganda, Finnization of Orthodoxy

For citation: Shevchenko, T. I. (2024). Sergius (Stragorodsky), Archbishop of Finland and Vyborg — features of pastoral service in political and socio-cultural contexts. *Orthodoxia*, (2), 128–173. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-2-128-173

REFERENCES:

Avrekh, A. Ia. (1968). *Stolypin i Tret'ia Duma* [Stolypin and the Third Duma]. Moscow : Nauka. [In Russian].

Antony (Khrapovitsky), Archbishop. (1912). *Vosstanovlenie patriarshestva* [Restoration of the Patriarchate]. Pochaev : tip. Pochaevo-Usp. lavry. [In Russian].

Beglov, A. L. (2014). Pravoslavnyi prikhod na inokonfessional'nykh ukrainakh Rossiiskoi imperii: sluchai Finliandii [Orthodox Parish on the Non-Confessional Outskirts of the Russian Empire: the Case of Finland]. *Gosudarstvo. Religii. Tserkov'*, (4), 107–135. [In Russian].

Bok, M. P. (1990). *Vospominaniia o moem ottse P. A. Stolypine* [Memoirs of My Father P. A. Stolypin]. Leningrad: Ingriia. [In Russian].

Vasileva, O. Iu. (2002). Mitropolit Sergy (Stragorodsky). Shtrikhi k portretu [Metropolitan Sergius (Stragorodsky). Strokes to the Portrait]. *Al'fa i Omega*, (1), 136–163. [In Russian].

Vitukhnovskaia, M. A. (2006). *Rossiiskaia Kareliia i karely v imperskoi politike Rossii: 1905–1917* [Russian Karelia and Karelians in the Imperial Policy of Russia: 1905–1917]. Saint Petersburg : Norma. [In Russian].

Vitukhnovskaia-Kauppal, M., Osipov, A. (2020). *V puchine grazhdanskoi voyny: karely v poiskakh strategii vyzhivaniia 1917–1922* [In the Depths of the Civil War: Karelians in Search of a Survival Strategy 1917–1922]. Moscow, Saint Petersburg : Nestor-Istoriia. [In Russian].

Georgievsky, G. P. (2017). Vospominaniia o Patriarkhe Sergii [Memories of Patriarch Sergius]. In *Patriarkh Sergy (Stragorodsky): pro et contra: antologiiia* (pp. 133–150). Saint Petersburg : RKhGA. [In Russian].

Gollerbach, E. F. (1976). *V. V. Rozanov. Zhizn' i tvorchestvo* [V. V. Rozanov. Life and Creativity]. Paris : YMCA-PRESS. [In Russian].

Grigory (Chukov), Archbishop. (2002). Finliandsky period deiatel'nosti Sviatishego Patriarkha Sergiia (1905–1917 gg.) (20 marta 1945) [The Finnish Period of Activity of His Holiness Patriarch Sergius (1905–1917) (March 20, 1945)]. *Impersky kur'er*. (*Organ russkogo imperskogo dvizheniia*), (2), 36–37. [In Russian].

Danilov, A. G. (2001). Istoriia Pravoslaviia v Finliandii [The History of Orthodoxy in Finland]. *Al'fa i Omega*, (4), 294–300. [In Russian].

Dvorkin, A. L. (1983). *Zhizn', lichnost' i vzgliady Sergiia Stragorodskogo, episkopa Iamburgskogo i arkhiepiskopa Vyborgskogo i Finliandskogo (budushchego Patriarkha Moskovskogo i vseia Rusi) do 1917 g.* [The Life, Personality and Views of Sergius Stragorodsky, Bishop of Yamburg and Archbishop of Vyborg and Finland (Future Patriarch of Moscow and All Russia) before 1917] [Dissertation of Candidate of Theology. Sviato-Vladimirskaia dukhovnaia akademiia]. New York. [In Russian].

Dvorkin, A. L. (1995). Missioner: Zhizn', lichnost' i vzgliady Patriarkha Sergiia (Stragorodskogo) [The Missionary: The Life, Personality and Views of Patriarch Sergius (Stragorodsky)]. *Al'fa i Omega*, (5), 139–156. [In Russian].

Dubrovskaja, E. Iu. (2020). Valaamsky ieromonakh Isaakii Trofimov: lichnost' i vremia (sinodal'nyi missioner Vyborgskoi eparkhii v Karel'skom prigranich'e nakanune i v gody Pervoi Mirovoi voyny) [Valaam Hieromonk Isaac Trofimov: Personality and Time (Synodal Missionary of the Vyborg Diocese in the Karelian Border Region on the Eve and During the First World War)]. In *VII Valaamskie obrazovatel'nye chteniia "Bogoizbrannaia*

obitel'": k 30-letiiu vrozozhdeniia monasheskoi zhizni na Valaame: materialy konferentsii (pp. 62–75). Moscow : Pero. [In Russian].

Dubrovskaja, E. Iu. (2000). Kareliia nachala XX v. glazami pravoslavnogo dukhovenstva [Karelia of the Beginning of the XX Century Through the Eyes of the Orthodox Clergy]. In *Pravoslavie v Karelii. Materialy respublikanskoj nauchnoj konferentsii* (pp. 89–97). Petrozavodsk : Izd-vo PetrGU. [In Russian].

Dubrovskaja, E. Iu. (1991). Protivoborstvo panfinnizma i russkogo velikoderzhavii v Karelii (po materialam istochnikov kontsa XIX — nachala XX vv.) [The Confrontation of Pan-Finnism and the Russian Great Power in Karelia (Based on Sources from the Late XIX — Early XX Centuries)]. In *Voprosy istorii Evropeiskogo Severa: Problemy obshchestvenno-politicheskoj istorii XIX–XX vv.* (pp. 55–64). Petrozavodsk. [In Russian].

Dunin, F. O. (1986). *Patriarkh Sergy (Stragorodsky) i ego tserkovnaia deiatel'nost' do sozyva Pomestnogo Sobora 1917–1918 gg.* [Patriarch Sergius (Stragorodsky) and his Church Activities before the Convocation of the Local Council of 1917–1918] [The Graduation Work. Leningrad Theological Academy]. Leningrad. [In Russian].

Zhaboedov-Gospodarets, V. P. (2015). Pravoslavnyi vopros v Velikom kniazhestve Finliandskom v 1905–1917 gg. V otsenkakh pravokonservativnoi i liberal'noi pechati XX v. [The Orthodox Question in the Grand Duchy of Finland in 1905–1917. In the Assessments of the Right-Wing Conservative and Liberal Press of the XX Century]. *Izvestiia Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, (Spetsvypusk), 152–155. [In Russian].

Zapiski Peterburgskikh Religiozno-filosofskikh sobrany 1901–1903 [Notes of the St. Petersburg Religious and Philosophical Meetings 1901–1903]. (2005). Moscow : Respublika. [In Russian].

Izbrannye trudy Sviatitelia Nikolaia Arkhiepiskopa Iaponskogo [Selected Works of St. Nicholas, Archbishop of Japan]. (2006). Moscow : PSTGU. [In Russian].

Iliodor (Trufanov, S.), Former Hieromonk. (1917). *Sviatoi chort: Zapiski o Rasputine* [Holy Devil: Notes on Rasputin]. Moscow. [In Russian].

Ioann (Razumov), Archbishop. (2013). *Sviateishy Patriarkh Sergy (zhizn' i deiatel'nost')* [His Holiness Patriarch Sergius (Life and Work)]. Moscow : Petrovsky. [In Russian].

Kiprian [Shnitnikov], Hieromonk. (1906). K voprosu o budushchem pravoslaviia v Finliandii [On the Question of the Future of Orthodoxy in Finland]. *Pribavleniia k Tserkovnym vedomostiam*, (43), 2829–2835. [In Russian].

Kiuru, E. S. (1986). Mif o Sampo [The Myth of Sampo]. In *“Kalevala” — pamiatnik mirovoi kul’tury: materialy nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 150-letiiu pervogo izdaniia karelo-finskogo eposa* (pp. 71–72). Petrozavodsk : Kareliia. [In Russian].

Korablev, N. A. (2013). Sozdanie i deiatel’nost’ Pravoslavnogo karel’skogo bratstva na territorii Rossiiskoi Karelii [Creation and Activity of the Orthodox Karelian Brotherhood on the Territory of Russian Karelia]. In *Karely rossiisko-finskogo pogranich’ia v XIX–KhKh vv. : sb. statei* (pp. 121–167). Petrozavodsk : Izd-vo PetrGU. [In Russian].

Kudrina, Iu. V. (2000). *Imperatritsa Mariia Fedorovna (1847–1928 gg.): Dnevnik. Pis’ma. Vospominaniia* [Empress Maria Feodorovna (1847–1928): Diaries. Letters. Memoirs]. Moscow : Olma-Press. [In Russian].

Kuiala, A. (1998). Rossiia i Finliandiia v 1907–1914 gg: plany vvedeniia voennogo polozheniia [Russia and Finland in 1907–1914: Plans for the Introduction of Martial Law]. *Otechestvennaia istoriia*, (2), 65–74. [In Russian].

Luntinen, P. (2006). Otnosheniia mezhdru finnnami i russkimi vo vremena Velikogo kniazhestva Finliandskogo (1809–1917 gg.) [Relations between Finns and Russians during the Time of the Grand Duchy of Finland (1809–1917)]. In *Rossiia i Finliandiia: problemy vzaimovospriatiia: XVII–XX vv.* (pp. 60–72). Moscow. [In Russian].

Mishin, A. I. (1988). *Puteshestvie v “Kalevalu”* [Journey to Kalevala]. Petrozavodsk : Kareliia. [In Russian].

Musaev, V. I. (2014). Mezhdru Zapadom i Vostokom: pravoslavie v avtonomnoi i nezavisimoi Finliandii (1890-e — 1930-e gg.) [Between the West and the East: Orthodoxy in Autonomous and Independent Finland (1890s — 1930s)]. Saint Petersburg : Izd-vo Politekhnikeskogo un-ta. [In Russian].

Musaev, V. I. (2013). Finliandsky period v zhizni i deiatel’nosti Sergiia (Stragorodskogo), budushchego Patriarkha Moskovskogo i vseia Rusi [The Finnish Period in the Life and Work of Sergius (Stragorodsky), the Future Patriarch of Moscow and All Russia]. In *Lichnost’ v politicheskikh, ekonomicheskikh i kul’turnykh protsessakh rossiiskoi istorii: materialy XVII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii Moskva, 16–17 maia 2013 g.* (pp. 482–488). Moscow : Ekon-inform. [In Russian].

Novyi arkhiepiskop finliandsky Sergy [The New Archbishop of Finland Sergius]. (1905). *Tserkovnyi vestnik*, (42), 1322–1323. [In Russian].

Odintsov, M. I. (2013). *Patriarkh Sergy* [Patriarch Sergius]. Moscow : Molodaia gvardiia. [In Russian].

Odintsov, M. I. (1999). *Russkie Patriarkhi XX veka: Sud'by Otechestva i Tserkvi na stranitsakh arkhivnykh dokumentov. Ch. 1: "Delo" Patriarkha Tikhona; Krestnyi put' Patriarkha Sergiia* [Russian Patriarchs of the XX Century: The Fate of the Fatherland and the Church on the Pages of Archival Documents. Part 1: The "Case" of Patriarch Tikhon; The Way of the Cross of Patriarch Sergius]. Moscow : RAGS. [In Russian].

Otzyvy eparkhial'nykh arkhieerev po voprosu o tserkovnoi reforme: v 2 chch. [Reviews of Diocesan Bishops on the Issue of Church Reform: in 2 Parts] (Part 2). (2004). Moscow : Izd-vo Krutitskogo podvor'ia. [In Russian].

Osherov, E. B., Suni, L. V. (1986). *Finliandskaia politika tsarizma na rubezhe XIX–XX vv. (Ucheb. Posobie)* [The Finnish policy of tsarism at the turn of the XIX–XX centuries (Textbook)]. Petrozavodsk : PGU. [In Russian].

Patriarkh Sergy (Stragorodsky): pro et contra: antologiya [Patriarch Sergius (Stragorodsky): Pro et Contra: Anthology]. (2017). Saint Petersburg : RKhGA. [In Russian].

Patriarkh Sergy i ego dukhovnoe nasledstvo [Patriarch Sergius and His Spiritual Inheritance]. (1947). Moscow : Izdanie Moskovskoi Patriarkhii. [In Russian].

Perepiska Nikolaia i Aleksandry Romanovykh [The Correspondence of Nikolai and Alexandra Romanov] (Vol. III: 1914–1915). (1925). Moscow : Gos. Izd-vo. [In Russian].

Perepiska Nikolaia i Aleksandry Romanovykh [The Correspondence of Nikolai and Alexandra Romanov] (Vol. V: 1916–1917). (1927). Moscow : Gos. izd-vo. [In Russian].

Petukhova, A. P. (2008). "Finliandsky vopros" v sisteme vnutripoliticheskikh predstavleny Rossiiskoi praviashchei elity v kon. XIX — nach. XX v. ["The Finnish Question" in the System of Internal Political Representations of the Russian Ruling Elite in the End XIX — beginning XX century]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriia*, (4), 56–65. [In Russian].

Petukhova, A. P. (2022). *Russkoe natsional'noe dvizhenie i finliandsky vopros vo vtoroi polovine XIX — nach. XX v.* [The Russian National Movement and the Finnish Question in the Second Half of the XIX — Beginning XX Century] [Dissertation of Candidate of History. Moscow State University]. Moscow. [In Russian].

Polunin, V. Iu. (2023). "Finliandsky vopros" v kontekste natsional'noi politiki rossiiskoi imperii. Iskliuchenie ili pravilo? ["The Finnish question" in the Context of the National Policy of the Russian Empire. The Exception

or the Rule?] *Al'manakh severoevropeiskikh i baltiiskikh issledovaniĭ / Nordic and Baltic Studies Review*, (8), 53–64. [In Russian].

Purmonen, V., Archpriest. (2013). Pervyi Serdobol'sky episkop Kiprian (Shnitnikov) i Karel'skoe bratstvo: natsional'nye i tserkovnye konflikty v Karelii v nachale XX v. [The First Serdobolsky Bishop Cyprian (Shnitnikov) and the Karelian Brotherhood: National and Church Conflicts in Karelia at the Beginning of the Twentieth Century]. In *IV Valaamskie obrazovatel'nye chteniia "Edinstvo Tserkvi i naroda — uroki proshlogo i problemy nastoiashchego" [materialy konferentsii 28–30 maia 2012, o. Valaam]* (pp. 39–44). Saint Petersburg : Valaam. [In Russian].

Rogoznyi, P. G. (2017). Neskol'ko novykh shtrikhov k biografii patriarkha Sergiia (Stragorodskogo) [A Few New Touches to the Biography of Patriarch Sergius (Stragorodsky)]. In *Patriarkh Sergy (Stragorodsky): pro et contra: antologiya* (pp. 329–338). Saint Petersburg. [In Russian].

Rozhkov, V., Archpriest. (2004). *Tserkovnye voprosy v Gosudarstvennoi dume: Materialy po istorii tserkvi* [Church Issues in the State Duma: Materials on the History of the Church]. Moscow : Izd-vo Krutitskogo podvor'ia. [In Russian].

Sergius [Stragorodsky], Archimandrite. (1897). *Na Dal'nem Vostoke. Pis'ma Iaponskogo missionera* [In the Far East. Letters from a Japanese Missionary]. Arzamas : Tip. I. Dobrokhotova. [In Russian].

Sergius [Stragorodsky], Archimandrite. (1899). Po Iaponii. Zapiski missionera [In Japan. Notes of a missionary]. *Bogoslovsky Vestnik*, (4), 622–649. [In Russian].

Sergius [Stragorodsky], Archimandrite. (1899). Po Iaponii. Zapiski missionera [In Japan. Notes of a missionary]. *Bogoslovsky Vestnik*, (7), 394–415. [In Russian].

Sergius [Stragorodsky], Archimandrite. (1899). Po Iaponii. Zapiski missionera [In Japan. Notes of a missionary]. *Bogoslovsky Vestnik*, (8), 596–614. [In Russian].

Solomeshch, I. M. (2001). Na rubezhakh raspadauiushcheisia imperii: "karel'skii vopros" kon. XIX — nach. XX v. v geopoliticheskom kontekste [On the Frontiers of the Disintegrating Empire: "The Karelian Question" End of the XIX — Beginning of the XX Century in the Geopolitical Context]. In *Puti poznaniia istorii Rossii: novye podkhody i interpretatsii: [Materialy mezhd. konf., 13–15 okt. 1999 g.]* (pp. 171–187). Moscow. [In Russian].

Titkov, E. P. (2007). *Patriarkh Sergy (Stragorodsky): podvig sluzheniia Tserkvi i Rodine* [Patriarch Sergius (Stragorodsky): a Feat of Service to the Church and the Motherland]. Arzamas : AGPI im. A. P. Gaidara. [In Russian].

Firsov, S. L. (2005). *Vremia v sud'be: Sviateishy Patriarkh Moskovsky i Vseia Rusi Sergy (Stragorodsky): O genezise "sergianstva" v russkoi tserkovnoi traditsii XX veka* [Time in Destiny: His Holiness Patriarch Sergius of Moscow and All Russia (Stragorodsky): On the Genesis of "Sergianism" in the Russian Church Tradition of the XX Century]. Saint Petersburg : Satis, Derzhava. [In Russian].

Firsov, S. L. (2002). Mitropolit Sergy (Stragorodsky) v otsenkakh i mneniiakh sovremennikov (k postanovke voprosa) [Metropolitan Sergius (Stragorodsky) in the Assessments and Opinions of Contemporaries (to Raise the Question)]. In *Istoriia Russkoi pravoslavnoi tserkvi v KhKh veke (1917–1933 gg.): materialy konf., g. Sentendre (Vengriia), 13–16 noiab. 2001 g.* (pp. 301–317). Munich : Obitel' prep. Iova Pochaevskogo; Petrozavodsk : GP Tip. im. P. F. Anokhina. [In Russian].

Khizhy, M., Archpriest. (2002). Razmyshleniia o tserkovnoi politike Patriarkha Sergiia (Stragorodskogo) [Reflections on the Church Policy of Patriarch Sergius (Stragorodsky)]. *Al'fa i Omega*, (3), 120–130. [In Russian].

Khodakovskaia, O. I. (2009). Delo zhizni episkopa Kipriana (Shnitnikova) (1879–1914) [The Business of the Life of Bishop Cyprian (Shnitnikov) (1879–1914)]. *Vestnik PSTGU (II): Istoriia. Istoriia Russkoi pravoslavnoi tserkvi*, (4), 26–50. [In Russian].

Kholodkovsky, V. M. (1967). *Revoliutsiia 1918 goda v Finliandii i germanskaia interventsii* [The 1918 Revolution in Finland and the German Intervention]. Moscow : Nauka. [In Russian].

Chukov, N., Archpriest. (1909). *Ocherk deiatel'nosti Pravoslavnogo Karel'skogo Bratstva sv. velikomuchenika Georgiia v Olonetskoii gubernii* [An Outline of the Activities of the Orthodox Karelian Brotherhood of St. George the Great Martyr in the Olonets Province]. Petrozavodsk : Olonets. gub. tip. [In Russian].

Iarovoi, O. A., Smirnova, I. A. (1997). *Valaamsky monastyr' i pravoslavnaia tserkov' v Finliandii: 1880–1930-e gg. (iz istorii finnizatsii pravoslavnoi konfessii)* [Valaam Monastery and the Orthodox Church in Finland: the 1880s–1930s (from the History of the Finnization of the Orthodox Denomination)]. Petrozavodsk : Karel'skii nauchnyi tsentr RAN. [In Russian].

Dixon, S. (2004). Sergii (Stragorodskii) in the Russian Orthodox Diocese in Finland: Apostasy and Mixed Marriages, 1905–1917. *The Slavonic and East European Review*, (1), 50–73. [In English].

Hämynen, T. (1993). *Liikkeellä leivän tähden: Raja-Karjalan väestö ja senttoimeentulo 1880–1940* [On the Move for Bread: the Population of

Raja-Karelia and its Income 1880-1940]. Helsinki : Suomen historiallinen seura. [In Finnish].

Hämynen, T. (1995). Suomalaistajat, venäläistäjät ja rajakarjalaiset: kirkko- ja koulukysymys Raja-Karjalassa 1900–1923 [Suomalaistajat, russianistajat and rajakarjalaiset: Church and School Issues in Raja-Karelia 1900–1923]. Joensuu : Joensuun yliopisto. [In Finnish].

Karemaa, O. (1998). *Vihollisia, vainoojia, syopalaisia: Venalaisviha Suomessa 1917–1923* [Enemies, Persecutors, Syopans: Russian Hatred in Finland 1917–1923]. Helsinki. [In Finnish].

Kilpeläinen, H. (2000). *Valamo — karjalaisten luostari: Luostarin ja yhteiskunnan interaktio maailmanneotien välisenä aikana* [Valamo-Karelian Monastery: The Interplay of Monastery and Society in the Interwar Period]. Helsinki : SKS. [In Finnish].

Korros, A. Sh. (1979). The Landed Nobility, the State Council and P. A. Stolypin. In *The Politics of Rural Russia. 1905–1914* (pp. 123–141). Bloomington. [In English].

Laasonen, P. (1972). Vuonna 1905 Venäjällä annnetun uskonnonvapauslain vaikutus Suomen ortodoksiessa kirkossa [Effect of the Religious Freedom Act of 1905 in the Orthodox Church of Finland]. *Ortodoksia*, (21), 106–123. [In Finnish].

Laitila, T. (2004). *Uskon luotsi: Sergei Okulov Suomen ortodoksien vaiheissa* [Pilot of Faith: Sergei Okulov in the Orthodox Stages of Finland]. Jyväskylä : Aamun koitto. [In Finnish].

Loima, J. (2001). *Muukalaisina Suomessa. Kaakkoisen Kannaksen kreikkalaiskatoliset venäläisseurakunnat kansallisena ongelmana 1889–1939* [As Strangers in Finland. Greek Orthodox Russian Churches on the Southeastern Isthmus as a National Problem 1889-1939]. Helsinki : Yliopistopaino. [In Finnish].

Loima, J. (2004). Nationalism and the Orthodox Church in Finland. In *Nationalism and Orthodoxy. Two Thematic Studies on National Ideologies and Their Interaction with the Church* (pp. 93–198). Helsinki : Helsinki University. [In English].

Merikoski, K. (1939). *Taistelua Karjalasta: piirteitä venäläistämistyöstä Raja-Karjalassa tsaarinvallan aikoina* [Struggle for Karelia: features of Russification work in Raja-Karelia during tsarist times]. Helsinki : Valistus. [In Finnish].

Purmonen, V. (1980). Piispa Kiprian ja Karjalan Veljeskunta [The Order of Bishop Kipria and Karelia]. In *Doksologia: juhlaulkaisu isä Erkki Elias Piirtoiselle hänen täyttäessään 60 vuotta 14. 11. 1979* (pp. 117–128). Joensuu. [In Finnish].

Verner, A. M. (1990). *The Crisis of Russian Autocracy: Nicolas II and the 1905 Revolution*. Princeton : Princeton University Press. [In English].

Hosking, G. A. (1973). *The Russian Constitutional Experiment: Government and Duma, 1907–1914*. New York; London : Cambridge University Press. [In English].

About the author:

Tatiana Ivanovna Shevchenko — Candidate of Theology, Candidate of Historical Sciences, a Senior Research Fellow at the Department of Modern History of the Russian Orthodox Church, Saint Tikhon's Orthodox University, 23 B, Novokuznetskaya str., Moscow, Russia, 115184, e-mail: tatyana_valaam@mail.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 05.02.2024; approved after reviewing 17.02.2024; accepted for publication 21.02.2024.

Л. К. Александрова-Чукова

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ

Святейший Патриарх Сергей, митрополит Григорий и духовные школы Московской Патриархии 1944–2024 годов

Аннотация. Статья посвящена двум 80-летним памятным датам Русской Православной Церкви 2024 года — кончине Святейшего Патриарха Сергея и открытию первых при советской власти богословских школ в Москве. Вопрос о богословских школах был поставлен патриархом Сергием первым после Собора епископов 1943 года и избрания его патриархом, и духовные школы были открыты через месяц после его кончины. Отмечено, что за быстрой подготовкой к открытию Богословского института и Богословско-пастырских курсов лежал четвертьвековой путь давнего верного соратника патриарха, автора проекта духовно-учебных заведений Московской Патриархии архиепископа Саратовского и Сталинградского Григория (в миру — Николая Кирилловича Чукова), имевшего большой опыт организации и руководства высшими богословскими школами в Петрограде-Ленинграде в 1920–1925 годы. В Приложении впервые публикуются записи из

личного дневника протоиерея Н. К. Чукова, рассказывающие о его деятельности, которую он вёл при поддержке митрополита Сергия и Синода в 1928–1930 годах. Прот. Н. К. Чукову удалось добиться разрешения на открытие Богословского института в Ленинграде, но помешал его арест в 1930 году. Записи публикуемого дневника подтверждают мнение О. Ю. Васильевой о том, что вызвавшее всеобщие протесты интервью митрополита Сергия об отсутствии в СССР гонений на Церковь было «платой» за возможность подать «Памятную записку» П. Е. Смидовичу, один из пунктов которой говорил о необходимости открытия богословской школы. Данная «Записка» сыграла решающую роль в получении этого разрешения, которое, в свою очередь, значительно ускорило открытие богословских школ в Москве в 1943–1944 годы. В конце статьи в качестве Приложения даются выдержки из дневника 1928–1930 годов, который вёл протоиерей Николай Чуков.

Ключевые слова: Святейший Патриарх Сергей (Страгородский), «Голгофа», богословские школы, протоиерей Н. К. Чуков, митрополит Григорий, дневник митрополита Григория, Богословский институт, Богословско-пастырские курсы, Положение о Богословском институте

Для цитирования: Александрова-Чукова Л. К. Святейший Патриарх Сергей, митрополит Григорий и духовные школы Московской Патриархии 1944–2024 годов // Ортодоксия. — 2024. — № 2. — С. 174–205. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-2-174-205

Важнейшей заслугой Святейшего Патриарха Сергия (Страгородского) перед Русской Православной Церковью и отечеством является не только восстановление патриаршества, прерванного с кончиной Св. Патриарха Тихона, но и то, что он обеспечил Церкви её будущее, по восшествии на патриарший престол первым вопросом поставив вопрос об открытии богословских школ. Святейший Патриарх Сергей, скончавшийся 15 мая 1944 года, только месяц не дожил до 14 июня 1944 года — открытия Православного Богословского института и Богословско-

пастырских курсов в Москве. Таким образом, в нынешнем 2024 году вместе с 80-летием кончины Святейшего Патриарха Сергия Русская Православная Церковь отмечает и 80-летие открытия первых учебных заведений Русской Православной Церкви советского периода, от которых ведут своё начало нынешние духовные академии и многочисленные духовные семинарии.

Известно, что когда ночью с 4 на 5 сентября 1943 года на приёме трёх митрополитов «Сталин заговорил о дух[овных] училищах и семинариях», митрополит Сергей ответил, что «у нас будут бог[ословские] курсы для получивших общее среднее образование»¹ — записал 5 сентября со слов митрополитов непосредственный автор проекта духовно-учебных заведений архиепископ Саратовский и Сталинградский Григорий (Чуков), с 7 сентября 1945 года — митрополит Ленинградский и Новгородский, а с апреля 1946 года и до своей кончины 5 ноября 1955 года — председатель Учебного Комитета Русской Православной Церкви (Александрова-Чукова 2006: 592–598).

13 сентября 1943 года, на следующий день после интронизации патриарха Сергия, когда архиепископ Григорий уезжал с Собора к себе в епархию в Саратов, и был у «дедушки», как среди ближайшего окружения повелось называть митрополита Сергия, он «распрощался с ним, обещав выслать из дому доклад о бог[ословской] школе». С этого дня и до 22 октября, когда на своей сессии этот доклад архиепископа утвердил Синод, прошло чуть больше месяца (Александрова-Чукова 2023: 137).

29 октября 1943 года председатель новообразованного Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР Г. Г. Карпов уже принял патриарха Сергия, митрополита Киевского и Галицкого Николая, митрополита Ленинградского Алексия и управделами Патриархии архиепископа Саратовского и Сталинградского Григория для обсуждения некоторых деталей в связи с представленными патриархом Сергием документами, относящимися к организации в Москве Православно-богословского

¹ «Вырешилось — разрешение на созыв Собора епископов, избрание Патриарха и при нём Свящ[енного] Синода, открытие бог[ословской] школы, свечных заводов, издание журнала, отвод собственной типографии, отвод для патриарха особого здания — дворца, где жил герм[анский] посол, расширение прав архиереев на наблюдение за церк[овным] хозяйством, на участие в распределении пунктов открытия церквей. Была речь об отводе Новодев[ичьего] монастыря; “Сыро там и много разрушений, — говорил Молотов, — но при желании — возражений нет”. Сталин заговорил о дух[овных] училищах и семинариях, но Митр[ополит] сказал, что у нас будут бог[ословские] курсы для получивших общее среднее образование. “Мало просите”, — сказал Сталин. Молотов записывал по указанию Сталина всё разрешаемое» (Александрова-Чукова 2023: 132).

института и Богословско-пастырских курсов в епархиях (положение об институте и курсах, учебные планы, инструкции и т. д.)².

В 3-м, ноябрьском номере возобновлённого к выпуску «Журнала Московской Патриархии» вышла статья с проектом архиепископа Григория по учреждению богословских школ для подготовки образованных кандидатов священства, согласно которому в Москве предполагалось учреждение Православного богословского института как высшей богословской школы с продолжительностью обучения 3 года, а по епархиям — двухлетних Богословско-пастырских курсов как богословских школ среднего типа. «Это одна из самых серьёзных церковных нужд в настоящее время... учреждение богословских школ в епархиях является безотлагательно необходимым» (Григорий (Чуков) 1943: 22–24), — писал архиепископ, который на примере вверенных епархий знал, каким пышным цветом за время отсутствия церковных школ, расколов, репрессий духовенства и закрытия храмов в 1930-е годы расцвело сектантство (Александрова-Чукова 2022: 84–119).

14 июня 1944 года архиепископ Григорий уже присутствовал на открытии Богословского института и Богословско-пастырских курсов и говорил напутственное слово (Александрова-Чукова 2007: 108). Увы, Святейший Патриарх Сергей, который шёл к этому событию много лет, не смог присутствовать на торжестве открытия, состоявшемся в сыром и тесном помещении Новодевичьего монастыря, — он умер за год до Победы в Великой Отечественной войне.

Если, говоря о трёхдневной подготовке Собора епископов 1943 года, избравшего митрополита Сергия патриархом, использовать прямую

² На приёме присутствовали зам. председателя Совета тов. Зайцев К. А. и член Совета тов. Иванов И. И. Председатель Совета тов. Карпов Г. Г. просил уточнить некоторые вопросы, которые не затронуты в представленных документах. В результате обмена мнениями было установлено следующее: 1. Определить количество мест для 1-го курса института в Москве — 30 человек и для 1-го года обучения на Богословско-пастырских курсах — до 25 человек. 2. По заявлению патриарха обучаться на Курсах и в Институте будут лица православного вероисповедания из мирян (верующих) не моложе 18 лет, только мужчины, которые будут приниматься по заявлениям и последующему отбору. Духовенство также может быть принято, но не предполагается, что такие желающие будут. 3. Считать необходимым дополнить программу обучения 1-го года в Институте и на Курсах кафедрой по изучению Конституции СССР и соответствующих руководящих указаний, относящихся к деятельности Русской Православной Церкви. 4. Расчёт на 2 тыс. кв. метров площади был установлен исходя предположительно, что Институт и Курсы будут в одном здании, будут для большинства студентов и слушателей общежития, а также квартиры для администрации и служащих... 5. Считать возможным организацию общежитий только для студентов и слушателей иногородних и прибывающих из области. 6. В текущем году Богословско-пастырские курсы организовать только в Москве, хотя предположения делались епархиальными архиереями и в других городах, как, например, в Казани (Одинцов 1999: 292–294).

речь И. В. Сталина «А нельзя ли проявить большевистские темпы?» из художественного произведения «Патриарх Сергей» (Одинцов 2013), то наверно о таких же темпах можно сказать и относительно открытия богословских школ в Москве. «Большевистские темпы» — это, очевидно, ассоциация, относящаяся к пятилеткам восстановления народного хозяйства, так как первый пятилетний план, принятый в 1928 году на период с 1929 по 1933 год, был выполнен на год раньше за четыре года.

На самом деле путь к Собору начал ещё Св. Патриарх Тихон в 1921 году, когда закончились полномочия органов высшего церковного управления, избранных на Всероссийском Поместном Соборе 1917–1918 годов.

А на подготовку к открытию первых богословских школ в Москве в 1944 году в условиях социалистического государства, поставившего себе целью уничтожение религии и физического уничтожения духовенства, ушло четверть века (Александрова-Чукова 2020: 251–329). Это часть жизненного пути и деяний автора проекта 1943 года архиепископа Григория (Чукова), начавшаяся с 1918 года, когда были закрыты все академии и семинарии.

Высланный из епархии и уволенный от всех должностей ректор Олонецкой духовной семинарии в Петрозаводске и председатель Епархиального Училищного совета, протоиерей Николай Чуков, не будучи членом Поместного Собора, с целью сохранения родной семинарии повёз на Собор составленный им самим и утверждённый епархиальным съездом проект семинарии с облегчённой сметой: «19 августа/1 сентября [1918 г.] выехал в Москву... Выяснилось, что о семинарии пока нечего и думать. Выпущена инструкция в развитие декрета, которая душит всё церковное. Возможна только пастырская школа и то с исключительно богословскими предметами. В этом отношении я указал на свой проект, которым заинтересовался Савваитский³. Проект — у Патриарха, куда его представил епископ... выяснилось, что общецерковных средств почти нет...»⁴

³ Савваитский Михаил Иванович (1861 — после 1932) по окончании СПбДА со степенью кандидата богословия (1886) оставлен профессорским стипендиатом, с 1887 года преподаватель Холмской духовной семинарии, магистр богословия (1889 год), с 1893 года инспектор Могилёвской духовной семинарии; с 1901 года член-ревизор Учебного комитета при Святейшем Синоде; в 1921–1932 годы научный сотрудник Института книговедения.

⁴ Чуков Н. К., прот. Дневник 1918–1923 гг. Фрагменты // Митрополит Григорий (Чуков): вехи служения церкви Божией. Дневник. 1918–1923 гг. Ч. 3. — URL: <https://bogoslov.ru/article/747851> (дата обращения: 20.01.2024).

Отец Николай Чуков быстро влился в жизнь Петроградской Церкви — по благословению сщмч. митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина (Казанского) с 1919 года он настоятель университетской церкви⁵ и ректор Богословского института в Петрограде (1920–1923 годы), а с декабря 1920 года — настоятель Казанского собора. После заключения по Петроградскому процессу и вынужденного самозакрытия Богословского института во избежание попадания его в руки обновленцев он — настоятель Николо-Богоявленского собора и ректор Богословских курсов в Ленинграде. По благословению Патриаршего Местоблюстителя сщмч. митрополита Петра (Полянского) он преобразовал их в Высшие богословские курсы (ВБК), просуществовавшие также три года (1925–1928 годы) (Александрова-Чукова 2019: 273–278).

Институт и Курсы были единственными в Советской России учебными заведениями, открытыми энтузиастами духовно-учебного дела и дававшими высшее богословское образование. Расходы на содержание Института покрывались церковными сборами в 4 праздничных дня в году, в храмах Петрограда, вошедших в «Общества православных приходов Петрограда и его губернии». Институт, помимо фонда вспомоществования наставникам, имел и фонд вспомоществования слушателям. ВБК также существовали на средства некоторых приходских общин (Александрова-Чукова 2020: 251–329).

В августе 1928 года Высшие богословские курсы решением Ленсовета были закрыты практически без объяснения причин. Основной версией считается нелегальная деятельность иосифлян под видом одного из студенческих кружков⁶. Немедленно после закрытия ВБК ректор послал донесение Заместителю Патриаршего Местоблюстителя

⁵ В 1919 году вошёл в инициативную группу по открытию храма св. апостолов Петра и Павла при Петроградском университете; в апреле того же года на собрании прихожан избран настоятелем этого храма и 14 апреля сщмч. митрополитом Вениамином утверждён на этой должности. С закрытием домового храма при университете добился открытия новой университетской церкви Всех святых, в земле Российской просиявших (Биржевая линия, д. 8, кв. 19), и с 27 августа 1919 по 14 декабря 1920 года являлся её настоятелем. Это был первый в России храм в честь Всех святых в земле Российской просиявших, а протоирей Н. К. Чуков — его первый настоятель. 28 декабря 1919 года избран зам. благочинного Василеостровского р-на; в 1920 году включён в состав правления, с 17 января 1922 года зам. председателя «Общества православных приходов Петрограда и его губернии». Совмещал служение в Петроградской епархии с обязанностями члена Олонецкого епархиального совета, помогая митрополиту Вениамину во временном управлении Олонецкой епархией (Александрова-Чукова 2006: 594).

⁶ В Приложении впервые публикуются дневниковые записи протоиерея Н. К. Чукова о этапах его борьбы за богословские школы в 1928–1930 годах.

митрополиту Сергию и сообщил правящему архиерею митрополиту Серафиму⁷, а сам возглавил инициативную группу по восстановлению Курсов или же открытию в Ленинграде нового Богословского института. Командированный в Ленсовет член инициативной группы протоиерей Карп Эльб⁸ принёс от председателя Ленсовета ответ, что решение может отменить только ВЦИК⁹. На собрании инициативной группы было принято решение о том, что в Москву во ВЦИК с отцом ректором поедет протоиерей Н. В. Чепурин¹⁰. Однако в конце 1928 года тучи над Церковью продолжали сгущаться, и протоиерей Н. К. Чуков эту поездку откладывал¹¹.

В апреле 1929 года, с началом первой советской пятилетки, вышло постановление «О религиозных объединениях»¹², которое вступило в силу

⁷ Серафим (Чичагов Леонид Михайлович, 1856–1937) — священномученик, митрополит Ленинградский.

⁸ Карп Карпович Эльб (1869–1937) — священномученик, протоиерей, из семьи православных крестьян-эстонцев; в 1925 году назначен экономом (казначеем) Высших богословских курсов, размещавшихся в церковном доме при Исидоровском храме; был наиболее активным участником дела восстановления Курсов.

⁹ ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ВЦИК) избирался Всероссийскими съездами Советов и в период между их созывами являлся высшей властью в РСФСР как законодательный, распорядительный и контролирующий орган Советской Республики. Он был избран 26 октября (8 ноября) 1917 года на II Всероссийском съезде Советов.

В период между сессиями ВЦИК высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом РСФСР являлся Президиум ВЦИК. В июне 1938 года в связи с изменением системы высших органов государственной власти РСФСР и началом работы 1-й сессии Верховного Совета РСФСР ВЦИК прекратил свою деятельность.

¹⁰ Чепурин Н. В. (1881–1947) — протоиерей, настоятель Покровско-Коломенской церкви, член Комиссии духовно-учебных заведений по организации Богословского института (1919–1920) и преподаватель кафедры русского султанства и раскола. В 1927 году защитил на Курсах магистерскую диссертацию. В 1946 году митрополит Григорий предложил его кандидатуру на должность ректора Московской духовной академии.

¹¹ См. Приложение, 1928 год.

¹² Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) и Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР от 8 апреля 1929 года — главный законодательный акт, регулирующий деятельность религиозных организаций в СССР с 1929 по 1990 год. Под документом стояли подписи председателя ВЦИК М. И. Калинина, 1-го зам. председателя СНК РСФСР А. П. Смирнова и зам. секретаря ВЦИК А. И. Досова. Текст постановления был официально опубликован в № 96–98 газеты «Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК» от 26, 27 и 28 апреля 1929 года, после чего закон вступил в силу. Постановление содержало 68 статей и начиналось с отсылки к декрету «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». В качестве религиозных объединений в документе рассматривались не религиозные конфессии в целом, а их низовые территориальные общины; особо оговаривалось, что ни религиозные объединения, ни съезды и их исполнительные органы не пользуются правом юридического лица, поэтому различные частно-правовые сделки, необходимые для обеспечения религиозной деятельности (наём церковного сторожа, закупка дров для обогрева молитвенного помещения, материалов для его ремонта и т. д.), могли заключаться только в частном порядке членами исполнительных органов религиозных объеди-

наряду с Декретом 1918 года и обозначило ужесточение религиозной политики. Но протоиерей Н. К. Чуков обнаружил, что в этом постановлении сохранён пункт 18, аналогичный таковому в Декрете 1918 года о допущении специальных Богословских курсов¹³. Протоиерей Николай начал подготовку необходимых документов для подачи ходатайства о возобновлении Курсов, но до сентября 1929 года митрополит Сергей присылал ему из Москвы сообщения о том, что вопрос о Курсах поднимать пока рано. Наконец в сентябре митрополит Сергей «дал команду» выезжать, и 2 октября 1929 года протоиереев Н. К. Чукова и Н. В. Чепурина принял главный консультант Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК Н. П. Орлеанский¹⁴. Задав протоиереям ряд вопросов, не вполне соответствующих должности «консультанта по вопросам культов», ходатайство он принял, а на просьбу об ускорении дела ответил: «У нас и трудящиеся ожидают подолгу, следовательно, паразиты тем более могут ждать...». Чуть позже, когда протоиереи были уже в Ленинграде, о. Н. К. Чукову была передана фраза Орлеанского, что «рассмотрение ходатайства о Курсах отложено до декабря» (см. Приложение, 1929 год).

Ходатайство, как это видно из публикуемого дневника, подали «частные лица», то есть инициативная группа по восстановлению ВБК (они же учредители), но с поддержкой Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергея. Протоиереи ожидали решения о восстановлении Курсов до февраля-марта 1930 года, известного интервью митрополита Сергея о том, что «гонений нет» (Акты Святейшего Тихона 1994: 686–689), и его «Памятной записки» о нуждах Православной Патриаршей Церкви в СССР для тов. Смидовича (Акты Святейшего Тихона 1994: 689–691). О. Ю. Васильева объясняет,

нений или уполномоченными групп верующих. Запрещались сделки хотя и связанные с религиозным культом, но преследующие торгово-предпринимательские цели: аренда свечных заводов, типографий для печатания религиозно-нравственных книг и т. д. (ст. 11). (Никитин 2018: 201).

¹³ П. 18. Не допускается преподавание каких бы то ни было религиозных вероучений в государственных, общественных и частных учебных и воспитательных заведениях. Такое преподавание может быть допущено исключительно на специальных богословских курсах, открываемых гражданами СССР с особого разрешения Народного комиссариата внутренних дел РСФСР, а на территории автономных республик — с разрешения центрального исполнительного комитета соответствующей автономной республики (Исторические материалы: О религиозных объединениях — URL: <https://istmat.org/node/22769> (дата обращения: 20.01.2024).

¹⁴ Орлеанский Николай Павлович (р. 1886); во время Гражданской войны был начальником Костромского ликвидационного подотдела губотдела юстиции, в 1924 году назначен ответственным секретарём по делам культов при ВЦИК (при главе секретариата П. Г. Смидовиче). В 1930 году официально должность у Н. П. Орлеанского была «главный консультант Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК». Является автором книги, вышедшей в издательстве «Безбожник»: Орлеанский Н. Закон о религиозных объединениях РСФСР. — М., 1930.

насколько тесно эти события связаны, поскольку интервью митрополита было «платой» за возможность ему подать эту «Записку»¹⁵. Как следует из публикуемых дневниковых записей протоиерея Н. К. Чукова, именно эта «Записка» митрополита Сергия сдвинула с места дело богословских школ. Пункт 19 «Записки» говорил о богословской школе: «П. 19. Летом 1929 г. возбуждалось ходатайство об открытии в Ленинграде Высших богословских курсов Православной Патриаршей Церкви. Весьма желательно получить удовлетворение этого ходатайства, хотя бы в целях уравнивания нашего церковного течения с обновленчеством, у которого есть академия» (Акты Святейшего Тихона 1994: 691).

14 марта 1930 года управляющий епархией митрополит Серафим, вместе с рассказом об обстоятельствах появления упомянутого интервью митрополита Сергия, сообщил протоиерею Чукову, что митрополит Сергей находит благоприятным поднять вопрос о восстановлении Курсов, о чём он упоминает в п. 19 своей «Записки». 24 марта отец Николай уже был в Москве у митрополита Сергия, который сообщил ему, что вопрос о восстановлении богословской школы в Ленинграде уже разрешён ВЦИК, однако следует получить утверждение ходатайства ещё и в Административном Управлении НКВД¹⁶. В тот же день протоиерей там побывал, получил указания, какие ещё бумаги необходимо представить, вернулся к митрополиту Сергию, где их отпечатали, а владыка подписал, и через два дня Чуков отвёз их в НКВД (см. Приложение, 1930 год).

Сотрудник НКВД произвёл на протоиерея более благоприятное впечатление, чем «консультант по вопросам культов». Публикуемый дневник говорит о том, что как до поездок в Москву, так и после них протоиерей вынужден был общаться с местным сотрудником НКВД А. Д. Макаровым с устным отчётом и предоставлением всех бумаг, которые тот копировал.

¹⁵ В Европе и Америке всё громче раздавались протесты против гонения на Церковь в СССР. Второго февраля 1930 года папа Пий XI обратился к верующим мира с призывом молиться о спасении Русской Церкви. Это нарушало внешнеполитические планы СССР, который готовился вступить в Лигу Наций. Срочно потребовалось опровержение того, о чём писала зарубежная печать. Практическое осуществление этого мероприятия вновь было поручено Е. Тучкову. Он предложил митрополиту Сергию выступить на пресс-конференции перед журналистами с опровержением мирового общественного мнения о гонении на Церковь в СССР. В ответ Заместитель Местоблюстителя выдвинул свои условия участия в фарсе: власть принимает требования митрополита Сергия о значительном облегчении невозможного существования духовенства и клира в безбожной России (Васильева 2002).

¹⁶ Точное название этого подразделения НКВД — Административно-организационное управление (АОУ).

22 мая протоиерей Н. К. Чуков получил письмо из Москвы от В. Н. Страхова¹⁷, у которого он останавливался в поездках в Москву, в котором сообщалось, что вопрос о Курсах прошёл.

Отец Николай начал думать о библиотеке и подборе преподавателей для Курсов, а митрополит Серафим озаботился помещением для Богословского института, составил его план и записку и высказал пожелание, чтобы о. Николай отвёз это в Москву. В конце мая — начале июня протоиерей ещё раз съездил в Москву, был у митрополита Сергия на даче (в Перловке по Ярославской железной дороге), где составил сопроводительную бумагу от него, и отправил предложение митрополита Серафима о помещении и сопроводительную записку от митрополита Сергия в НКВД.

6 июня протоиерей Н. К. Чуков сделал последнюю в 1930 году запись в дневнике о том, что как будто «веет неблагоприятный для института ветер», а также что в его отсутствие ему домой звонил следователь Макаров. А уже 11 июня протоиерей Н. К. Чуков был арестован по «Академическому делу» (Александрова-Чукова «Единение...» 2019: 353–362).

Давний и верный соратник по просветительной и миссионерской деятельности, ещё в бытность владыки Сергия архиепископом Финляндскими и основателем Карельского православного братства (1907–1917 годы)¹⁸, протоиерей Н. К. Чуков (впоследствии — архиепископ и митрополит), помимо своего бесценного вклада в духовно-учебное дело Российской Церкви, на протяжении полувека вёл дневник, став тем самым летописцем эпохи. В его записях имеются сведения не только о собственной жизни, но и о многих событиях и людях. Особенно ценными являются записи о владыке Сергии, в частности «предпоследняя» перед арестом 1930 года: «4 июня [1930] Арх[иепископ] Сергей Гришин рассказал мне, что м[итрополит] Сергей получил письмо от м[итрополита]

¹⁷ Владимир Николаевич Страхов (1883–1938) — протоиерей, магистр богословия, с 1920 года проректор, с 1922 года ректор Московской духовной академии; в 1931 году был арестован и выслан в Архангельск; расстрелян в Ульяновске.

¹⁸ «Так дружными усилиями Православного Карельского братства, при горячем участии всех живых местных сил из духовенства и мирян Финляндской, Олонецкой и Архангельской Епархий, под постоянным непосредственным мудрым и заботливым руководством Высокопреосвященного Архиепископа Сергия, был своевременно остановлен панфинско-лютеранский натиск на православных карел, и Русская Карелия осталась, как и была искони, верною Православной Церковью и русской государственности. В этом великая заслуга покойного Святейшего Патриарха Сергия пред Православною Церковью и Родиной в бытность его Архиепископом Финляндским» (Григорий (Чуков) 2002: 36–37); Александрова-Чукова Л. К. Двести лет рядом с Финляндией, или Русский дух православного Карельского братства. — URL: https://ruskline.ru/analitika/2011/03/21/dvesti_let_ryadom_s_finlyandiej_ili_russkij_duh_pravoslavnogo_karelskogo_bratstva/ (дата обращения: 20.01.2024).

Петра, его оч[ень] удручившее. Тот, окружённый людьми неосведомлёнными, и сам не осведомлённый, пишет, чтобы м[итрополит] Сергей стал на прежний, чистый путь управления. Что это значит? Без Синода? С другим курсом политики? Странно¹⁹. М[итрополит] Сергей удручён, что вмешивается человек, который сидит за десятки тысяч верст и не знает условий здешних. Ехал бы и брал на себя всю тяжесть управления... Как всё трудно и как люди ещё более затрудняют и без того тяжёлое бремя, лежащее не плечах м[итрополита] Сергия» (Александрова-Чукова, Звонарёв 2021: 293–329).

У легализации высшего церковного управления, на которую пошёл в 1927 году Заместитель Местоблюстителя митрополит Сергей (Страгородский), была очень высокая для него цена. Владыка принял на себя основной удар несогласных с его политикой, как среди некоторых иерархов, так и среди духовенства и мирян. Яркий пример несогласия продемонстрировали иосифляне в Ленинграде, за ними последовали другие вожди так называемой правой оппозиции (Александрова-Чукова, Звонарёв 2021: 293–329), (Александрова-Чукова 2023: 86–144), (Александрова-Чукова 2022: 93–102). Не менее негативную реакцию «интервью» митрополита вызвало и у тех соратников, кто не знал, что это очередная провокация ГПУ. К тому же митрополит получил так огорчившее его письмо Местоблюстителя (Акты Святейшего Тихона 1994: 681–682). «Самым естественным, казалось бы, путём для митрополита был путь отшельничества в какой-нибудь глуши, где можно было и не прерывать богословских трудов» (Васильева 2002). Как писал протоиерей

¹⁹ Известно, что в приполярный посёлок Хэ в Обской губе радетели доставили Местоблюстителю материалы возмущённых «политикой митрополита Сергия». Также известно, что Местоблюститель в декабре 1929 года отправил Заместителю письмо, в котором в общих выражениях подверг его действия критике, просил вернуться «к прежнему строю церковного управления», «исправить допущенную ошибку, поставившую Церковь в унизительное положение, вызвавшее в ней раздоры и разделения и омрачившее репутацию её предстоятелей». Исходя из сроков отправки ревнителями материалов митрополиту Петру можно понять, что он мог получить только первое письмо митрополита Кирилла и первое ответное от митрополита Сергия. Благодаря такому ценному церковно-историческому источнику, как дневник протоиерея Н. К. Чукова, ныне стало известно, что письмо Местоблюстителя Заместитель получил и был им очень огорчён. Но «какая-либо критика Местоблюстителем действий ведущих представителей “правой” оппозиции автору не известна. Не известны, однако, также и бесспорные прямые выражения солидарности с ними», — пишет о. А. Мазырин. Это верное заключение, так как в письме Местоблюстителя нет указания и ни на одно конкретное деяние митрополита Сергия, которым он был особо недоволен, а только абстрактное «превышение полномочий», в том числе нет и указания на необходимость роспуска Временного Патриаршего Священного Синода, т. е. именно того, на чём настаивал митрополит Кирилл, когда писал митрополиту Сергию об «узурпации» им власти (Александрова-Чукова 2023: 111–112).

Н. К. Чуков (со слов управделами архиепископа Сергея (Гришина)), митрополит Сергей ещё и до получения письма Местоблюстителя, в начале т. н. переписки с митрополитом Кириллом в 1929 году, «не прочь» был просить Местоблюстителя назначить себе нового заместителя (Александрова-Чукова, Звонарёв 2021: 326).

Из 21-го пункта «Памятной записки» митрополита Сергея Смидовичу практически только один 19-й пункт при максимальной всесторонней поддержке митрополита Сергея руководством страны был дозволен протоиерею Н. К. Чукову. Но практически немедленно после этого он, уже в четвёртый раз в жизни при новом строе, очутился в застенках.

«Но назад дороги не было... Возникает вопрос: почему митрополит Сергей и дальше продолжал идти по предначертанному пути, видя, что долгожданного облегчения для Церкви и духовенства не наступает», — пишет О. Ю. Васильева и находит хороший ответ, который дал на этот вопрос Н. Бердяев²⁰.

Через 9 месяцев, проведённых в тюрьме, уже после своего освобождения по ходатайству дочери и по просьбе митрополита Сергея, протоиерей Н. К. Чуков писал в дневнике, что митрополиту Сергию около 23–24 февраля 1931 года «позвонили из ГПУ: “Какие у вас в Ленинграде арестованы важные священники? Можете написать о них ходатайство. Возможно их освобождение”. Сергей сейчас же написал ходатайство обо мне, Чепурине и Аникиеве и 25 февраля отослал. Затем через несколько дней к нему опять звонок оттуда же: “А за кого, собственно, из трёх Вы ходатайствуете?” Митрополит Сергей ответил: “Конечно, за Чукова”. И всё. Затем, когда я, освобождённый в тот же день вечером, послал м[итрополиту] Сергию телеграмму с благодарностью, он снова позвонил по телефону туда же, поблагодарил за меня и спросил об остальных. Ему ответили: “Хорошо, что и одного удалось освободить”, и только... В городе ждали освобождения прот. Н. В. Чепурина, о котором тем же

²⁰ Один из ответов дал Н. Бердяев в своей статье «Вопль Русской Церкви», оценивая позицию митрополита: «Героическая непримиримость отдельного человека, готового идти под расстрел, прекрасна, полновесна и вызывает чувство нашего восхищения. Но там, в России, есть ещё другой героизм, другая жертвенность, которые люди не так легко оценивают. Патриарх Тихон, митрополит Сергей — не отдельные, частные лица, которые могут думать только о себе. Перед ними всегда стоит не их личная судьба, а судьба Церкви и церковного народа как целого. Они могут и должны забывать о себе, о своей чистоте и красоте и говорить лишь то, что спасительно для Церкви. Это есть огромная личная жертва. Её принёс Патриарх Тихон, её приносит митрополит Сергей. Некогда эту жертву принёс св. Александр Невский, когда ездил в Ханскую Орду. Отдельный человек может предпочесть личное мученичество. Но не таково положение иерарха, возглавляющего Церковь, он должен идти на иное мученичество и принести иную жертву». Цит. по: (Васильева: 2002).

путём ходатайствовала его супруга» (Александрова-Чукова 2006: 595), (Александрова-Чукова «Единение...» 2019: 358–359).

После освобождения протоиерей Н. К. Чуков вернулся к настоятельству в Никольском соборе, где еженедельно проводил беседы с верующими. В отчёте по собору за 1932 год он поместил сообщение о том, что за 8 с половиной лет пребывания в Никольском соборе провёл 292 беседы²¹. В Ленинграде всё меньше оставалось как храмов, так и духовенства, а в 1935 году отец Николай Чуков был вновь арестован и на 5 лет выслан вместе с женой в Саратов.

«3 января 1942 г., — писал о. Николай Чуков, — я получил неожиданно от митроп[олита] Сергия из Ульяновска письмо от 10 декабря следующего содержания: “Дорогой протоиерей Николай Кириллович! Пишу Вам из Ульяновска (вообразите!), куда нас неожиданно эвакуировали ещё в октябре. Пишу почти официально, поэтому не буду распространяться. Я Вас давно имею в виду, а теперь как будто приходит время не только иметь в виду, но и поставить Вам на вид один вопрос. Кто Вас видел недавно, говорят, что Вы до сих пор сохраняете почти прежнюю бодрость. Зачем же Вам сидеть на каком-то инвалидном положении? Мне улыбается возможность использовать Ваши силы более продуктивно для Церкви Божией. Я разумею архиерейство и, конечно, с принятием монашества... Чего Вам продолжать “сиднем сидеть”? Препояшьте как муж чресла и выходите на делание! Буду ждать от Вас ответа, и хотелось бы утвердительного, но да будет во всём воля Божия, а не наша”»²². Утвердительный ответ протоиерей Николай дал Блаженнейшему позже, когда с прискорбием узнал о том, что в блокадном Ленинграде у него погибло трое детей.

Указом митрополита Сергия от 11 октября 1942 года о. Николай определён быть епископом Саратовским, а 15 октября за свою прежнюю духовно-учебную деятельность был возведён в сан архиепископа. В свои 72 года вдовый протоиерей принял монашеский постриг с именем Григория, Просветителя Великой Армении. В слове на своём наречении он обратился к владыке Сергию: «В полном сознании важности этих обстоятельств нынешнего времени я, прежде всего, влекусь к тебе, Блаженнейший Владыка, так как с дней юности я привык чтить в тебе

²¹ Григорий (Чуков), архиеп. Дневник. Тетрадь 38. Фрагмент. Рукопись (Архив Историко-богословское наследие митрополита Григория (Чукова) © Л. К. Александрова. СПб., 2024 (далее — Архив митрополита Григория).

²² Чуков Н. К., прот. Дневник. Тетрадь 34. Фрагмент. Рукопись (Архив митрополита Григория).

и особенную мудрость, и нравственную доблесть, и редкую благостность, и влекусь с дерзновенной мольбой, как некогда пророк Елисей обращался к своему учителю пророку Илии: в эти тяжкие времена “да будет дух иже в Тебе, сугуб во мне” для вящей пользы служения делу Христову»²³.

Возвращаясь к октябрю 1943 года и к ответу митрополита Сергия Сталину, что «у нас будут бог[ословские] курсы для получивших общее среднее образование», то он вполне понятен, так как, во-первых, семинарии открывать было рано как за недостатком преподавательского состава, так и из-за низкой подготовленности поступающих. А во-вторых, владыка знал, что у архиепископа Григория в портфеле имелся утверждённый в 1929–1930 годы проект Богословского института, и ему только нужно было подготовить инструкцию в развитие Положения и программы по предметам²⁴. Поэтому следует особо отметить, что, когда 29 октября 1943 года митрополит Сергей, архиепископ Григорий и др. архиереи обсуждали с Г. Г. Карповым подробности открытия Богословского института в Москве, утверждения доклада архиепископа Григория Совнаркомом уже не потребовалось.

Как издатель материалов историко-богословского наследия митрополита Григория, я затрудняюсь примерно сосчитать, сколько десятков «Положений» и других документов о богословских школах как до 1943 года, так и после, когда владыка возглавил Учебный комитет при Св. Синоде (Положение об академиях, о семинариях, о заочном секторе, учебные планы, доклады и записки и т. д.), он составил.

«Владыка Сергей выбрал компромисс с властью, встав на путь мученичества через своё унижение и поправление ради спасения Церкви» (Васильева 2002) — то есть митрополит пошёл на «свою Голгофу». Справедливость и правильность слов О. Ю. Васильевой демонстрируют события сентября 1943 года, когда советская власть сделала свой вполне прагматический выбор между Патриаршей Церковью и обновлениями, хотя те тоже делали патриотические воззвания и пожертвования на Красную армию. Дело в том, что к началу войны у митрополита

²³ Чуков Н. К., прот. Слово при наречении во епископа Саратовского (13 октября 1942 г.) // Григорий (Чуков), митр. Избранные слова, речи и статьи. Сборник. Л., 1954. Машинопись (Архив митрополита Григория).

²⁴ 4 октября в Саратове архиепископ писал: «Всё время подготавливаю бумаги для Москвы. Вчера подготовил “Инструкцию” в развитие “Положения” о Бог[ословском] институте, так что можно было бы сразу её и утвердить вместе с “Положением”. Подыскал все б[ывшие] программы по предметам курса Института, оставшиеся от Петрогр[адского] бог[ословского] института и Высших бог[ословских] курсов в Ленинграде» (Александрова-Чукова 2023: 137).

Сергия была хоть и практически истреблённая, но с 1927 года легализованная организация, а кроме того, с 1930 года имелся ещё и утверждённый на всех уровнях тогдашней власти проект богословской школы, если и нереализованный, то по независящим от инициаторов причинам. Легализацией Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей (Страгородский) на 10 лет сумел отсрочить волну массового жестокого насилия в отношении Церкви и священнослужителей, а «интервью» 1930 года способствовало утверждению проекта богословской школы, который в конечном итоге дождался своего воплощения.

«Как же победить “сергианство” и возможно ли это?» (Фирсов 2005: 269) — вопрошает современный автор, б. профессор СПбГУ, а ныне профессор кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии, созданной владыкой Григорием в полуразрушенном бомбёжкой историческом здании в Ленинграде в 1945 году (Александрова-Чукова, Галкин: 68–89). А почему нет, — ведь на данной кафедре под руководством о. Г. Митрофанова²⁵ некоторые сотрудники над этим давно и успешно работают, поскольку ведь «каждое поколение пишет “свою историю”, по-своему расставляя акценты и по-своему интерпретируя, перепроверяя “факты прошлого”. Историк живёт и работает в определённом времени, которое оказывает влияние на ход его профессиональной деятельности. Абстрагироваться от “своего времени” нельзя, оно неизбежно влияет на восприятие прошлого... людям свойственно забывать прошлое, свойственно “переформатировать” его, порой изменяя той исторической правде, которая была установлена ранее» (Фирсов 2023: 163). «Переформатирование» истории духовно-учебного заведения, в котором он трудится, цитированный выше С. Л. Фирсов делает примерно так: поскольку «жертва собственных амбиций» (Фирсов 2005: 267) патриарх Сергей не пошёл «сразу на свою Голгофу» (Фирсов 2005: 216) вместе со «страстным любителем церковного образования» (Фирсов 2004: 85) митрополитом Григорием, то каким образом и кем в годы лихолетья были созданы духовные школы — во-первых, самим нужно забыть. А во-вторых — студентам не рассказывать о том, что только благодаря тому, что патриарх Сергей сохранил православную церковную организацию, митрополит Григорий смог открыть духовную школу. Думаю, что по

²⁵ О протоиерее Георгии Митрофанове. Орудие раскола. — URL: https://ruskline.ru/news_ru/2023/07/05/orudie_raskola (дата обращения: 20.01.2024).

молитвам других «страстных любителей церковного образования» новомучеников Петроградских сщмч. Вениамина и мч. Юрия²⁶.

И неловко объяснять профессору, что «на свою Голгофу» высшего церковного управления «в тисках НКВД» митрополит Сергей пошёл и что «Голгофы» бывают разные... как, впрочем, и университетские профессора. В своё время, после закрытия академии и семинарии, в Петрограде были другие профессора — В. Е. Тищенко и Л. П. Карсавин, академик А. А. Шахматов — прихожане университетской церкви, а также её староста академик Б. А. Тураев, составивший службу всем российским святым. Они внесли свой решающий вклад в появление Богословского института в Петрограде²⁷, который стал первой ступенью на долгом пути к нынешним духовным академиям и семинариям.

22 июня 1919 года в университетской церкви в слове в день памяти Всех русских святых настоятель протоиерей Н. К. Чуков говорил: «Так велика была сила обаяния личности Христа, сила Его властного слова, Его любящего и влекущего взгляда, что будущие апостолы не задумываясь бросили всё и пошли, увлечённые Им, Его голосом, Его личностью, ничего не ожидая для себя... их влекло только сердце, жаждавшее истины и добра. Завидная цельность натуры, завидная непосредственность чувства, решительность характера!.. Именно такие характеры, такие люди и нужны были Христу, чтобы пронести по всей вселенной новое учение, чтобы перевернуть нравственно мир, чтобы влить в него оздоровительную струю духовной жизни. Потому что только такие натуры, безраздельно, а не “кое-как” отдающиеся идее, делу, — действительно могут совершать великие дела, потому что — сами энтузиасты, сами увлечённые, — они заражают этим энтузиазмом других и увлекают за собою. Сегодня вместе с вами как раз мы творим воспоминание о всех святых, просиявших благочестивой жизнью и делами в Русской земле. И вот в лице этих русских святых угодников мы точно так же видим в каждом

²⁶ Новицкий Юрий Петрович (1882–1922) — мученик, профессор правовед и педагог, мирянин, ближайший соратник протоиерея Н. К. Чукова, в 1920–1922 годы председатель правления «Общества православных приходов Петрограда и его губернии», благодаря которому Богословский институт в Петрограде смог состояться.

²⁷ «11/24 августа [1919 г.] Что касается самого открытия Богословского института, то Щербову (Иван Павлович, 1873–1925 — инициатор создания института и его проректор. — Л. А.-Ч.) посоветовали, чтобы ходатайство об этом пред Комитетом Просвещения было возбуждено, но не от имени Митрополита, а от лица приходских советов епархии. Я взял это ходатайство и собрал подписи Б. А. Тураева, В. Е. Тищенко, А. А. Шахматова и Л. П. Карсавина — всех профессоров и даже двух академиков. Подписи их и легли в основу» (Чуков Н. К., прот. Дневник. Тетрадь 15. Фрагмент. Рукопись (Архив митрополита Григория)).

проявление той же черты — решительности, непосредственного чувства, всецелой бесповоротной отданности Христу, всецелого служения той или иной идее, тому или иному делу. Каждый из них — этих святых угодников русских — так же, как апостолы, услышал в душе голос Иисуса Христа “иди за Мной”»²⁸.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл писал: «Исключительная роль в возрождении не только Ленинградской академии, но всего духовного образования в нашей Церкви принадлежит митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Григорию (Чукову). Как в своё время святитель Филарет Московский стоял у истоков открывшейся в 1809 году Петербургской духовной академии, так и митрополит Григорий посвятил становлению и развитию богословского образования в возрождённой после Великой Отечественной войны духовной школе всю свою творческую энергию, богатый опыт и знания»²⁹.

Вот уже 80 лет подвижническими трудами Святейшего Патриарха Сергия и митрополита Григория (Чукова), всецело служивших делу Христову и безраздельно — своему делу, учение Христово и Его Слово несут русскому народу добрые пастыри из стен, открытых в годы лихолетья духовных академий и семинарий.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИЗ ДНЕВНИКА ПРОТОИЕРЕЯ Н. К. ЧУКОВА, 1928–1930 ГОДЫ

1928 ГОД

17/4 августа, пятница, 6 ч[асов] веч[ера]³⁰. Переживаю кошмарные дни: закрыты наши Курсы... В понедельник 13 авг[уста]... пришла

²⁸ Слово в неделю 2-ю по Пятидесятнице, на память всех святых, в Российской Церкви просиявших, сказанное протоиереем Н. Чуковым (митрополитом Григорием) в университетской церкви в Петрограде 22 (9) июня 1919 г., повторенное за литургией в Николо-Богоявленском соборе 3 июля (20 июня) 1932 г. — URL: https://ruskline.ru/analitika/2011/06/27/pamyati_russkih_svyatyh_i_russkih_liturgistov/ (дата обращения: 20.01.2024).

²⁹ «В тяжёлые времена хрущёвских гонений на Церковь неоценимую помощь и поддержку Ленинградской духовной академии оказал приснопамятный митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим (Ротов). Благодаря его мудрости и усилиям от духовных школ была отведена угроза закрытия». (Патриаршее поздравление по случаю празднования 65-летия возрождения Санкт-Петербургских духовных школ. — URL: <https://old.spbda.ru/publications/patriarshee-pozdravlenie-po-sluchayu-prazdnovaniya-65-letiya-vozrojdeniya-sankt-peterburgskih-duhovnyh-shkol/> (дата обращения: 20.01.2024).

³⁰ Все даты в источнике имеют нумерацию и по старому, и по новому стилю с указанием времени (часа) написания и дня недели, но в публикуемых ниже фрагментах дневника для упрощения восприятия даты указаны только по новому стилю, с сохранением в отдельных необходимых случаях дня недели.

какая-то девица с бумагой о запрещении курсов. Я спустился вниз, и эта девица оказалась в[ременно] и[сполняющей] д[олжность] инспектора стола союзов и обществ т. М. А. Киселёва, которая предъявила мне мандат с предложением ей ликвидировать В[ысшие] Б[огословские] Курсы на основании постановления Ленсовета от 31 июля 1928 г. С нею представитель Госфонда, какой-то Гениз³¹ (еврей). Приступили к описи имущества, находившегося в аудиториях, и к запечатанию самых аудиторий... Вечером на другой день я созвал экстренное заседание Правления... Послали запрос о причинах закрытия в Лен[инградский] Исполком... ещё раньше, во вторник я послал спешной почтой донесение М[итрополиту] Сергию о закрытии курсов, а вечером — телеграмму М[итрополиту] Серафиму.

30 августа. Накануне Успения... пришла мысль, что можно бы попытаться ходатайствовать об открытии Миссионерского института ввиду необходимости борьбы со страшно растущим сектантством, на что обращали внимание сами власти и о чём в прессе они постоянно пишут. М[ожет] б[ыть], под этим флагом возможно было бы восстановить Бог[ословский] Институт с ярко противосектантским и вообще миссионерским направлением. Это будет нечто новое и, по-видимому, для власти приемлемое. При приёме, конечно, провести строгую фильтрацию, а женщин совершенно не принимать. Надо обмозговать...

3 сентября. В. Б. Шкловский³² принёс проект Миссионерско-пастырского Института. Несколько отделать надо и можно бы представить; предварительно хочу собрать преподавателей, чтобы обсудить.

10 сентября. Эти дни занимался составлением докладной записки о Миссионерском Институте. Вчера у о. Карпа собрались: я, о. Петровский, Чепурин, Лебедев, Аникиев и Мироносицкий³³. Я рассказал подробно историю ликвидации и предположительные причины... изложил затем свои соображения о Миссионерском институте. Обсуждали и пришли к выводу, что сначала попробовать ходатайство о восстановлении В[ысших] Б[огословских] Курсов; если не удастся (что более,

³¹ Прочтение предположительное.

³² Владимир Борисович Шкловский (1889–1937) — лингвист, на ВБК преподавал латинский язык.

³³ Ректор Курсов, проф. прот. Н. К. Чуков преподавал церковное проповедничество; проректор, проф. прот. А. В. Петровский преподавал Свящ. Писание ВЗ и древнееврейский язык; прот. В. Ф. Лебедев преподавал нравственное богословие, П. П. Аникиев преподавал пастырское богословие и историю русской религиозной мысли; профессор П. П. Мироносицкий преподавал греческий, церковнославянский языки и пение.

чем вероятно), то настойчиво добиваться разрешения на открытие Пастырского Института в силу положения Инструкции НКЮ о допущении в каждой епархии одной паст[ырской] школы. И в последнюю очередь выдвинуть вопрос о Миссионер[ском] Институте как такого учреждения, которое: 1) носит специфическую и — по прежнему характеру миссионерства — одиозную окраску; 2) восстановит против нас такую мощную организацию, как сектантство в настоящее время.

С ходатайством, конечно, надо ехать в Москву. Однако я один отказался ехать, и решили, чтобы ехали Чепурин и я. Это лучше: в случае неудачи не будут сваливать вину на одного... Решили также, чтобы сообщить о нашем намерении ходатайствовать о восстановлении духовной школы Ленсовету, а может быть, и ГПУ... Попробую я толкнуться к Н. А. Морозову³⁴, чтобы найти ход к Горькому, который сейчас в Москве. Сегодня утром был о. Карп, прямо от Шляпина³⁵. Тот советовал подать во ВЦИК. Я написал бумагу, сейчас вместе с Чепуриным проредактировали; о. Карп отвезёт её Комарову³⁶ лично, числа 17–19, когда тот приедет.

19 сентября. Сейчас был о. Карп из Смольного. Виделся сначала с секретарём Комарова Зайцевым, который имел уж у себя дело о ликвидации Курсов. Он говорил, что курсы начали уже «самоликвидацию», что «часть книг была уже вывезена» (!?). Отец Карп крайне удивился этому и энергично возражал. Тогда Зайцев просил его зайти в пятницу или понедельник для окончательного ответа. Зная, что Комаров уже принимает, о. Карп просил Зайцева доложить о нём. Комаров принял о. Карпа очень внимательно, выслушал, прочитал нашу бумагу, сказал, что она очень хорошо составлена, но возразил, что: 1) надо было сразу после постановления Совета обращаться (мы получили извещение через 13 дней и сразу обратились); 2) что это постановление коллегии и он единолично не может его отменить; 3) что если это

³⁴ Николай Александрович Морозов (1854–1946) — революционер и учёный, бывший народо-доволец, шлиссельбургский узник, в общей сложности проведший в заточении 28 лет, где написал книги по астрономии, космологии, физике, химии, математике, геофизике, метеорологии, воздухоплаванию, авиации, истории, философии, политэкономии, языкознанию, сделал открытия в ряде наук и изучил несколько языков. С 1918 года — директор института им. Лесгафта, с 1932 года почётный член Российской академии наук по физико-математическому отделению.

³⁵ Шляпин — начальник церковного стола Центрального района Ленинграда.

³⁶ Комаров Николай Павлович (настоящие фамилия и имя Собинов Фёдор Евгеньевич; 1886–1937) — партийный и государственный деятель, член Коммунистической партии с 1909 года, в 1926–1929 годы председатель Ленгорисполкома, затем на государственной работе, член Президиума ВЦИК и ЦИК СССР; репрессирован; реабилитирован посмертно.

учреждение — единственное на территории Союза, то это очень важно, как мотив ходатайства; 4) только ВЦИК может отменить решение Ленсовета, и 5) подать во ВЦИК необходимо не через Ленсовет, а непосредственно, приложив копию постановления Ленсовета, которую секретариат обязан выдать.

Поблагодарив, о. Карп обратился к нач[альнику] канцелярии Иванову за копией постановления. Тот по-прежнему ответил, что не имеет права. На возражение о. Карпа, что это — слова самого Комарова, Иванов сбегал к Комарову и потом сообщил о. Карпу, что ВЦИК «затребует от нас всё дело», конечно.

Что касается самого «дела», то оно очень тоненькое, всего из 3-х бумажек каких-то, с текстом которых о. Карп не успел ознакомиться. Докладная часть протокола начинается словами «слушали сообщение Адм[инистративного] Совета о деятельности...» и краткое постановление, вероятно, о «нецелесообразности существования Курсов».

Значит, надо ехать в Москву и подавать ходатайство во ВЦИК. Надо запастись письмами к власти имущим. Надо поговорить с Митрополитом³⁷.

29 октября [1928 г.] О[тец] Карп всё хлопочет о поездке в Москву для поддержки ходатайства о Курсах. Я оттягиваю, потому что считаю несвоевременным: в газетах и в жизни ведётся упорная и сильная борьба с религией (ряд статей в газетах, закрытие и разборка храмов, вербовка научных работников Шпицбергом³⁸, недавно приехавшим сюда для участия в журнале «Атеист»). В это ли время откроют нам курсы?! А между тем в обновленческом Институте разрешают устроить церковь, об освящении которой объявлялось в Казанском соборе!

1929 ГОД

27 апреля. Сегодня получен номер «Известий» от 26 апреля, где напечатано новое положение о религиозных объединениях. Там разрешается иметь специальные богословские курсы.

18 мая. Вчера с о. Чепуриным были у Макарова... вопрос о восстановлении курсов; оставил записку. Надо делать Положение. Наклон,

³⁷ Чуков Н. К., прот. Дневник. Тетрадь 28. Фрагменты. Рукопись (Архив митрополита Григория).

³⁸ Шпицберг Иван Анатольевич (1880–1933) — антирелигиозный деятель, пропагандист; выпускник юридического факультета С.-Петербургского университета, был присяжным поверенным; после революции сотрудник различных советских «комиссариатов» и «управ», юрисконсульт и следователь VIII отдела Наркомюст; активно участвовал в процессах над духовенством, принимал участие в издании журнала «Революция и церковь». С 1921 года организатор и руководитель научного общества и издательства «Атеист».

по-видимому, в сторону мало благоприятную. Всё говорил о составе слушателей — классово неблагонадёжном. Я предложил бы отбирать подписку от поступающих в политической лояльности, а о. Н. В. Чепурин добавил, что мы могли бы предоставлять списки поступающих в ГПУ для отвода неподходящих элементов. Как будто отговаривал устроить в Москве и не Курсы, а Академию, «чтоб выпускать настоящих учёных». Я на это сообщил свой проект повышения учебной квалификации чрез вступительный экзамен. Обещал дать ответ через неделю.

24 мая. Неожиданно приехал Пр[еосвященный] Сергей Гришин³⁹ из Полтавы ... привёз из Москвы сообщение от м[итрополита] Сергия, что о Курсах сейчас вопрос лучше не возбуждать, чтобы не получить отказа, который повредит при дальнейшем ходатайстве.

2 сентября. Составил представление м[итрополиту] Сергию по поводу нашего ходатайства об открытии Бог[ословского] Института с просьбой 1) поддержать наше ходатайство пред гражданской властью как личным обращением, так и мотивированным постановлением Св. Синода, которое мы могли бы представить в НКВД вместе с своим ходатайством, и 2) ввиду того что открываемый П[равославный] Бог[ословский] Институт есть пока единственная высшая Бог[ословская] школа патриаршей ориентации на всём пространстве СССР, — в случае его открытия, придав ему всесоюзное значение и оповестить об этом епархиальных преосвященных, оказать, след[овательно], материальную поддержку путём организации сбора добровольных пожертвований на его содержание по всем епархиям. Наметились также пункты письма М[итрополиту] Сергию по этому поводу и вопросы, которые, если придётся, поставить в Синоде по поводу организации Бог[ословского] Института, приёма в него слушателей и содержания его.

13 сентября. Пятница. Во вторник я отправил м[итрополиту] Сергию письмо и представление и ходатайство, прося Синод поддержать его и гарантировать нам содержание Института сбором во всех епархиях.

24 сентября. Сегодня получил из Москвы извещение, что М[итрополит] Сергей приглашает приехать после 16/29. IX. Это хорошо. Надо сегодня сговориться с Н. В. Чепуриным о дне выезда.

³⁹ Сергей (Алексей Николаевич Гришин; 1889–1943) — архиепископ Горьковский и Арзамасский; окончил Олонецкую духовную семинарию в Петрозаводске, где ректором был о. Н. К. Чуков; в описываемое время — управделами Св. Синода, архиепископ Киевский.

6 октября. Воскресенье. [2 октября]⁴⁰ в среду около 12 ч[асов] дня отправились во ВЦИК. Там — очередь огромная к дежурному секретарю (т. Войт) и члену ВЦИК — т. Чалову. Смесь племён, наречий, состояний.

Гл[авным] образом с жалобами на притеснения в хлебозаготовке, на неправильное лишение прав, закрытие церквей и проч. Два часа простояв в очереди, мы добрались наконец до деж[урного] секретаря и получили от него пропуск в комн[ату] 19 к тов. Орлеанскому. Это — прежний мелкий конторский чиновник, во время революции выдвинувшийся, как говорят, тем, что повёл резкое выступление у себя в Костроме, где был столоначальником консистории, — против Церкви, духовенства и вообще культа и попал т[аким] о[бразом] в «большие люди».

Ознакомившись с нами, поинтересовавшись, не епископы ли мы и какой «формации» священники — давнего поставления или новые (к чему это было нужно?), он внимательно прочёл наше ходатайство. На бумагу Синода сказал, что по ст. 18 Положения открытие специальных курсов разрешается не религ[иозным] объединениям как не имеющим юридич[еских] прав, а физическим лицам. Мы ответили, что Синод только «поддерживает» наше ходатайство, а ходатайствующие мы — частные лица, преподаватели б. курсов. Поинтересовавшись историей наших курсов, почему-то удивившись их разрешению (вообще проявлял ряд тупых «удивлений» — удивлён, напр[имер], что у нас ещё есть тоже Синод!..), поговорили о необходимости «наконец» войти в рамки закона, и сообщил, что в пятницу доложит Смидовичу. На нашу просьбу об ускорении дела ответил: «у нас и трудящиеся ожидают подолгу, след[овательно], паразиты тем более могут ждать...»

В [пятницу] в шестом часу были у м[итрополита] Сергия. Застали за чаем с ... Побеседовали о Ленинграде... м[итрополит] Сергей дал письмо Владыке Серафиму... В 9 ½ часа выехали из Москвы.

17 октября. В понедельник доложили митрополиту о результатах поездки в Москву. В воскресенье я получил от Серёжи Страхова письмо, что Орлеанский ответил ему одной только фразой, что «решение об открытии БПК отложено до декабря»⁴¹.

⁴⁰ Запись сделана автором 6 октября по возвращении из Москвы. В среду предположительно 2 октября в 11 часов утра протоиереи Н. К. Чуков и Н. В. Чепурин были в Москве у митрополита Сергия, но ввиду заседания Синода встреча была недолгой. Протоиереи получили представление Синода о поддержке своего ходатайства перед ВЦИК, повидались с некоторыми епископами и затем оправились во ВЦИК.

⁴¹ Чуков Н. К., прот. Дневник. Тетрадь 29. Фрагменты. Рукопись (Архив митрополита Григория).

1930 ГОД

20 февраля. Много шуму делает сейчас среди народа опубликованное интервью московских и иностранных корреспондентов с м[итрополитом] Сергием, который в своих ответах не осветил фактической стороны дела, и его ответы разошлись с действительностью. Все страшно смущены, и вчера многие обращались ко мне после беседы и присылали записки и письма, прося осветить положение дела. Я пока говорил, что сам знаю не больше их. Сегодня в Еп[архиальном] совете я сообщил обо всём этом и просил указаний. Епископы слишком спокойно к этому относятся по политическим соображениям. Я всё-таки думал бы, что нашему митрополиту [Серафиму] следовало бы в частном порядке поставить м[итрополита] Сергия в известность о фактическом положении дела у нас, чтобы хотя можно было бы сослаться на это. Пока же придётся говорить, что обстоятельства неизвестны и судить о них трудно.

14 марта. Вчера из заседания Еп[архиального] совета меня вызвал Владыка митрополит, рассказал обстоятельства происхождения интервью м[итрополита] Сергия с корреспондентами (письмо архиеп[ископа] Волынского, заподозрение участия в нём м[итрополита] Сергия, угроза ликвидации всей группы, требовали реабилитации, присылка корреспондентов с готовым проектом, уверенность м[итрополита] Сергия, что поймут не его редакцию и согласие на подпись) (Александрова-Чукова, Звонарёв 2021: 327), показал памятную записку м[митрополита] Сергия к Смидовичу⁴² (раньше Смидович не имел никаких сношений с М[итрополитом] Сергием) и сообщил о том, что М[итрополит] Сергей находит благоприятным поднять вопрос о восстановлении Б[огословско-] П[астырских] Курсов, о чём он упоминает в п. 19 своей записки. Я вчера же написал о. Н. В. Чепурину, чтобы он заготовил представление от имени Вл[адыки] Митрополита. М[ожет] б[ыть], и удастся добиться восстановления, но оч[ень] трудно будет устроиться с финансами, с квартирой, с библиотекой, а главное — с составом слушателей, которые теперь, при разновидности группировок, могут вносить смуту

⁴² 8 апреля 1929 года, одновременно с принятием постановления «О религиозных объединениях», была образована Комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК во главе со Смидовичем. Комиссия должна была заниматься реализацией религиозного законодательства, прежде всего нового постановления. Однако регулярные заседания Комиссии начались только в 1930 году, поэтому вопросами правового регулирования религ. политики продолжал заниматься НКВД РСФСР (Никитин 2018: 201).

в умы и свёртывать на политическую сторону.хлопот м[ожет] б[ыть] много с этим.

15 марта. Сейчас был у Митрополита и о. Н. В. Чепурина. Митрополит подписал представление о Б[огословско-] П[астырских] Курсах на имя Смидовича, я сегодня же его отправил. У о. Н. В. Чепурина ознакомился с сообщением в Ленин[градской] Правде от имени ВКПб, где осуждается искривление линии по насаждению колхозов и решительного запрещения административно закрывать церкви, «фиктивно прикрывая это постановлениями групп населения»... а также не допускается издевательство над религ[иозными] чувствами верующих. Наконец-то.

23 марта. Воскресенье. В среду был у митрополита, который высказал свои пожелания, чтоб Курсы имели уклон пастырский, чтоб не принимались женщины... и предупредил, чтобы я не брал с собой никаких писем, так как Пр[еосвященного] Алексия в Бологом обыскивали. После Митрополита я позвонил А. Д. Макарову о своей поездке, и — получилась задержка: потребовал мои материалы переслать к нему, снять с них копии для Москвы и лишь по получении оттуда ответа ехать не раньше субботы. В пятницу мне материалы были возвращены, и я решил ехать в воскресенье — сегодня, т. к. выезд в субботу ...лишал меня возможности участвовать в выносе креста.

27 марта. Четверг. Сегодня вернулся из Москвы... В понедельник в 9 $\frac{1}{4}$ ч. был в Москве, проехал к В. Н. Страхову. Оказывается, он писал мне, так как хотел возбудить вместе со мной и о Московской Дух[овной] Академии. В 11 утра я был уже у м[итрополита] Сергия. Тот рассказал мне, что в Адм[инистративном] Управлении НКВД дали указания о том, что именно надо предоставить туда для рассмотрения, так как принципиально вопрос о восстановлении богосл[овской] школы в Ленинграде уже разрешен ВЦИКом.

Я поехал в Адм[инистративное] Управление. Там т. Антонов, очень приличный человек, деликатный, разъяснил мне, что надо предоставить, и дал соответствующие указания. Я вернулся к м[итрополиту] Сергию, рассказал всё и занялся приготовлением нужных бумаг, которые в большинстве у меня уже были. Понадобилось: Положение о бог[ословском] Институте, Учебный план, состав преподавателей, смета и анкета об учредителях. В 3-х экземплярах. Кроме того, препроводительная бумага, в которую по предварительном разговоре с Антоновым внёс вопросы 1) о предоставлении нам помещения, 2) о возвращении инвентаря и библиотеки и 3) о разрешении повсеместного сбора средств. Всё это,

мною заготовленное, было перепечатано в канцелярии Митрополита. М[итрополит] Сергей в этот день оставил меня у себя обедать. Во вторник утром я заехал к нему, взял за подписанные⁴³ бумаги и отвёз их Антонову. Тот внимательно их рассмотрел и остановился на трёх пунктах «Положения»... Я дал объяснение⁴⁴. Он хотел докладывать на другой день, в среду, или через 10 дней (у них десятидневка).

Во всяком случае, сказал он, в принципе вопрос разрешается. На мой вопрос о возможности открытия бог[ословской] школы и в Ленинграде и в Москве он сначала ответил «или — или», а потом, вспомнив, сообщил, что разрешено только восстановление закрытых Курсов в Ленинграде. Что же касается Москвы, то только вероятно в дальнейшем как-то возбудить вопрос.

Всё это я сразу же доложил м[итрополиту] Сергию в заседании Синода.... В среду утром был у м[итрополита] Сергия, вручил ему памятку о том, что именно надо провести постановлением Синода по разрешении вопроса Граждан[ской] властью (утвердить положение, план, состав, смету, оповестить нек[оторых] Епарх[иальных] преосвященных для посылки студентов, их же, наконец, на уполномочие учредителям на организацию и выбора состава). Так всё пришло, по-видимому, к успешному концу — нужна была настойчивость, на недостаток которой указывал м[итрополиту] Сергию и Смидович. Ездил в Москву в спальном вагоне. Здесь по приезде доложил всё Вл[адыке] Митрополиту.

30 марта. В пятницу сообщил всё Макарову о своей поездке. Он предложил подробно написать. Я изложил всё, где был и что представил, как и результаты.

22 мая. Четверг. В воскресенье получил от о. В. Н. Страхова письмо с извещением, что вопрос о Бог[ословском] Институте прошёл и на днях будет у нас. Слава Богу. Вечером сообщил об этом по телефону Митрополиту⁴⁵.

⁴³ Так в источнике.

⁴⁴ К настоящему времени сохранились документы: Православный Богословский институт в Ленинграде. Положение. Проект. 1928–1929 гг. // Архив Санкт-Петербургской епархии, ф. 3, оп. 3а (Церковно-исторические документы из личного архива митрополита Григория (Чукова), д. 87, л. 1–5; Высшие Богословские курсы в Ленинграде. Инструкция в развитие Положения. 1928 г. // Архив Санкт-Петербургской епархии, ф. 3, оп. 3а, д. 85, л. 1–7.

⁴⁵ Чуков Н. К., прот. Дневник. Тетрадь 30. Фрагменты. Рукопись (Архив митрополита Григория).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея Руси, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти 1917–1943 гг. : в 2 ч. / сост. М. Е. Губонин. — М., 1994. — Ч. 2. — С. 509–513.

Александрова-Чукова Л. К. Архиепископ Григорий (Чуков) о положении духовенства к началу войны, открытии собора в Саратове и приеме в Кремле 4 сентября 1943 года // Вестник церковной истории. — 2022. — № 1/2 (65/66). — С. 84–119.

Александрова-Чукова Л. К. Митрополит Григорий (Чуков): служение и труды. К 50-летию преставления // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. — 2007. — Вып. 34. — С. 17–131.

Александрова-Чукова Л. К., Звонарёв С., прот. Высшее управление Русской Православной Церкви по дневникам протоиерея Н. К. Чукова 1925–1930 гг. // Вестник церковной истории. — 2021. — № 1/2 (63/64). — С. 293–329.

Александрова-Чукова Л. К. «Единение цвета науки и Церкви...», или До Петроградского процесса 1922 г. и после «Академического дела» 1929–1931 гг. (по материалам дневников митрополита Григория (Чукова) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. — 2019. — № 4 (28). — С. 324–396.

Александрова-Чукова Л. К. Архиепископ Григорий (Чуков) о Соборе епископов 1943 г. и ведущей роли патриарха Сергия в сохранении патриаршества и единства Русской Православной Церкви // Вестник церковной истории. — 2023. — № 1/2 (69/70). — С. 86–144.

Александрова-Чукова Л. К. Богословский институт в Петрограде (1920–1923 гг.) как первый этап на пути восстановления духовных школ в виде академий и семинарий // Вестник церковной истории. — 2020. — № 3/4 (59/60). — С. 251–330.

Александрова-Чукова Л. К. Григорий (Чуков Николай Кириллович, митр. Ленинградский и Новгородский) // Православная энциклопедия. — М., 2006. — Т. 12. — С. 592–598.

Александрова-Чукова Л. К. Петроградский процесс 1922 г. // Православная энциклопедия. — М., 2019. — Т. 56. — С. 273–278.

Александрова-Чукова Л. К., Галкин А. К. «От первого лица»: Богословско-пастырские курсы в Ленинграде в дневниках, резолюциях и письмах митрополита Григория (К двум 75-летним юбилеям открытия духовных школ: 22 ноября 1945 г. и 14 октября 1946 г.) // Христианское чтение. — 2021. — № 3. — С. 68–89.

Васильева О. Ю. Февральская пресс-конференция митрополита Сергия — историческое осмысление и историческое наследие // История Русской Православной Церкви в XX веке (1917–1933 гг.): Материалы конференции в г. Сентендре (Венгрия) 13–16 ноября н. ст. 2001 г. — Мюнхен, 2002. — С. 384–405.

Григорий (Чуков), архиеп. Учреждение духовно-учебных заведений // Журнал Московской Патриархии. — 1943. — № 3. — С. 22–24.

Григорий (Чуков), архиеп. Финляндский период деятельности Святейшего Патриарха Сергия: 1905–1917 гг. // Имперский курьер. — 2002. — № 2. — С. 36–37.

Никитин Д. Н. «О религиозных объединениях» // Православная энциклопедия. — М., 2018. — Т. 52. — С. 201.

Одинцов М. И. Патриарх Сергий. — М., 2013. — 395 с.

Одинцов М. И. Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. — М., 1999. — 334 с.

Фирсов С. Л. Апостасия. «Атеист Александр Осипов и время гонений на Русскую Православную Церковь». — СПб., 2004. — 286 с.

Фирсов С. Л. Время в судьбе: Святейший Сергий, Патриарх Московский и всея Руси Сергий (Страгородский). О генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века. — СПб., 2005. — 205 с.

Фирсов С. Л. Мифологическое восприятие прошлого: историческая наука в контексте легенд и мифов // Христианское чтение. — 2023. — № 4. — С. 159–170.

Сведения об авторе:

Лидия Константиновна Александрова-Чукова — кандидат химических наук, правнучка и биограф митрополита Григория (Чукова), независимый исследователь новейшей истории Русской Православной Церкви, Санкт-Петербург, e-mail: id.chukova@yandex.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 06.02.2024; одобрена после рецензирования 11.02.2024; принята к публикации 22.02.2024.

L. K. Aleksandrova-Chukova

SAINT PETERSBURG, RUSSIA

His Holiness Patriarch Sergius, Metropolitan Gregory and the Theological Schools of the Moscow Patriarchy from 1944 to 2024

Abstract. The article commemorates two significant events marking the 80th anniversary of the Russian Orthodox Church in 2024: the passing of His Holiness Patriarch Sergius and the establishment of the first theological schools in Moscow during the Soviet era. The question of establishing theological schools was raised by Patriarch Sergius following the Council of Bishops in 1943 and his subsequent election as patriarch. These schools were inaugurated just a month after his passing. It's emphasized that the swift preparation for the opening of the Theological Institute and Theological and Pastoral courses was facilitated by the quarter-century journey of the patriarch's long-time faithful colleague, Archpriest Nikolay Chukov (Archbishop Gregory of Saratov and Stalingrad), who authored the project for spiritual educational institutions of the Moscow Patriarchate. He had substantial experience in establishing and overseeing higher theological institutions in Petrograd-Leningrad from 1920 to 1925. For the first time, a diary detailing the activities of Archpriest Nikolay Chukov is published in the appendix. His endeavors, undertaken with the support of Metropolitan Sergius

and the Synod from 1928 to 1930, aimed to establish a Theological Institute in Leningrad. Unfortunately, his plans were thwarted by his arrest in 1930. The entries in the published diary confirm Olga Vasilyeva's assertion that Metropolitan Sergius' interview, which sparked widespread protests due to its denial of Church persecution in the USSR, was a quid pro quo for allowing him to submit a memo to Pyotr Smidovich. One of the memo's points emphasized the necessity of opening a theological school. This memo played a pivotal role in obtaining permission, which, in turn, significantly hastened the process of opening theological schools in Moscow in 1943–1944. The article concludes with excerpts from books and articles by a professor from the Department of Church History at Saint Petersburg Theological Academy. This academic offers a negative and ironic assessment of both the ascetic work of Metropolitan Gregory of Leningrad and Novgorod, and the martyrdom of Patriarch Sergius, who endured humiliation primarily to preserve a legalized church organization, which was essential for the establishment of theological schools within the Patriarchate. This aspect became particularly significant when considering the pivotal choice by the authorities between the patriarchal Church and the Renovationists in 1943.

Keywords: His Holiness Patriarch Sergius (Stragorodsky), Golgotha, theological schools, Archpriest N. K. Chukov, Metropolitan Gregory, diary of Metropolitan Gregory, Theological Institute, Theological and Pastoral courses, Regulations on the Theological Institute

For citation: Aleksandrova-Chukova, L. K. (2024). His Holiness Patriarch Sergius, Metropolitan Gregory and the Theological Schools of the Moscow Patriarchy from 1944 to 2024. *Orthodoxia*, (2), 174–205. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-2-174-205

REFERENCES:

Akty Sviateishego Tikhona, Patriarkha Moskovskogo i vseia Rusi, pozdneishie dokumenty i perepiska o kanonicheskom preemstve vysshei tserkovnoi vlasti 1917–1943 gg. : v 2 ch. [Acts of His Holiness Tikhon, Patriarch of Moscow and All Russia, Later Documents and Correspondence on the Canonical Succession of the Supreme Church Authority of 1917–1943. In 2 Parts] (Part 2). (1994). Moscow. [In Russian].

Aleksandrova-Chukova, L. K. (2022). Arkhiepiskop Grigory (Chukov) o polozhenii dukhovenstva k nachalu voyny, otkrytii sobora v Saratove i prieme v Kremle 4 sentiabria 1943 goda [Archbishop Grigory (Chukov) on the Situation of the Clergy at the Beginning of the War, the Opening of the Cathedral in Saratov and Reception in the Kremlin on September 4, 1943]. *Vestnik tserkovnoi istorii*, (1/2), 84–119. [In Russian].

Aleksandrova-Chukova, L. K. (2007). Mitropolit Grigory (Chukov): sluzhenie i trudy. K 50 letiiu predstavleniia [Metropolitan Gregory (Chukov): Ministry and Works. To the 50th Anniversary of his Repose]. *Sankt Peterburgskie eparkhial'nye vedomosti*, (34), 17–131. [In Russian].

Aleksandrova-Chukova, L. K., Zvonarev S., prot. (2021). Vyshee upravlenie Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi po dnevnikam protoiereia N. K. Chukova 1925–1930 gg. [The Supreme Administration of the Russian Orthodox Church According to the Diaries of Archpriest N. K. Chukov 1925–1930]. *Vestnik tserkovnoi istorii*, (1/2), 293–329. [In Russian].

Aleksandrova-Chukova, L. K. (2019). “Edinenie tsveta nauki i Tserkvi...”, ili Do Petrogradskogo protsessa 1922 g. i posle “Akademicheskogo dela” 1929–1931 gg. (po materialam dnevnikov mitropolita Grigoriia (Chukova) [“The Unity of the Best of Science and the Church...”, or Before the Petrograd trial of 1922 and after the “Academic Case” of 1929–1931 (based on the Diaries of Metropolitan Gregory (Chukov)]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii*, (4), 324–396. [In Russian].

Aleksandrova-Chukova, L. K. (2023). Arkhiepiskop Grigory (Chukov) o Sobore episkopov 1943 g. i vedushchei roli patriarkha Sergiia v sokhranении patriarshestva i edinstva Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi [Archbishop Grigory (Chukov) on the Council of Bishops in 1943 and the Leading Role of Patriarch Sergius in Preserving the Patriarchate and Unity of the Russian Orthodox Church]. *Vestnik tserkovnoi istorii*, (1/2), 86–144. [In Russian].

Aleksandrova-Chukova, L. K. (2020). Bogoslovsky institut v Petrograde (1920–1923 gg.) kak pervyi etap na puti vosstanovleniia dukhovnykh shkol v vide akademii i seminarii [The Theological Institute in Petrograd (1920–1923) as the First Stage Towards the Restoration of Theological Schools in the form of Academies and Seminaries]. *Vestnik tserkovnoi istorii*, (3/4), 251–330. [In Russian].

Aleksandrova-Chukova, L. K. (2006). Grigory (Chukov Nikolai Kirillovich, mitr. Leningradsky i Novgorodsky) [Grigory (Nikolai Kirillovich Chukov, Mitropolitan of Leningrad and Novgorod)]. In *Pravoslavnaia entsiklopediia* (Vol. 12, pp. 592–598). Moscow. [In Russian].

Aleksandrova-Chukova, L. K. (2019). Petrogradsky protsess 1922 g. [Petrograd Process of 1922]. In *Pravoslavnaia entsiklopediia* (Vol. 56, pp. 273–278). Moscow. [In Russian].

Aleksandrova-Chukova, L. K., Galkin A. K. (2021). “Ot pervogo litsa”: Bogoslovsko-pastyrskie kursy v Leningrade v dnevnikakh, rezoliutsiiakh i pis'makh mitropolita Grigoriia (K dvum 75-letnim iubileiam otkrytiia dukhovnykh shkol: 22 noiabria 1945 g. i 14 oktiabria 1946 g.) [“From the First Person”: Theological and Pastoral Courses in Leningrad in the Diaries, Resolutions and Letters of Metropolitan Gregory (For Two 75th Anniversaries of the Opening of Theological Schools: November 22, 1945 and October 14, 1946)]. *Khristianskoe chtenie*, (3), 68–89. [In Russian].

Vasileva, O. Iu. (2002). Fevral'skaia press-konferentsiia mitropolita Sergiia — istoricheskoe osmyslenie i istoricheskoe nasledie [February Press Conference of Metropolitan Sergius — Historical Understanding and Historical Heritage]. In *Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v XX veke (1917–1933 gg.): Materialy konferentsii v g. Sentendre (Vengriia) 13–16 noiabria n. st. 2001 g.* (pp. 384–405). Munich. [In Russian].

Gregory (Chukov), Archbishop. (1943). Uchrezhdenie dukhovno-uchebnykh zavedeny [Establishment of Theological Educational Institutions]. *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii*, (3), 22–24. [In Russian].

Gregory (Chukov), Archbishop. (2002). Finliandsky period deiatel'nosti Sviateishego Patriarkha Sergiia: 1905–1917 gg. [The Finnish Period of Activity of His Holiness Patriarch Sergius: 1905–1917]. *Impersky kur'er*, (2), 36–37. [In Russian].

Nikitin, D. N. (2018). “O religioznykh ob"edineniiakh” [“On Religious Associations”]. In *Pravoslavnaia entsiklopediia* (Vol. 52, p. 201). Moscow. [In Russian].

Odintsov, M. I. (2013). *Patriarkh Sergy* [Patriarch Sergius]. Moscow. [In Russian].

Odintsov, M. I. (1999). *Russkie patriarkhi XX veka. Sud'by Otechestva i Tserkvi na stranitsakh arkhivnykh dokumentov* [Russian Patriarchs of the Twentieth Century. The Fate of the Fatherland and the Church on the Pages of Archival Documents]. Moscow. [In Russian].

Firsov, S. L. (2004). *Apostasiia. "Ateist Aleksandr Osipov i vremia goneny na Russkuiu Pravoslavnnuiu Tserkov'"* [Apostasy. "The Atheist Alexander Osipov and the Time of Persecution of the Russian Orthodox Church"]. Saint Petersburg. [In Russian].

Firsov, S. L. (2005). *Vremia v sud'be: Sviateishii Sergii, Patriarkh Moskovskii i vseia Rusi Sergii (Stragorodsky). O genezise "sergianstva" v russkoi tserkovnoi traditsii XX veka* [Time in Fate: His Holiness Sergius, Patriarch of Moscow and All Russia Sergius (Stragorodsky). On the Genesis of "Sergianism" in the Russian Church Tradition of the XX century]. Saint Petersburg. [In Russian].

Firsov, S. L. (2023). *Mifologicheskoe vospriiatie proshlogo: istoricheskaiia nauka v kontekste legend i mifov* [Mythological Perception of the Past: Historical Science in the Context of Legends and Myths]. *Khristianskoe chtenie*, (4), 163. [In Russian].

About the author:

Lidia Konstantinovna Alexandrova-Chukova — Candidate of Chemical Sciences, great-granddaughter and biographer of Metropolitan Gregory (Chukov), independent researcher of the recent history of the Russian Orthodox Church, Saint Petersburg, email: id.chukova@yandex.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 06.02.2024; approved after reviewing 11.02.2024; accepted for publication 22.02.2024.

Игумен Виталий (И. Н. Уткин)

РОССИЙСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ СВ. ИОАННА БОГОСЛОВА,
МОСКВА, РОССИЯ

«Патриаршая власть всегда остаётся в Церкви налицо во всём её объёме»: патриарх Тихон, митрополит Сергий (Страгородский) и идеи церковной демократии

Аннотация. Резкая критика, высказываемая со стороны оппонентов в адрес патриарха Тихона и митрополита Сергия (Страгородского), была связана не столько с их комплиментарными высказываниями в адрес Советской власти (у патриарха Тихона такие высказывания известны с 1923 года), сколько с их методами управления. Оппоненты считали, что патриарх Тихон и митрополит Сергий разрушают сложившуюся по итогам Поместного Собора 1917–1918 годов церковную демократию. В начале XX века такая демократия именовалась соборностью, под которой подразумевалось церковное представительство, система выборов снизу доверху с периодичностью в несколько лет. Впервые на конкретно-политическом уровне церковно-демократическая система, превращающая Церковь в республику, была предложена так называемой «группой 32-х» в 1905 году, когда ожидался созыв Поместного Собора.

Однако идеи внутрицерковного республиканизма активно развивались на протяжении всей второй половины XIX — начала XX века. Сложившаяся после духовно-школьной реформы система представительских церковных учреждений на благочинническом и епархиальном уровнях являлась на протяжении полувека школой демократии для русского духовенства. Республиканские идеи оставались сильны и на Поместном Соборе 1917–1918 годов. Именно они являлись главной основой противодействия планам введения патриаршества. Хиротонии обновленцами женатых пресвитеров во епископы без принятия монашества, а затем признание на так называемом Втором Всероссийском Поместном соборе 1923 года женатого епископата вывели обновленческую Р.П.Ц.¹ (Российская православная церковь) за пределы канонического поля, что обновленцами вполне осознавалось. Поэтому они стремились надстроить церковно-демократическую систему, образовавшуюся внутри их структур после «упразднения» патриаршества в 1923 году, до вселенского уровня. Обновленцами совместно с греками разрабатывались планы периодического регулярного проведения представительских собраний Поместных Церквей, которые именовались ими Вселенскими Соборами. На этих Соборах предполагалась радикальная трансформация как канонического строя, так, в дальнейшем, и догматического вероучения Православной Церкви. Таким образом, при благоприятных исторических обстоятельствах развитие русского церковного республиканизма могло бы кардинально подорвать основы Вселенского Православия. Однако патриаршая власть в постреволюционной России встала на пути этих планов. Такие действия патриаршей власти заставляют внимательно присмотреться к восприятию московского митрополита, а затем патриарха в русском церковном сознании XV–XVII веков, где факт повторной епископской хиротонии указывает на то, что Глава Церкви не был просто одним из епископов.

Ключевые слова: Церковь, патриарх Тихон, митрополит Сергей, власть, обновленчество, церковная демократия, республиканизм, выборы, Собор, хиротония

Для цитирования: Виталий (Уткин И. Н.), игум. «Патриаршая власть всегда остаётся в Церкви налицо во всём её объёме»: патриарх Тихон, митрополит Сергей (Страгородский) и идеи церковной демократии // Ортодоксия. — 2024. — № 2. — С. 206–233. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-2-206-233

¹ Данная аббревиатура имеет обновленческое происхождение — по образцу Р.С.Ф.С.Р. (именно так, с точками, писали в 20-е годы).

В самом начале 1930 года митрополит Сергей (Страгородский) писал священномученику митрополиту Кириллу (Смирнову): «Смысл единоголичного Заместительства в том и состоит, что патриаршая власть всегда остаётся в Церкви налицо во всём её объёме, хотя бы она в данных руках была лишь на очень короткое время и хотя бы до этих рук она дошла через много промежуточных ступеней» (Митрополит Сергей 2020: 359).

Между тем именно эта власть и была реальным камнем преткновения для внутрицерковных соперников и будущего патриарха Сергия (Страгородского), и патриарха Тихона (Беллавина).

В апреле 1927 года известный церковный деятель епископ Томский князь Андрей (Ухтомский) написал Святейшему Патриарху Тихону гневное письмо, в котором обвинил его в радикальном подрыве церковной соборности. Епископ Андрей утверждал, что после выхода из тюрьмы в 1923 году патриарх Тихон не совершил ничего, кроме «торжественных богослужений». Князь-епископ писал патриарху Тихону: «Вы окружили себя архиереями, не известными даже для их собственной паствы; Вы по-прежнему не знаете никакой программы устройства церковно-общественной жизни» (Конфессиональная политика 2017: 500). По словам епископа Андрея, розы, которыми московские богомольцы «устилают путь» патриарха, не «успокаивают народной совести», «для этого нужны иные пути — твёрдые и ясные» (Конфессиональная политика 2017: 500).

Таковыми путями томский архипастырь считал «создание церковной соборности, обязательное введение выборного начала и уничтожение в церковной жизни “назначенства”» (Конфессиональная политика 2017: 500). Одновременно епископ Андрей требовал «в параллель с гражданской федерацией деления России на автономные архиепископии» и «радикального уничтожения всяких намёков на глупый русский клерикализм» (Конфессиональная политика 2017: 500).

В октябре 1927 года епископ Ижевский и Воткинский Виктор (Островидов), будущий священномученик, как и ряд других архипастырей, священников и мирян, обвинил митрополита Сергия в разрушении Церкви «в порядке управления», то есть в нарушении церковно-демократического строя (Акты 1994: 532–533). Тогда же авторы «Киевского воззвания» в ответ на так называемую «Декларацию» митрополита Сергия подчёркивали, что созданный при нём Синод «организован совершенно не так, как предполагает постановление Московского собора 1918 года: он не избран соборно, не уполномочен епископатом», поэтому и не может считаться «представительством» последнего (Акты 1994: 518).

Епископ Прилуцкий Василий (Богдашевский) подчёркивал, что для Церкви политическая линия, принятая её предстоятелем, не является обязательной. «Никто во Всероссийской Православной Церкви не может принуждать (прямо или косвенно) церковными мерами другого члена Церкви примыкать к чьей-либо политике, хотя бы патриаршей», — писал он с Соловков, ссылаясь при этом на постановление Поместного Собора от 2 (15) августа 1918 года, которое, с его точки зрения, мог отменить только новый Всероссийский Поместный собор (Акты 1994: 520). С его точки зрения, попытка митрополита Сергия примириться с большевиками не дала пока надежды на «Христов мир» не столько даже из-за позиции самой Советской власти, сколько потому, что эта попытка «начата и движется вперёд не по каноническим рельсам» (Акты 1994: 521).

То есть критики позиции патриарха Тихона и митрополита Сергия (Страгородского) со стороны иерархии исходили не из антисоветской позиции.

Например, тот же князь-епископ Андрей (Ухтомский) в 1928 году в очередную годовщину октябрьского переворота писал о В. И. Ульянове-Ленине: «Ленина я ставлю наряду с первоклассными русскими людьми вроде Петра Великого и Льва Толстого. Императора Петра я считаю первым русским революционером-большевиком. Лев Толстой — это воплощение русского большевистского духа во всемирной литературе... Ленин изломал всё, что дала нам, русским людям, петербургская цивилизация, и возвратил русским людям русскую столицу Москву... Ленин был великий полководец на политическом поле сражения... Ленин был человек огромного ума и всестороннего образования... У лучших русских мыслителей он заимствовал самую форму борьбы за социальную правду... Советизация есть истинно русское слово, которое русская культура внесла во всемирную сокровищницу мысли и жизни» (Священномученик Архиепископ Уфимский Андрей 2013: 698–699).

В отклике на «Декларацию» православных епископов, заключённых на Соловках, подчёркивалось: «Мы одобряем сам факт обращения Высшего Церковного Учреждения к Правительству с заверением о лояльности Церкви в отношении советской власти во всём, что касается гражданского законодательства и управления. Подобные заверения, неоднократно высказанные Церковью в лице почившего Патриарха Тихона, не рассеяли подозрительного отношения к Ней Правительства; поэтому повторение таких заверений нам представляется целесообразным. Мы

вполне искренне принимаем чисто политическую часть послания» (Акты 1994: 515).

Уже достаточно давно было высказано мнение, что главной причиной неприятия многими архипастырями «Декларации» митрополита Сергия являлись не столько «принципиальные вопросы церковной политики», сколько «административные перемещения и увольнения». Это расценивалось как вмешательство Советской власти во внутрицерковную жизнь, приводящее к перемещениям архиереев (История Русской церкви 1997: 166).

Дело в том, что тем самым нарушался коренной принцип церковно-демократической системы, сложившейся по результатам Всероссийского Поместного собора 1917–1918 годов, когда архиереи избирались епархиальными съездами и оказывались несменяемыми, о чём подробнее мы скажем ниже. Однако пример митрополита Иосифа (Петровых) и созданного им «иосифлянского раскола» показывает, что архипастыри, даже неизбранные такими епархиальными съездами, не могущими полноценно собраться в силу давления Советской власти, вполне считали себя несменяемыми.

С 1920 года Иосиф (Петровых) была архиепископом Ростовским, викарием Ярославской епархии. Духовенство Петрограда, переименованного после смерти В. И. Ленина в Ленинград, подыскивало для себя лояльного архиерея, и в августе 1926 года, на основании ходатайства группы такого статусного духовенства северной столицы именно Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей (Страгородский) назначил архиепископа Иосифа на Ленинградскую кафедру, возвёл его в сан митрополита с возложением белого клобука (Священномученик Иосиф 2011: 157). Однако вскоре он был арестован и сослан в Вологодскую область, откуда с согласия властей переехал снова в Ростов Великий (Шкаровский 2011: 650). В сентябре 1927 года на заседании Синода под председательством митрополита Сергия было принято решение о перемещении митрополита Иосифа «по соображениям большей пользы церковной» из Ленинграда на Одесскую кафедру (Шкаровский 2011: 650).

Митрополит Иосиф заявил, что «не желает оказывать послушание церковной власти», которая находится, как он выразился, «в рабском состоянии» (Шкаровский 2011: 651). При этом он стал ссылаться на определение Всероссийского Поместного собора «Об епархиальном управлении», принятое в феврале 1918 года², хотя сам его перевод на

² Об епархиальном управлении. — Поместный Собор 1917–1918. Тексты Поместного Собора

Ленинградскую кафедру, сделанный тем же митрополитом Сергием (Страгородским), который позднее и снял его с неё, имел к этому определению весьма условное отношение. Митрополит Иосиф также стал говорить о незаконности других перемещений архиереев, сделанных митрополитом Сергием и состоящим при нём Синоде (Шкаровский 2011: 651). Итогом стал церковный раскол.

В декабре 1927 года заместитель Патриаршего местоблюстителя митрополит Сергей (Страгородский) и Временный при нём Патриарший Священный Синод обратились с посланием к архипастырям, пастырям и всем верным чадам Святой Православной Российской Церкви. В нём констатировалось, что митрополит Сергей воспринял свою власть в тот момент, когда «расстройство церковных дел дошло, казалось бы, до последнего предела, и церковный корабль почти не имел управления» (Акты 1994: 548). В послании утверждалось, что «центр был мало осведомлён о жизни епархий», епархии, в свою очередь, «часто лишь по слухам знали о центре», приходы «жили отдельной жизнью» и не знали «за кем идти, чтобы сохранить Православие» (Акты 1994: 548). Обрушившиеся на Русскую Церковь смута и череда расколов делали фактически невозможной ту самую церковную демократию, которая была вековым чаянием русского духовного сословия.

На протяжении XIX столетия росло политическое самосознание русского духовенства. Оно обладало весьма высоким уровнем образования, однако находилось в прямой зависимости от государственной и епархиальной власти, исполняло функции мелкого правительственного агента на местах. Священнослужитель вёл метрические книги — запись актов гражданского состояния, фиксировал в ведомостях причастников политическую лояльность паствы (кто не причащался — попадал со стороны государственной власти под подозрение в расколе и сектантстве). Он же, выполняя те или иные распоряжения власти, должен был агитировать крестьян за разведение картофеля, заниматься оспопрививанием, выполнять массу схожих функций. После духовно-школьной реформы 1814 года храмы фактически лишились основной части своих доходов, изымавшихся государством. Они были обременены массой дополнительных епархиальных налогов.

Православной Российской Церкви (1917–1918). — URL: <http://sobornost.online/2019/06/01/5-obeparhialnom-upravlenii/> (дата обращения: 29.02.2024).

Однако с 1867 года развивается внутрицерковная представительская система. Появились регулярно созываемые епархиальные и благочиннические съезды, которые распределяли финансовые сборы с приходов на содержание семинарий, духовных училищ, епархиальных женских училищ, избирались члены семинарских правлений. Всё это на протяжении полувека перед революцией 1917 года стало полноценной школой церковной демократии для трёх поколений духовенства (Виталий (Уткин) 2021: 130–141).

В марте 1905 года газетой Санкт-Петербургской духовной академии «Церковный вестник» с согласия первенствующего члена Святейшего Правительствующего Синода митрополита Антония (Вадковского) была опубликована программа демократических церковных реформ «О необходимости перемен в русском церковном управлении»³, ставшая впоследствии известная как «Записка 32-х» (по числу участников группы, подавшей данный текст в виде докладной записки митрополиту Антонию).

В ней провозглашалось, что «стремление к церковной свободе» есть также стремление к «восстановлению канонического строя». Предлагались создание массы маленьких епархий на уровне уездных городов, выборность епископата «местной Церковью», то есть епархией, полное равенство всех таких выборных епископов между собой, запрет на получение епископами внешних наград и отличий, необходимость совместного «пастырского служения» епископа с «советниками и сотрудниками» в лице «сонма пресвитеров», то есть подчинение слабого, избранного епископа избравшему его духовенству. Главный город области (губернии) должен иметь митрополита, который, однако, без собираемого периодически областного собора митрополии не может никак вмешиваться в дела малых епархий. Вся эта система должна была надстраиваться высшим для Российской Церкви органом представительства епархий — регулярно собираемым Поместным Собором (К церковному собору 1906: 6–8).

В мае 1905 года эта же группа подала митрополиту Антонию (Вадковскому) вторую записку под названием «О церковном соборе». Она тоже была опубликована в издании СПбДА «Церковный вестник»⁴. В ней настаивалось, чтобы в предполагавшемся к созыву Поместном Соборе наряду с епископатом принимали участие пресвитеры и миряне, специально избираемые для этого на епархиальных съездах (К церковному собору 1906: 20). Таким образом, предполагалось, что Поместный Собор

³ О необходимости перемен в русском церковном управлении. Мнение группы столичных священников // Церковный вестник. — 1905. — № 11. — С. 321–325.

⁴ О составе Церковного собора // Церковный вестник. — 1905. — № 21. — С. 641–648.

должен превратиться в общецерковное представительство, не сводящееся к собранию только апостольских преемников-епископов.

По сути, обе эти записки стали программой церковной революции. Идеи, изложенные в них, широко обсуждались. Будущий патриарх Сергей (Страгородский), который в октябре 1905 года стал архиепископом Финляндским и Выборгским, также принял участие в дискуссии, причём выступил на демократической стороне.

В том же «Церковном вестнике» он опубликовал свою программную статью, посвящённую составу планируемого Поместного Собора, в которой отстаивал программу широкого участия в нём пресвитеров и мирян. Будущий патриарх подчёркивал, что исторически участниками подобных Соборов были одни епископы, однако в современных условиях нужно добиваться «общедоступности», «общенародности» для «первого поместного собора» (Сергий (Страгородский) 1905: 1610–1611).

Он заявлял, что приходам должно быть дано право избирать четырёх представителей, «безразлично — клириков или мирян», на благочиннический съезд, благочиннический съезд, также «безразлично» — являются избранными миряне или клирики, посылает делегатов на епархиальный съезд. Последний избирает четырёх делегатов на Поместный Собор, из числа которых должен быть один клирик, на Собор едет в обязательном порядке и епархиальный архиерей (Сергий (Страгородский) 1905: 1611–1612).

Особенно значимым в этом проекте было следующее. Сама церковная реформа, созыв демократического Поместного Собора был чаянием преимущественно белого духовенства, которое пыталось через Собор установить контроль над своими приходами, лишить, по сути, епархиальную власть её традиционных полномочий. Архиепископ Сергей (Страгородский) предлагает систему выборов, при которой «не будет духовенства, как отдельной сплочённой группы, стоящей против мирян, а будут лишь представители приходов» (Сергий (Страгородский) 1905: 1612). Тем не менее его предложения носили, конечно, церковно-революционный характер и являлись частью демократического церковного процесса.

Февральская революция 1917 года стала одновременно и церковной революцией. Все основные церковно-демократические идеи предшествующего полувека нашли теперь свой выход вовне. Оба будущих патриарха, и Тихон (Беллавин), и Сергей (Страгородский), принимали активное участие в этих революционных процессах. К моменту революции они

являлись членами Святейшего Правительствующего Синода и их подписи стоят под знаменитым синодальным посланием к всероссийской пастве от 9 (22) марта 1917 года. В этом послании говорилось: «Свершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу великую Родину счастьем и славой на её новом пути». Паства призывалась объединиться «в братской любви на благо России», довериться Временному правительству, «чтобы трудами и подвигами, молитвою и повиновением облегчить ему великое дело водворения новых начал государственной жизни» (Послание 1917: 57).

Подписавшийся под посланием архиепископ Литовский Тихон (Беллавин) вряд ли стал бы впоследствии Патриархом Всероссийским, если бы летом 1917 года он не был бы предварительно избран на Московскую кафедру. Это избрание стало прямым следствием произошедшей церковной революции.

Члены Святейшего Правительствующего Синода, в том числе два будущих патриарха — Тихон и Сергей, оказали содействие Временному правительству в самые первые дни после Февральской революции. Сказывалось раздражение синодалов против двух столичных митрополитов — митрополита Петроградского Питирима (Окнова) и святителя, митрополита Московского Макария (Невского), крупного русского миссионера, просветителя Алтая. Считалось, что эти два архипастыря слишком тесно были связаны с царской властью и Г. Е. Распутиным и недостаточно считались с мнением остальных членов Синода. То есть перед нами фактор церковно-политической борьбы в среде высшей иерархии на фоне общеполитической революции.

Ещё 24 февраля 1917 года взвинченная революционная толпа на Невском проспекте попыталась остановить карету митрополита Макария. Синодалы только шутили по этому поводу: «Пора старцу на покой». 28 февраля был арестован митрополит Питирим (Окнов). Доставленный в Государственную думу, он подал М. В. Родзянко прошение об увольнении. Петроград остался без митрополита. 12 марта церковная Москва изменила и святителю Макарию. Представители духовенства и мирян с готовностью свидетельствовали перед прибывшим в первопрестольную революционным обер-прокурором В. Н. Львовым о якобы полном расстройстве церковных дел. Вернувшийся на кафедру из столицы митрополит Макарий поддался было давлению и написал прошение об увольнении. Однако ректор Московской духовной академии епископ Волоколамский Феодор (Поздеевский), увольнения

которого добивалась восставшая корпорация академии, уговорил 82-летнего святителя Макария продолжить борьбу. Святитель Макарий прибыл в Троице-Сергиеву лавру и заявил, что не уходит с кафедры. Он подготовил послание архиереям с просьбой о поддержке. 5 апреля митрополит Макарий и епископ Феодор были подвергнуты революционными властями домашнему аресту. Епископу Феодору пришлось покинуть Московскую духовную академию, он был переведён в Данилов монастырь. В. Н. Львов дал крайне негативное интервью о святителе Макарии, основанное на письме секретаря местной консистории Петропавловского о злоупотреблениях в Московской епархии. Святитель Макарий отверг все эти заявления и продолжал считать себя московским митрополитом, физически находясь в Николо-Угрешском монастыре (Рогозный 2018: 48–52).

С 21 по 25 марта в Москве проходил Чрезвычайный съезд духовенства и мирян, принявший решение о проведении выборов митрополита при живом митрополите. Главным претендентом на кафедру был мирянин, бывший обер-прокурор Святейшего Синода, московский предводитель дворянства и лидер московской оппозиции перед Февральской революцией А. Д. Самарин. Среди кандидатов на московскую кафедру также рассматривались архиепископ Платон (Рождественский), епископ Андрей (Ухтомский) (Рогозный 2018: 129–130).

На предстоящие выборы в Москве была выдвинута и кандидатура архиепископа Виленского и Литовского Тихона (Беллавина). На протяжении Первой мировой войны будущий патриарх находился в эвакуации в первопрестольной. Теперь он вступил в борьбу за московскую кафедру.

19–21 июня 1917 года прошёл Московский съезд духовенства и мирян, посвящённый выборам митрополита. При баллотировке равное число голосов (по 297) набрали А. Д. Самарин и архиепископ Тихон, остальные претенденты значительно отстали. 21 июня состоялось повторное голосование. Оно проходило в торжественной обстановке в Храме Христа Спасителя, после торжественного совершения Божественной литургии. В результате будущий Патриарх Тихон получил 481 голос, а А. Д. Самарин — 303 (Рогозный 2018: 130).

Газета «Московский листок» особо отмечала, что справа от иконостаса Храма Христа Спасителя во время литургии перед выборами расположился «хор из 600 священников, диаконов и псаломщиков, облачённых в епитрахили или стихари из золотой парчи». А вот на правом клиросе

расположились революционный обер-прокурор Синода В. Н. Львов и члены американской миссии в России (Ради мира церковного 2006: 40).

Это наблюдение американских представителей за церковными выборами в Москве заставляет вспомнить тот факт, что в 1898–1907 годах будущий патриарх Тихон весьма успешно трудился в США, где перенёс русскую православную кафедру из Сан-Франциско в Нью-Йорк. Там он освятил новый собор, открыл десятки приходов и семинарию, вступил в тесное взаимодействие с американским истеблишментом (Святитель Тихон 2013: 22–34). В годы Первой мировой войны и особенно после Февральской революции США активно входили в революционную Россию, стремясь упрочить здесь своё влияние (Ганелин 1969: 81–177). Вся эта проблематика нуждается в дальнейшем изучении.

Занятие московской кафедры дало возможность святителю Тихону быть избранным 18 августа того же 1917 года председателем Поместного Собора в Москве и привело его в конечном счёте к патриаршеству. Таким образом, мы можем констатировать, что продвижение будущего патриарха Тихона в самый центр разворачивающихся событий было напрямую связано с церковной революцией. Он был поднят наверх революцией, однако он же и встал на её пути.

На протяжении весны-осени 1917 года развивались две церковно-политические тенденции. Одна из них была связана с церковной революцией, в ходе которой в Русской Церкви утверждалось выборное начало снизу доверху, архиереи изгонялись с кафедр, новые или прежние архипастыри проходили через избрание на епархиальных съездах. Вторая была связана с противодействием церковной революции со стороны иерархического начала.

Решение Поместного Собора в октябре 1917 года о необходимости избрания патриарха вызвало бурные протесты у значительной части соборян. В отделе «О высшем церковном управлении» 32 члена высказались против этого решения, доказывая, что единоличная патриаршая власть не только нарушает принцип соборности, но, по словам профессора И. М. Громогласова, не вызвана «ни каноническими, ни церковными основаниями». Против патриаршества активно высказывались профессор А. И. Бриллиантов и Б. В. Титлинов. Они рассматривали Церковь как общественное образование, доказывали, что патриаршество — институт монархического характера, а соборность подразумевает церковно-республиканский строй, основанный на выборах. 28 октября 1917 года при голосовании о восстановлении патриаршества Собор

разделился практически пополам: 141 голос за, 112 против (Сафонов 2019: 20–21).

Всё это показывало мощь церковно-демократической тенденции, стремления к «собороправству». Она была совершенно естественной, так как доминировала в церковном сознании в предшествующие многие десятилетия. Тем не менее 5 ноября 1917 года в Храме Христа Спасителя по жребию был избран патриарх Тихон. При этом при голосовании на Поместном Соборе из 25 кандидатов наибольшее число голосов (101) получил архиепископ Антоний (Храповицкий), известный правый мыслитель, проповедник, издатель и политик (Сафонов 2019: 21–22).

Таким образом, патриарх Тихон был избран вопреки желанию соборного большинства — как противников патриаршества в принципе, так и сторонников других кандидатов. Однако Господь указал именно на него в Своём жребии. Так воля Божия через патриаршество стала ограничением «собороправства», то есть церковного демократизма, республиканизма.

Патриаршество как институт стало ограничителем для церковной демократии. Однако, так как республиканская идея в Церкви оставалась очень сильной, решения Поместного Собора 1917–1918 годов в отношении устройства Высшего Церковного Управления оказались компромиссными. Доцент по кафедре церковного права Московской духовной академии, ставленник архиепископа Феодора (Поздеевского) Н. Д. Кузнецов, который являлся одним из наиболее авторитетных правоведов на Соборе, требовал максимально ограничить круг полномочий патриарха. Однако архимандрит Иларион (Троицкий), будущий священномученик, утверждал, что недостаточно указать только на возглавление патриархом Синода и Высшего Церковного Совета, необходимо указывать, что «всё Церковное Управление», то есть вообще вся высшая церковная власть восходят к патриарху «как главе» (Сафонов 2019: 22).

Таким образом, не столько юридически, сколько церковно-онтологически патриарх начинает восприниматься как Глава Церкви.

Система церковного управления, согласно решениям Поместного Собора 1917–1918 годов, выглядела следующим образом. Архиерей избирался клиром и мирянами епархий. Однако в примечании указывалось, что «в исключительных и чрезвычайных случаях, ради блага церковного, допускается назначение и перемещение архиереев высшею

церковною властью»⁵. Так как очень быстро вся вообще жизнь страны приняла «исключительный и чрезвычайный» характер, патриарх Тихон, как увидим ниже, будет активно пользоваться этим примечанием. На три года избиралось Епархиальное собрание, состоящее из клириков и мирян, которое, в свою очередь, избирало членов Епархиального Совета, Епархиального Суда и других должностных лиц⁶.

Было установлено, что «в Православной Российской Церкви высшая власть — законодательная, административная, судебная и контролирующая — принадлежит Поместному Собору, периодически, в определённые сроки созываемому, в составе епископов, клириков и мирян»⁷. Высшее Церковное Управление состояло из Священного Синода, Высшего Церковного Совета и их соединённого присутствия. Священный Синод состоял из председателя — патриарха и двенадцати членов. Из них только один иерарх, Киевский митрополит, был постоянным, шесть иерархов избирались Поместным Собором на три года, пять иерархов кооптировались на основе ежегодного вызова по очереди. Высший Церковный Совет, занимающийся хозяйственными и просветительскими делами, а также осуществляющий функции ревизии и контроля, состоял из председателя — патриарха и пятнадцати членов, причём три иерарха, члена Синода, делегировались последним, а остальные избирались на межсоборный срок в три года⁸.

Таким образом, вся церковная система была пронизана выборами, снизу доверху. Раз в три года выборы предполагались всеобщими, на Поместный Собор. Патриарх созывал Соборы и председательствовал на них, председательствовал в Священном Синоде и Высшем Церковном Совете, являлся представителем Церкви перед государственной властью, сносился с Автокефальными Поместными Церквами, мог обращаться ко всей Русской Церкви с учительными посланиями и пастырскими

⁵ Об епархиальном управлении. — Поместный Собор 1917–1918. Тексты Поместного Собора Православной Российской Церкви (1917–1918). — URL: <http://sobornost.online/2019/06/01/5-ob-eparhialnom-upravlenii/> (дата обращения: 29.02.2024).

⁶ Там же.

⁷ О высшем управлении Православной Российской Церкви. — Поместный Собор 1917–1918. Тексты Поместного Собора Православной Российской Церкви (1917–1918). — URL: <http://sobornost.online/2019/06/01/1-o-vysshem-upravlenii-pravoslavnoj-rossijskoj-czerkvi/> (дата обращения: 29.02.2024).

⁸ О Священном Синоде и Высшем Церковном Совете. — Поместный Собор 1917–1918. Тексты Поместного Собора Православной Российской Церкви (1917–1918). — <http://sobornost.online/2019/06/01/3-o-svyashhennom-sinode-i-vysshem-czerkovnom-sovete/> (дата обращения: 29.02.2024).

воззваниями. Он же давал отпуска архиереям и принимал жалобы на них, мог посещать епархии⁹.

10 августа 1918 года Поместный Собор принял постановление «О местоблюстителе патриаршего престола». Ни о каком назначении патриархом при жизни своего местоблюстителя там речь не шла. В случае «освобождения патриаршего престола» на время «междупатриаршества» соединённое присутствие Священного Синода и Высшего Церковного Совета избирало местоблюстителя, главной задачей которого был созыв нового Поместного Собора для избрания патриарха¹⁰. Передача патриаршей власти по наследству конечно же не предусматривалась.

Патриарх Тихон стал активно пользоваться патриаршей властью. Уже 28 ноября 1917 года он издал указ о возведении в сан митрополита пяти старейших архипастырей Православной Российской Церкви, среди которых был и будущий патриарх, тогда архиепископ Владимирский и Шуйский Сергей (Страгородский), которого в тот же день чуть раньше патриарх Тихон утвердил в его должности на основании избрания епархией (Сафонов 2019: 23). 15 декабря 1917 года от лица «православного русского народа» патриарх Тихон направил поздравление королю Великобритании по поводу взятия Иерусалима английскими войсками, ознаменовавшего «начало освобождения Святой земли от иноверного владычества» (Акты 1994: 68). 11 января 1918 года он обратился с братским призывом к грузинским епископам-автокефалистам (Акты 1994: 71–75).

23 января 1918 года патриарх Тихон своим указом назначил временно управляющим Рижской епархией новохиротонисанного епископа Ревельского Платона (Кульбуша) (Акты 1994: 77), 1 апреля того же года вместе со Священным Синодом постановил викарию Оренбургской епархии епископу Челябинскому Серафиму быть епископом Полоцким и Витебским, а архиепископу Тамбовскому и Шацкому Кириллу (Смирнову), будущему священномученику, быть митрополитом Тифлиским и Бакинским, экзархом Кавказским (Акты 1994: 113–114). Причём когда 4 июля 1918 года, уже во

⁹ О правах и обязанностях Святейшего Патриарха Московского и всея России. — Поместный Собор 1917–1918. Тексты Поместного Собора Православной Российской Церкви (1917–1918). — <http://sobornost.online/2019/06/01/2-o-pravah-i-obyazannostyah-svyatejshego-patriarha-moskovskogo-i-vseya-rossii/> (дата обращения: 29.02.2024).

¹⁰ О местоблюстителе патриаршего престола. — Поместный Собор 1917–1918. Тексты Поместного Собора Православной Российской Церкви (1917–1918). — <http://sobornost.online/2019/06/01/31-o-mestoblyustitele-patriarshego-prestola/> (дата обращения: 29.02.2024).

время пребывания митрополита Кирилла в Баку, епархиальный съезд в Нижнем Новгороде избрал его на Нижегородскую кафедру (216 голосами из 324), то патриарх Тихон, вопреки этому демократическому избранию, категорически настоял на оставлении будущего священномученика Кирилла в прежней должности митрополита Тифлисского и Бакинского. Затем это решение патриарх Тихон провёл 21 октября 1918 года через решение Синода (Мазырин: 365).

На протяжении 1919–1921 годов были совершены как минимум 83 архиерейские хиротонии. Известный исследователь реформ епархиального управления архиепископ Зеленоградский Савва (Тутунов) подчёркивал, что о практике избрания епископов епархиальными собраниями на основании решений Поместного Собора 1917–1918 годов практически ничего не известно (Савва (Тутунов) 2011: 381). И хиротонии, и назначения, таким образом, оказывались в значительной степени прерогативой Святейшего Патриарха и Священного Синода. Хотя так нельзя сказать именно обо всех архиерейских хиротониях. В своём первом после выхода из заключения послании к пастве 28 июня 1923 года патриарх Тихон писал, что из 60 прибывших на Второй Всероссийский Поместный собор, принявший решение о «лишении» его сана и монашества, он знает только «человек 10–15». «А где же прежние?» — задавал он риторический вопрос (Акты 1994: 284). Таким образом, можно констатировать, что именно хиротонии архиереев стали предметом борьбы вокруг усиливающейся патриаршей власти и её противников из числа республиканско-демократического духовенства, защищавшего «собороправство».

Однозначно актами патриаршей власти были известные послания патриарха Тихона от 19 января 1918 года об анафематствовании творящих беззакония и гонителей веры и Церкви Православной (Акты 1994: 82–85) и от 18 марта того же года по поводу Брестского мира (Акты 1994: 107–109), известное постановление № 362 от 20 ноября 1920 года о том, как действовать епархиям в случае прекращения деятельности Высшего Церковного Управления во главе с Патриархом (Акты 1994: 169), указы о даровании широкой церковной автономии вновь возникшим Эстонской и Финляндской Православным Церквам (Акты 1994: 173).

Прямым действием патриаршей власти было и завещательное распоряжение патриарха Тихона о назначении Местоблюстителей Патриаршего престола, чему в 1923 году возмущался лидер обновленцев лжемитрополит Александр Введенский (Акты 1994: 87).

1921 год стал коренным рубежом укрепления самостоятельности патриаршей власти. В сентябре 1918 года Поместным Собором было принято постановление, согласно которому патриарху поручалось собрать новый Собор весной 1921 года, а полномочия членов Священного Синода и Высшего Церковного Совета продлевались до избрания этих органов на новом Соборе¹¹. Однако уже в декабре 1920 года стало ясно, что без нормализации отношений с Советской властью созыв Собора невозможен. Между тем часть избранных Поместным Собором 1917–1918 годов членов Высшего Церковного Управления находилась в заключении и ссылках, часть покинула Россию. Начинается процесс кооптации новых членов в состав Высшего Церковного Управления на основе, не предусмотренной соборными постановлениями. Причём особенно примечательно, что инициатором данных перемен стал митрополит Сергей (Страгородский), будущий патриарх (Сафонов 2019: 61–63). Эти события явились концом демократического «собороправства» в рамках Патриаршей Церкви. Далее инициатива в вопросе развития церковной демократии перешла уже к обновленцам.

Периодические выборы органов церковного управления снизу доверху с самого начала предполагали наличие внутрицерковных партий. Первой такой протопартией в 1905 году стал «Союз церковного обновления», созданный на основе петербургской «группы 32-х». Он являлся именно прообразом партии, так как предполагал широкую агитацию в различных епархиях за программу церковных реформ. Союз претендовал на создание всероссийской организации (Балакшина 2015: 96). 7 марта 1917 года часть бывших членов «Союза церковного обновления» создала в Петрограде «Всероссийский союз православного демократического духовенства и мирян». Стремление к демократическим преобразованиям в Церкви сочеталось в нём с идеями «республики и социализма» (Федоров 2005: 686). Наконец в условиях жесточайшего церковно-политического кризиса в 1922 году при поддержке ГПУ возникает внутрицерковная группа «Живая церковь», которая ставила своей целью не только ликвидацию патриаршества и углубление демократических реформ в Церкви, но и активно

¹¹ О созыве очередного Собора и о полномочиях членов Священного Синода и Высшего Церковного Совета см.: Поместный Собор 1917–1918. Тексты Поместного Собора Православной Российской Церкви (1917–1918). — URL: <http://sobornost.online/2019/06/01/33-o-sozyve-ocherednogo-sobora-i-o-polnomochiyah-chlenov-svyashhennogo-sinoda-i-vysshego-czerkovnogo-soveta/> (дата обращения: 29.02.2024).

продвигала хиротонии собственного епископата (Соловьев 2005: 168–170).

Если бы не осуществился большевистский переворот и жизнь Русской Церкви не была бы столь разрушена, как на рубеже 20-х годов XX столетия, можно было бы ожидать развития не только республиканско-демократических и социалистических, но и иных внутрицерковных партий, которые отстаивали бы свои позиции на выборах. Но именно гонения объективно послужили остановке этих процессов.

В апреле 1923 года Московский епархиальный съезд принял «политическую резолюцию», в которой отмечалось, что «пятилетнее управление церковью патриарха Тихона имело определённую цель сохранить в церкви старый... быт в надежде восстановления падшего самодержавия» (Конфессиональная политика 2017: 442).

Обновленцы на своём так называемом Втором Всероссийском церковном соборе в мае 1923 году выдвинули в адрес патриарха Тихона обвинения в узурпации церковной власти. В своём постановлении от 3 мая 1923 года собор, подчёркивая «контрреволюционный характер деятельности патриарха Тихона», который в силу этого объявлялся им «отступником от подлинных заветов Христа» и «предателем церкви», одновременно ликвидировал патриаршество вообще. Мотивация при этом была такой: «Осуждая бывшего патриарха Тихона, как вождя не церковного, а контрреволюционного, собор признаёт, что и самое восстановление патриаршества было актом определённо политическим, контрреволюционным» (Конфессиональная политика 2017: 442). При этом подчёркивалось: «Древняя церковь не знала патриаршества, а управлялась соборно» (Конфессиональная политика 2017: 442). Поэтому обновленческий собор провозгласил упразднение патриаршества и утвердил строй, который получил название «собороправства».

Особенно упорная информационно-публицистическая борьба за «собороправство» разгорелась после смерти патриарха Тихона в 1925 году. К моменту публикации «Декларации» митрополита Сергия (Страгородского) можно констатировать окончательное теоретическое оформление в России идей внутрицерковной демократии.

Обновленцы из Российской православной церкви (Р.П.Ц.), оформленной на Втором Всероссийском Поместном соборе в 1923 году, пришли к своему форуму уже с несколькими епископами, хиротонисанными в брачном состоянии. В итоге на соборе они признали

«равночестность» «брачного» и «безбрачного» епископата (Поместный собор 1997: 844–867).

Однако у обновленцев существовало чёткое понимание того, что они вышли за рамки канонических норм. Дело в том, что к 1925 году, к моменту проведения так называемого Третьего Всероссийского Поместного собора (второго обновленческого), обновленцы вернулись к традиционному характеру богослужения, храмового устройства и даже юлианскому календарю — просто потому, что иначе от них отворачивались остатки прихожан. Впрочем, обновленцы и раньше в своей массе не служили на русском языке (буквально несколько общин перешли на него), не снимали иконостас и тем более не выносили престол на середину храма (известны два случая с 1918 по 1925 год и оба не в обновленческой Р.П.Ц.). Главным их отличием от Патриаршей Церкви являлась развитая республиканская система церковного устройства, а также наличие части женатых епископов. Эти явления осмысливались в контексте модернизации канонического права, что было возможно только на Вселенских соборах. С приходом на константинопольскую кафедру патриарха Мелетия (Метаксакиса) был поставлен вопрос о проведении такого собора. Его планировали созвать сначала в 1923-м, затем в 1925 годах. Обновленческий Синод создал специальную предсоборную комиссию, в «Вестнике Священного Синода Православной российской церкви» публиковалась масса полемических материалов о необходимости канонической реформы на уровне Вселенского Православия (Виталий (Уткин) 2022: 168–169).

В контексте республиканского мышления обновленцев Вселенский собор представлялся собранием демократически избранных представителей Поместных Церквей, собираемых раз в три-пять лет. Такое представительство надстраивало на Вселенском уровне всю демократическую систему, сложившуюся в ходе длительной политической борьбы русского белого духовенства за самоопределение и эмансипацию от иерархической власти. Более того, обновленцы предполагали пользоваться на международной арене в проведении своей программы силой СССР, соединить «самые передовые» церковно-демократические идеи с привлекательностью «самого передового общественного строя», победившего в ходе социальной революции (Виталий (Уткин) 2022: 170–171).

В итоге такого завершения русской демократической церковной революции с возглавлением ею Вселенского Православия можно было бы ожидать очень быстрой трансформации как канонического строя, так

и догматического вероучения, но уже в масштабе не только России, но и всей Православной Церкви в целом. То, что Советская власть в итоге не поддержала данные устремления, с точки зрения православного христианина трудно не рассматривать как действие Промысла Божия.

На теоретическом уровне «собороправство» было подробно разработано одним из видных участников григорианского раскола епископом Можайским Борисом (Рукиным) в его работе «О современном положении Русской Православной Патриаршей Церкви», изданной в феврале 1927 года. В ней епископ Борис настаивал, что деятельность митрополита Сергия (Страгородского) «представляет собой сплошное нарушение церковных канонов, кощунственное ниспровержение догматов Православия, оскорбление христианства в самой его сущности», и именно потому, что митрополит Сергей «повёл управление церковное единолично, самодержавно, усвоивши себе права, каких не имел патриарх, а в некоторых случаях даже Римский папа», причём «единоличное управление Церковью проводилось не случайно, а вполне сознательно, можно сказать, злонамеренно» (Лавринов 2018: 252–253).

Епископ Борис подчёркивал, что митрополит Сергей (Страгородский) упраздняет «догмат соборности», так как «единолично назначает и увольняет епископов и запрещает их в священнослужении», из-за чего сам он, с точки зрения автора брошюры, «не может быть не только епископом, но и простым православным христианином» (Лавринов 2018: 254).

Епископ Борис настаивает на православности утверждения о равенстве всех епископов, заявляет, что «патриархи никогда не были Главами Церкви, как утверждали и утверждают некоторые сторонники митрополита Сергия, допуская явную ересь» (Лавринов 2018: 250–251). Он опровергает утверждения, что «Патриарх есть орган Вселенского сознания Православной Церкви» или «уже особая, четвёртая степень священства», настаивает на связи подобной идеи с учением о Римском папе и противопоставляет такие утверждения «соборности» (Лавринов 2018: 254).

Однако, при обращении к особенностям интронизации московских митрополитов и затем московских патриархов до Никона включительно, мы видим совершенно устойчивую традицию повторной хиротонии, не имевшейся у греков. Даже если они уже были при поставлении на кафедру епископами, над ними совершалось новое архиерейское рукоположение, а в традициях патриаршего облачения присутствовали две епитрахили — одна надевалась как обычно, а вторая была нашита на патриарший

саккос (Желтов 2010: 128). При суде над патриархом Никоном повторная хиротония вменялась греками и правительственными чиновниками ему в вину, а он настаивал на её правильности («от испервых, како начася в царствующем граде Москве патриаршеский стол») и указывал, что патриарх Иов имел целых три архиерейские хиротонии (Севастьянова 2013: 34–36).

Таким образом, в русском церковном самосознании по никоновскую эпоху включительно сначала московский митрополит, затем патриарх действительно рассматривались не просто как обычный епископ, а как Глава Поместной Церкви. Этот вопрос, безусловно, нуждается в дальнейшей историко-канонической разработке.

Однако можно констатировать, что именно единоличная патриаршая власть, которая онтологически присутствует в постреволюционной Русской Церкви, по словам митрополита Сергия (Страгородского), «во всём её объёме» вне зависимости от именованного первого лица и положила предел более чем полувекового стремления к внутрицерковному республиканизму. В противном случае, как показывали планы обновленцев, при поддержке церковно-демократических тенденций со стороны Советской власти могла бы произойти подмена известного в истории феномена Вселенского собора на демократическое представительство Поместных Церквей, способное за короткий срок разрушить Вселенское Православие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / сост. и авт. примеч. М. Е. Губонин. — М. : Изд-во православ. Свято-Тихонов. богослов. ин-та : Братство во имя Всемилоственного Спаса, 1994. — 1063 с.

Балакшина Ю. В. Братство ревнителей церковного обновления (группа «32-х» петербургских священников), 1903–1907 : документальная история и культурный контекст. — 2-е изд., испр. — М. : Свято-Филаретовский православно-христианский ин-т, 2015. — 421 с.

Виталий (Уткин И. Н.), игум. Н. Тема Вселенского собора в обновленческой печати 20-х годов XX века // Вестник Омской православной духовной семинарии. — 2022. — № 13. — С. 168–173.

Виталий (Уткин И. Н.), игум. Политические идеи и политическая борьба дореволюционного русского духовенства (на примере Рязанской епархии) // Ортодоксия. — 2021. — № 1. — С. 125–159.

Ганелин Р. Ш. Россия и США : Очерки истории рус.-америк. отношений. 1914–1917 / АН СССР. Ин-т истории СССР. Ленингр. отделение. — Л. : Наука. Ленингр. отделение, 1969. — 417 с.

Желтов Михаил, свящ. Интронизация // Православная энциклопедия. Т. XXIII. — М. : ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2010. — С. 124–131.

История Русской церкви. Кн. 9: 1917–1997 / Протоиерей Владислав Цыпин. — М. : Изд-во Спасо-Преображ. Валаам. монастыря, 1997. — 830, [1] с.

К церковному собору : сб. / Группа петерб. священников. — СПб. : тип. М. Меркушева, 1906. — [2], X, 220 с.

Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 : документы и материалы : в 6 т. / Архив Президента Российской Федерации (АП РФ) [и др.]. Т. 1, Кн. 4: 1917–1924 гг. Кн. 4: Религиозные объединения, духовенство и верующие, общественные организации и граждане о вероисповедной политике советского государства и религиозной ситуации в стране. Т. 1, Кн. 4 / сост. М. И. Одинцов (ответственный составитель) [и др.]. — М. : РОССПЭН, 2017. — 797, [1] с.

Лавринов Валерий, прот. Временный Высший Церковный Совет и его роль в истории Русской Православной Церкви (1925–1945). — М. : Общество любителей церковной истории, 2018. — 603 с.

Мазырин Александр, свящ. Кирилл (Смирнов) // Православная энциклопедия. Т. XXXIV. — М. : ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2014. — С. 362–377.

Митрополит Сергей (Страгородский). Творения / сост. Т. Г. Сидаш. — СПб. : Издательский проект «Квадривиум», 2020. — 751 с.

Поместный собор Российской Православной церкви 1923 года (обновленческий). Бюллетени // История Русской Православной Церкви. Новый патриарший период. Т. 1. 1917–1970 / под ред. М. Д. Данилушкина. — СПб. : Воскресение, 1997. — С. 842–867.

Послание Святейшего Правительствующего Синода ко всероссийской пастве : «К верным чадам Православной Российской Церкви» // Церковные ведомости. — 1917. — № 9–15. — С. 57.

Ради мира церковного: Жизненный путь и архипастырское служение святителя Агафангела, митрополита Ярославского, исповедника. Книга вторая / сост. И. Г. Минькова, при участии диакона Александра Мазырина и Е. И. Большаковой. — М. : Изд-во ПСТГУ, 2006. — 568 с.

Рогозный П. Г. Православная церковь и русская революция : очерки истории 1917–1920. — М. : Весь мир, 2018. — 303 с.

Савва (Тутунов), архиеп. Епархиальные реформы : круглый стол по религиозному образованию и диаконии : дискуссии в Православной Российской Церкви начала XX века : Поместный Собор 1917–1918 гг. и предсоборный период. — М. : Духовная библиотека, 2011. — 495 с.

Сафонов Дмитрий, свящ. Святитель Тихон, патриарх Московский и всея России, и его время. — 2-е изд. — М. : Познание, 2019. — 601, [2] с.

Святитель Тихон. Патриарх Московский и всея России: сб. / сост. А. А. Маркова — М. : Благовест, 2013. — 509, [1] с.

Священномученик Архиепископ Уфимский Андрей (Ухтомский). Труды / сост. Т. Г. Сидаш, С. Д. Сапожникова; статья Т. Г. Сидаша. — СПб. : Свое издательство, 2013. — 1284 с.

Священномученик Иосиф, митрополит Петроградский: Жизнеописание и труды / сост. М. С. Сахаров и Л. Е. Сикорская. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Братонез ; СПб. : Кифа, 2011. — 648 с.

Севастьянова С. К. Повторная хиротония в трактовке патриарха Никона. — Сибирский филологический журнал. — 2013. — № 4. — С. 30–36.

Сергий (Страгородский), архиеп. О составе ожидаемого чрезвычайного поместного собора русской Церкви // Церковный вестник. — 1905. — № 51–52. — С. 1608–1612.

Соловьёв Илья, свящ. «Живая церковь» // Православная энциклопедия. Т. XIX. — М. : ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2008. — С. 168–172.

Фёдоров В. А. Всероссийский союз демократического духовенства и мирян // Православная энциклопедия. Т. IX. — М. : ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2005. — С. 686.

Шкаровский М. В. Иосиф (Петровых) // Православная энциклопедия. Т. XXV. — М. : ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2011. — С. 649–653.

Сведения об авторе:

Игумен Виталий (И. Н. Уткин) — кандидат политических наук, доцент кафедры богословия Российского православного университета святого Иоанна Богослова, секретарь Архиерейского совета Ивановской митрополии, 127051, Россия, Москва, Крапивенский пер., 4, e-mail: inok_vitl@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 03.02.2024; одобрена после рецензирования 11.02.2024; принята к публикации 21.02.2024.

Hegumen Vitaly (I. N. Utkin)

RUSSIAN ORTHODOX UNIVERSITY OF SAINT JOHN THE DIVINE, MOSCOW, RUSSIA

“The Patriarchal Authority Always Remains Present in the Church in its Entirety”: Patriarch Tikhon, Metropolitan Sergius (Stragorodsky) and the Ideas of Church Democracy

Abstract. The sharp criticism expressed by opponents towards Patriarch Tikhon and Metropolitan Sergius (Stragorodsky) was not so much related to their complimentary statements towards the Soviet government (Patriarch Tikhon’s such statements have been known since 1923), but rather to their methods of governance. Opponents believed that Patriarch Tikhon and Metropolitan Sergius were dismantling the established church democracy that had emerged as a result of the Local Council of 1917–1918. In the early 20th century, such democracy was called conciliarity, which

implied church representation, a system of elections from the bottom up with a periodicity of several years. The ideas of intra-church republicanism were actively developing throughout the second half of the 19th and early 20th centuries. The system of representative church institutions established after the spiritual-school reform at the deanery and diocesan levels served as a school of democracy for the Russian clergy for half a century. Republican ideas were still strong at the Local Council of 1917–1918. They were the main basis for opposing the plans to introduce patriarchy. The ordinations of married priests to bishops without taking monastic vows by the renewalists, and then the recognition of a married episcopate at the so-called Second All-Russian Local Council of 1923, led the R.O.C. (Russian Orthodox Church) of the renewalists beyond the canonical field, which the renewalists were well aware of. Therefore, they sought to superimpose the church democratic system that had formed within their structures after the “abolition” of patriarchy in 1923 to a universal level. Together with the Greeks, the renewalists developed plans for the periodic regular holding of representative assemblies of Local Churches, which they called Universal Councils. These councils were envisaged as a radical transformation of both the canonical structure and, subsequently, the dogmatic teachings of the Orthodox Church. Thus, under favorable historical circumstances, the development of Russian church republicanism could fundamentally undermine the foundations of Universal Orthodoxy. However, patriarchal authority in post-revolutionary Russia stood in the way of these plans. Such actions by the patriarchal authority require a closer look at the perception of the Moscow metropolitan, and then the patriarch in the Russian church consciousness of the 15th–17th centuries, where the fact of repeated episcopal ordination indicates that the Head of the Church was not simply one of the bishops.

Keywords: Church, Patriarch Tikhon, Metropolitan Sergius, authority, renewalism, church democracy, republicanism, elections, council, ordinations

For citation: Vitaly (Utkin, I. N.), Hegumen. (2024). “The Patriarchal Authority Always Remains Present in the Church in its Entirety”: Patriarch Tikhon, Metropolitan Sergius (Stragorodsky) and the Ideas of Church Democracy. *Orthodoxia*, (2), 206–233. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-2-206-233

REFERENCES:

Akty Sviateishego Tikhona, Patriarkha Moskovskogo i vseia Rossii, pozdneishie dokumenty i perepiska o kanonicheskom preemstve vysshei tserkovnoi vlasti, 1917–1943 [Acts of His Holiness Tikhon, Patriarch of Moscow and All Russia, Later Documents and Correspondence on the Canonical Succession of the Supreme Church Authority, 1917–1943]. (1994). Moscow : Izd-vo Pravoslav. Sviato-Tikhonov. bogoslov. in-ta : Bratstvo vo imia Vsemilostivogo Spasa. [In Russian].

Balakshina, Iu. V. (2015). *Bratstvo revnitelei tserkovnogo obnoveniia (gruppa “32-kh” petersburgskikh sviashchennikov), 1903–1907 : dokumental’naia istoriia i kul’turnyi kontekst* [Brotherhood of Zealots of Church Renewal (a Group of “32” St. Petersburg Priests), 1903–1907 : Documentary History and Cultural Context]. Moscow : Sviato-Filaretovsky pravoslavno-khristiansky in-t. [In Russian].

Vitaly (Utkin I. N.), Hegumen. (2022). Tema Vselenskogo sobora v obnovencheskoi pečati 20-kh godov XX veka [The Theme of the Ecumenical Council in the Renovationist Press of the 20s of the XX Century]. *Vestnik Omskoi pravoslavnoi dukhovnoi seminarii*, (13), 168–173. [In Russian].

Vitaly (Utkin I. N.), Hegumen. (2021). Politicheskie idei i politicheskaia bor’ba dorevoliutsionnogo russkogo dukhovenstva (na primere Riazanskoi eparkhii) [Political Ideas and the Political Struggle of the Pre-Revolutionary Russian Clergy (on the Example of the Ryazan Diocese)]. *Orthodoxia*, (1), 125–159. [In Russian].

Ganelin, R. Sh. (1969). *Rossia i SShA : Ocherki istorii rus.-amerik. otnoshenii. 1914–1917* [Russia and the USA : Essays on the History of the Russian-Americas. Relationships. 1914–1917]. Leningrad : Nauka. Leningr. otd-nie. [In Russian].

Zheltoy, M., Priest. (2010). Intronizatsiia [Enthronement]. In *Pravoslavnaia entsiklopediia* (Vol. XXIII, pp. 124–131). Moscow : TsNTs “Pravoslavnaia entsiklopediia”. [In Russian].

Istoriia Russkoi tserkvi. Kn. 9: 1917–1997 [The History of the Russian Church. Book 9: 1917–1997]. (1997). Moscow : Izd-vo Spaso-Preobrazh. Valaam. monastyria. [In Russian].

K tserkovnomu soboru : sb. [To the Church Synod : Collection]. (1906). Saint Petersburg : tip. M. Merkusheva. [In Russian].

Konfessional’naia politika sovetskogo gosudarstva. 1917–1991 : dokumenty i materialy : v 6 t. [The Confessional Policy of the Soviet State. 1917–1991 : Documents and Materials : in Six Volumes]. (2017). Moscow : ROSSPEN. [In Russian].

Lavrinov, V., Archpriest. (2018). *Vremennyi Vysshy Tserkovnyi Sovet i ego rol' v istorii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi (1925–1945)* [The Provisional Supreme Church Council and Its Role in the History of the Russian Orthodox Church (1925–1945)]. Moscow : Obshchestvo liubitelei tserkovnoi istorii. [In Russian].

Mazyrin, A., Priest. (2014). Kirill (Smirnov). In *Pravoslavnaia entsiklopediia* (Vol. XXXIV, pp. 362–377). Moscow : TsNTs “Pravoslavnaia entsiklopediia”. [In Russian].

Metropolitan Sergius (Stragorodsky). (2020). *Tvoreniia* [Creations]. Saint Petersburg : Izdatel'sky proekt “Kvadrivium”. [In Russian].

Pomestnyi sobor Rossiiskoi Pravoslavnoi tserkvi 1923 goda (obnovlencheskii). Biulleteni [The Local Synod of the Russian Orthodox Church in 1923 (Renovationist). Bulletins]. (1997). In *Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. Novyi patriarskii period* (Vol. 1. 1917–1970, pp. 842–867). Saint Petersburg : Voskresenie. [In Russian].

Poslanie Sviatetskogo Pravitel'stvuiushchego Sinoda ko vserossiiskoi pastve : “K vernym chadom Pravoslavnoi Rossiiskoi Tserkvi” [The Message of the Holy Governing Synod to the All-Russian Flock : “To the Faithful Children of the Orthodox Russian Church”]. (1917). *Tserkovnye vedomosti*, (9–15), 57. [In Russian].

Radi mira tserkovnogo: Zhiznennyi put' i arhipastyrskoe sluzhenie sviatitelia Agafangela, mitropolita Iaroslavskogo, ispovednika. Kniga vtoraiia [For the Sake of Church Peace: The Life Path and Archpastoral Ministry of St. Agafangel, Metropolitan of Yaroslavl, Confessor. Book Two]. (2006). Moscow : Izd-vo PSTGU. [In Russian].

Rogoznyi, P. G. (2018). *Pravoslavnaia tserkov' i russkaia revoliutsiia : ocherki istorii 1917–1920* [The Orthodox Church and the Russian Revolution : Essays on the History of 1917–1920]. Moscow: Ves' mir. [In Russian].

Savva (Tutunov), Archbishop. (2011). *Eparkhial'nye reformy : kruglyi stol po religioznomu obrazovaniiu i diakonii : diskussii v Pravoslavnoi Rossiiskoi Tserkvi nachala XX veka : Pomestnyi Sobor 1917–1918 gg. i predsobornyi period* [Diocesan Reforms : a Round Table on Religious Education and Deaconry : Discussions in the Orthodox Russian Church of the Early Twentieth Century : The Local Council of 1917–1918 and the Pre-Council Period]. Moscow : Dukhovnaia biblioteka. [In Russian].

Safonov, D., Priest. (2019). *Sviatitel' Tikhon, patriarkh Moskovskii i vseia Rossii, i ego vremia* [St. Tikhon, Patriarch of Moscow and All Russia, and His Time]. Moscow : Poznanie. [In Russian].

Sviatitel Tikhon. Patriarkh Moskovskiy i vseia Rossii: sb. [St. Tikhon. Patriarch of Moscow and All Russia: [Collection]]. (2013). Moscow : Blagovest. [In Russian].

Sviashchennomuchenik Arkhiepiskop Ufimsky Andrei (Ukhtomsky). Trudy [Hieromartyr Archbishop Andrey of Ufa (Ukhtomsky). Works]. (2013). Saint Petersburg : Svoe izdatel'stvo. [In Russian].

Sviashchennomuchenik Iosif, mitropolit Petrogradsky: Zhizneopisanie i trudy [Hieromartyr Joseph, Metropolitan of Petrograd: Biography and Writings]. (2011). Moscow : Bratonezh; SPb.: Kifa. [In Russian].

Sevastianova, S. K. (2013). Povtornaia khironiia v traktovke patriarkha Nikona [Repeated Ordination in the Interpretation of Patriarch Nikon]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*, (4), 30–36. [In Russian].

Sergy (Stragorodsky), Archbishop. (1905). O sostave ozhidaemogo chrezvychainogo pomestnogo sobora russkoi Tserkvi [On the Composition of the Expected Extraordinary Local Council of the Russian Church]. *Tserkovnyi vestnik*, (51–52), 1608–1612. [In Russian].

Solovev, I., Priest. (2008). “Zhivaia tserkov” [“The Living Church”]. In *Pravoslavnaia entsiklopediia* (Vol. XIX, pp. 168–172). Moscow : TsNTs “Pravoslavnaia entsiklopediia”. [In Russian].

Fedorov, V. A. (2005). Vserossiiskii soiuz demokratcheskogo dukhovenstva i mirian [All-Russian Union of Democratic Clergy and Laity]. In *Pravoslavnaia entsiklopediia* (Vol. IX, p. 686). Moscow : TsNTs “Pravoslavnaia entsiklopediia”. [In Russian].

Shkarovsky, M. V. (2011). Iosif (Petrovykh). In *Pravoslavnaia entsiklopediia* (Vol. XXV, pp. 649–653). Moscow : TsNTs “Pravoslavnaia entsiklopediia”. [In Russian].

About the author:

Hegumen Vitaly (I. N. Utkin) — Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Theology at the Russian Orthodox University of Saint John the Divine, Secretary of the Bishops' Council of the Ivanovo Metropolia, 4, Krapivensky pereulok, Moscow, Russia, 127051, e-mail: inok_vitl@mail.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 03.02.2024; approved after reviewing 11.02.2024; accepted for publication 21.02.2024.

А. Н. Кашеваров

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ

Митрополит Сергей и «Журнал Московской Патриархии» в 1931–1935 годах

Аннотация. После окончания Гражданской войны Московская Патриархия могла издавать только настольные календари, выходившие до 1925 года. Это была единственная и очень ограниченная возможность для высшей церковной власти публиковать лишь некоторые свои постановления и распоряжения. Поэтому митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский), вступивший 14 декабря 1925 года в исполнение обязанностей Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, в ряду первоочередных задач по налаживанию церковной жизни ставил издание официального периодического органа Патриархии. Одним из главных достижений митрополита Сергея в это время явилось разрешение властей на издание «Журнала Московской Патриархии», который выходил с 1931 по 1935 год. Он был невелик по объёму — от 8 до 14 страниц вместе с календарными материалами и издавался малым тиражом — всего 3 тысячи экземпляров. Реально журнал выходил один раз в 2–4 месяца. Его издателем выступал сам митрополит Сергей. Большая часть материалов, публиковавшихся в 1930-е годы в «Журнале Московской Патриархии», связана с деятельностью

Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного при нём Патриаршего Священного Синода. Важное место в журнале по праву занимали послания, письма и резолюции митрополита Сергия по различным вопросам церковной жизни. Опубликованные в журнале материалы позволяют выделить и изучить основные направления деятельности и механизмы функционирования высшей церковной власти в конце 1920-х — первой половине 1930-х годов. Анализ этих материалов убедительно показывает, что, во-первых, работой Временного Патриаршего Синода руководил митрополит Сергей, который вносил на рассмотрение Высшего церковного управления важные вопросы церковной жизни. Во-вторых, вопреки всем притеснениям церковная жизнь продолжалась. Патриархия в лице Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия и членов Временного при нём Патриаршего Священного Синода, оставаясь единственно легализованным органом церковного управления, делала всё возможное в тех невероятно трудных условиях, чтобы поддерживать на канонических основах некоторый порядок и дисциплину в Церкви и не дать ей распасться.

Ключевые слова: История Русской Православной Церкви, Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей (Страгородский), «Журнал Московской Патриархии», особенности журнальных статей, церковная пресса

Для цитирования: Кашеваров А. Н. Митрополит Сергей и «Журнал Московской Патриархии» в 1931–1935 годах // Ортодоксия. — 2024. — № 2. — С. 234–255. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-2-234-255

15 мая 2024 года исполняется 80 лет со дня смерти Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Сергия (Страгородского), одного из самых выдающихся иерархов Русской Православной Церкви. Примечательно, что страсти вокруг его имени так и не утихли: критики продолжают осуждать его за «сервилизм», другие же, наоборот, доказывают, что его путь был единственно верным. Однако как светские, так и церковные исследователи и публицисты, включая и его критиков, признают Сергия незаурядным организатором и крупным богословом. Следует особо отметить, что в отечественной историографии как в обоб-

щающих трудах по истории Русской Церкви первой половины XX века, так и в специальных статьях и книгах о патриархе Сергии и «сергианстве» отсутствует освещение важного направления его деятельности в самый трагичный период истории Церкви — роль и руководство Сергием частично возобновлённой церковной печатью в первой половине 1930-х годов. К сожалению, авторы подобных работ ограничиваются лишь констатацией того факта, что по просьбе Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия с 1931 года начал выходить «Журнал Московской Патриархии» (Цыпин 1997: 195; Васильева 2002: 401–402; Шкаровский 2010: 120), либо вообще предпочитают обойти эту тему молчанием (Фирсов 2005; Курляндский 2011; Одинцов 2013). Основная задача предлагаемой статьи — восполнить отмеченный пробел в жизнедеятельности Сергия в бытность его Заместителем Патриаршего Местоблюстителя.

После окончания Гражданской войны Московская Патриархия могла издавать только настольные календари, выходившие до 1925 года. Это была единственная и очень ограниченная возможность для высшей церковной власти публиковать лишь некоторые свои постановления и распоряжения. Поэтому митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский), вступивший 14 декабря 1925 года в исполнение обязанностей Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, в ряду первоочередных задач по налаживанию церковной жизни ставил издание официального периодического органа Патриархии. Однако практическое решение этого вопроса зависело от позиции государственной власти. Поэтому, обращаясь 1 июня 1926 года к Народному комиссару внутренних дел с просьбой о легализации Высшего церковного управления (далее — ВЦУ), митрополит Сергей просил также разрешить ему «издание периодического “Вестника Московской Патриархии” для осведомления приходских общин о ходе церковной жизни и распоряжениях церковной власти и для помещения статей по церковно-вероучительным вопросам» (Акты Святейшего Тихона... 1994: 470). Тогда это ходатайство Заместителя Патриаршего Местоблюстителя осталось неудовлетворённым.

В следующий раз просьбу разрешить издание официального органа Патриархии митрополит Сергей высказал в своей памятной записке о нуждах Православной Патриаршей Церкви в СССР, с которой он обратился к председателю постоянной комиссии ВЦИК по вопросам культов П. Г. Смидовичу 19 февраля 1930 года. Это обращение было

сделано на следующий же день после известного интервью Заместителя Местоблюстителя иностранным журналистам, в котором он вынужден был отрицать факт гонений на Церковь в СССР (Кашеваров 2004: 63).

В своём меморандуме П. Г. Смидовичу митрополит Сергей подчёркивал, что «давно чувствуется потребность иметь в Патриархии какое-нибудь периодическое издание, хотя бы в виде ежемесячного бюллетеня для печатания распоряжений, постановлений, посланий и пр. центральной церковной власти, имеющих общецерковный интерес» (Акты Святейшего Тихона... 1994: 621). Нетрудно заметить, что здесь в сравнении с ходатайством 1926 года содержание намечаемого официального органа Патриархии не предусматривало информацию о жизни приходских общин и даже помещение статей по церковно-вероучительным вопросам. Оно было сведено до необходимого минимума, т. е. речь шла лишь о публикации распоряжений высшей церковной власти. Очевидно, в этом случае митрополит Сергей учитывал горький опыт, полученный в ходе прежних своих обращений с ходатайствами к государственным органам.

Из двадцати одного пункта памятной записки П. Г. Смидовичу атеистическая власть удовлетворила лишь несколько просьб в период очень короткой, длившейся с весны 1930 года и до середины 1931 года, и весьма относительной приостановки открытого наступления на Церковь. Эта приостановка, носившая в большей степени тактический характер, наступила под влиянием неудач в колхозном движении (в связи с этим достаточно упомянуть статью И. В. Сталина «Головокружение от успехов» и постановление ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 года «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении», осуждавшие перегибы в отношении религии) и зарубежных выступлений в защиту верующих в СССР и гонимой Русской Церкви (Кашеваров 2004: 63–64).

Одним из главных достижений митрополита Сергея в это время явилось разрешение властей на издание «Журнала Московской Патриархии», который выходил с 1931 по 1935 год. Объём журнала, его тираж и характер публикуемых материалов определялся Главлитом, который в этом вопросе исходил из своего циркуляра от 24 августа 1928 года, посвящённого контролю за выпуском религиозной литературы. Согласно этому документу, церковная периодика могла, «как правило», выходить только «в центре» и издаваться минимальным тиражом. Никакого роста её тиражей, как и тиражей вообще всей религиозной литературы, предлагалось не допускать. Строго регламентировалось её содержание: оно сводилось к «каноническому и догматическому материалу и сугубо церковной хронике». Особо

в циркуляре оговаривался запрет на публикацию «заметок о новообращённых, росте того или иного течения» (Жирков 2002: 82).

Этим же документом запрещался выпуск религиозных отрывных календарей, а также церковных листовок и воззваний. Разрешалось выпускать лишь настольные календари «по одному на данном языке» и только в Москве, Харькове и Тифлисе. В основном это должны быть календари численники, причём они должны были обязательно содержать сведения о революционных праздниках. Нельзя было в них допускать «старый стиль» и повышать их тираж.

Очевидно, что циркуляр Главлита не мог не повлиять и на ряд особенностей издания «Журнала Московской Патриархии». Он был невелик по объёму — от 8 до 14 страниц вместе с календарными материалами и издавался малым тиражом — всего 3 тысячи экземпляров. Журнальные выпуски имели сплошную нумерацию от № 1 до 23–24, из которых 8 номеров, т. е. треть, были сдвоенными. Во всех выпусках журнала за 1931 год указывалось, что это — «ежемесячное издание». Однако в том году вышло не 12 предполагавшихся, а лишь 6 номеров. Поэтому в выпусках 1932–1935 годов указания на «ежемесячное издание» уже отсутствуют. Реально журнал выходил один раз в 2–4 месяца.

Тексты, опубликованные в журнале, имеют множество опечаток. Возможно, что у издателя, т. е. митрополита Сергия, была ограниченная возможность привлекать к работе корректоров. Нередко авторы использовали дореволюционную орфографию и стилистику (сим, ея, изследовать и пр.). В большинстве рапортов и докладов епископов и прошений приходского духовенства не указаны имена ни архиереев, ни священников. Неясно, было ли это своеобразной попыткой Заместителя Местоблюстителя оградить духовенство от пристальной слежки ОГПУ или от использования их имён в антирелигиозной печати или это была работа цензуры.

Во вступительной статье к первому номеру журнала редакция, отмечая трудности предпринимаемого издания, вместе с тем выражала надежду, что «все, кому дороги интересы Церкви, придут к нам на помощь словом и делом в этом святом деле» (Журнал Московской Патриархии 2001: 13). Кто же были эти люди, своей деятельностью помогавшие митрополиту Сергию обеспечить выпуск журнала в столь трудное для Церкви время? По опубликованным текстам можно установить имена трёх авторов и двух редакторов. Среди авторов первое место занимает сам издатель журнала Заместитель Патриаршего Местоблюстителя

митрополит Сергей, которому принадлежит только подписанных 20 работ. Значительная часть из них представляет большой богословский и особенно богословско-канонический интерес, ибо митрополит Сергей, будущий Патриарх Московский и всея Руси, был, как уже отмечалось выше, выдающимся богословом XX века. В связи с этим следует отметить четыре богословские статьи митрополита: «Отношение Церкви Христовой к отделившимся от неё обществам» (в № 2, 3, 4), «Значение апостольского преемства в инославии» (в № 23–24), «Почитание Божией Матери по разуму Святой Православной Церкви» (в № 11–12) и «Воскресение Христово в отличие от Воскресения Лазаря» (в № 16–17) (Журнал Московской Патриархии 2001: 31–35, 136–142, 181–189, 242–260). Первые две из них относятся к экклезиологии — учению о Церкви.

Кроме подписанных работ митрополит Сергей является автором многих постановлений и резолюций, принятых Временным Патриаршим Священным Синодом во главе с Заместителем Местоблюстителя.

Вторым установленным автором журнальных статей является протоиерей Александр Васильевич Лебедев (1888–1937), магистр богословия, профессор-патролог бывшей Казанской духовной академии, с августа 1932 года — делопроизводитель канцелярии Московской Патриархии, а с 4 октября 1934 года — управляющий делами Временного Патриаршего Синода. Ему принадлежат четыре подписанные работы. В период массовых репрессий протоиерей Лебедев проходил по одному делу со священномучеником Александром Хотовицким (ключарь Храма Христа Спасителя в Москве) и был расстрелян в августе 1937 года (Кашеваров 2004: 66).

Две публикации в журнале были подписаны «редактор», обязанности которого с № 4 журнала, вышедшего в середине 1931 года, выполнял архимандрит Сергей (Воскресенский), рукоположенный 29 октября 1933 года во епископа. В сдвоенном № 18–19 журнала за 1934 год в отделе «Хроника церковной жизни» в связи с извещением о рукоположении «настоятеля храма Воскресения, что в Сокольниках г. Москвы, архимандрита Сергея (Воскресенского) во епископа Коломенского, викария Московской епархии» также сообщалось: «Архимандрит Сергей в течение нескольких лет является сотрудником Московской Патриархии, ведя работу по юридическим вопросам и одновременно являясь ответственным редактором “Журнала Московской Патриархии”. Преосвященный Сергей остаётся в своих занимаемых должностях Патриархии и в настоящее время» (Журнал Московской Патриархии 2001: 210).

Столь обширная выдержка из «Хроники церковной жизни» приведена здесь лишь потому, что в предисловии Издательского Совета РПЦ, напечатавшего в 2001 году журнальные выпуски 1931–1935 годов, неверно речь идёт о двух редакторах — неких А. С. Воскресенском и Е. С. Воскресенском. В действительности же, как показано выше, редактором журнала с середины 1931 года по 1935 год являлся архимандрит (впоследствии епископ) Сергей (Воскресенский), дальнейшая судьба которого хорошо известна церковным историкам. В конце 1930-х годов он являлся ближайшим помощником Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия, а 24 февраля 1941 года был назначен митрополитом Виленским и Литовским и одновременно Экзархом Латвии и Эстонии. Остался на оккупированной немцами территории, где инициировал создание Псковской православной духовной миссии. Убит в апреле 1944 года на шоссе между Вильнюсом и Каунасом.

Редактором первых трёх номеров журнала был П. Остроухов, о котором более подробно ничего не известно.

Большая часть материалов, публиковавшихся в 1930-е годы в «Журнале Московской Патриархии», связана с деятельностью Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного при нём Патриаршего Священного Синода. Уникальность свидетельств о высшем церковном руководстве, содержащихся в этих материалах, во многом определяется и тем, что архив Московской Патриархии тех лет до нашего времени не сохранился, в отличие, например, от комплекса документов органов высшей церковной власти — Поместного Собора 1917–1918 годов и избранных им Священного Синода и Высшего Церковного Совета, функционировавших вплоть до 1922 года (Кашеваров 2005: 55–58).

Характеризуя опубликованные в «Журнале Московской Патриархии» материалы ВЦУ 1930-х годов, прежде всего, важно отметить ряд посланий, писем и резолюций митрополита Сергия по различным вопросам церковной жизни. Среди них особое место занимает его статья-разъяснение «О полномочиях Патриаршего Местоблюстителя и его Заместителя», опубликованная в № 1 журнала и важная в свете тех дискуссий об объёме канонических прав фактического Первоиерарха Русской Церкви, которые развернулись в 1930-х годах между Заместителем и «непоминающими» (Журнал Московской Патриархии 2001: 18–22).

Ряд посланий и писем был связан с расколами и отделениями, происходившими в 1930-х годах в русской церковной диаспоре. К ним, прежде всего, относится письмо от 28 октября 1931 года за № 4563 на имя

митрополита Евлогия (Георгиевского), управляющего русскими православными приходами в Западной Европе (в № 2, 3), и три послания Константинопольскому Патриарху Фотию II (в № 6, 7–8, 16–17) по поводу принятия им в общение митрополита Евлогия. Из других материалов, характеризующих межцерковные контакты 1930-х годов, следует отметить послание Заместителя Патриаршего Местоблюстителя «Преосвященным архипастырям, пастырям и всем верным чадам Православной Российской Церкви» (в № 5) по поводу выступлений Римского Папы «якобы в защиту Православной веры и Церкви», а также два ответа на приглашения принять участие в работе Лондонской догматической комиссии (в № 7–8) и предсоборном всеправославном собрании (Просиноде) (в № 9–10). В обоих случаях приглашения были мотивированно отклонены.

Из 200 публикаций в «Журнале Московской Патриархии» 1931–1935 годов 139, т. е. две трети почти каждого номера, составляют постановления Высшего церковного управления, которое в то время существовало в виде Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного при нём Патриаршего Священного Синода. Несмотря на то что журнал начал выходить в 1931 году, в нём напечатан ряд постановлений ВЦУ, относящихся к более раннему времени. Так, в номерах с 1-го по 4-й были опубликованы постановления 1930 года и несколько постановлений 1929 и 1928 годов. В последующих номерах журнала информация о решениях высшей церковной власти, принятых в конце 1920-х годов, содержится в виде ссылок на эти постановления и выдержек из них, которые нередко вставлялись в мотивировочную часть принимаемых постановлений. Полный текст более ранних в сравнении с 1930-ми годами постановлений обычно приводился в справках о предыстории обсуждавшегося вопроса, которыми иногда предварялось то или иное решение высшей церковной власти.

Анализ документов ВЦУ, опубликованных в журнале, убедительно показывает, что работой Временного Патриаршего Синода руководил митрополит Сергей. Он вносил на рассмотрение Высшего церковного управления важные вопросы церковной жизни. Отчёт о таких заседаниях начинался с примечательной формулировки: «Заместитель Патриаршего Местоблюстителя и Временный при нём Патриарший Священный Синод слушали: предложение Заместителя следующего содержания...»

Несомненно, что кроме текстов, подписанных именем митрополита Сергея, и предложений, внесённых им на рассмотрение Священного Синода, Заместителю принадлежит и большая часть постановлений ВЦУ, ибо именно в них суммировались и кристаллизировались его предложения.

Опубликованные в журнале материалы позволяют выделить и изучить основные направления деятельности и механизмы функционирования высшей церковной власти в конце 1920-х — первой половине 1930-х годов. Так, журнал содержит важную информацию об организации работы Временного Синода, в первую очередь о порядке и времени занятий в каждую из его сессий и составе последних. В написанном редактором журнала Сергием (Воскресенским) кратком обзоре пятилетней деятельности Синода с 1927 по 1932 год отмечалось: «Для приближения существующего Временного Патриаршего Синода при святейшем Патриархе Тихоне по Собору 1917 года весь управляющий епископат Русской Церкви разделён на пять групп и на каждую сессию (летнюю и зимнюю) вызываются пять Преосвященных архиереев по одному из каждой группы. Таким образом, теперь в управлении Церковью участвует весь епископат православный, поочерёдно меняясь у кормила церковного» (Журнал Московской Патриархии 2001: 122).

Полные собрания Синода созывались три раза в каждую сессию на время не более одной недели. Для решения текущих или «не терпящих отлагательства» дел, а также для подготовки дел к полным собраниям Синода в период между полными собраниями при Заместителе Местоблюстителя действовало малое собрание Синода. В его состав, кроме архиепископа, управляющего Московской епархией, входил один из постоянных членов Синода и двое из вызываемых к присутствию в Синоде на одну сессию. Очередь участия в малых собраниях Синода на тот или другой период устанавливалась между архиереями по их взаимному соглашению (Журнал Московской Патриархии 2001: 14).

Заместитель Местоблюстителя учитывал предложения епископата по улучшению работы Синода. На заседании ВЦУ 25 октября 1934 года он подчёркивал: «Многими из Преосвященных высказывалась мысль, чтобы синодальный год делился не на две сессии с тремя пленумами на каждой, а на три с двумя пленумами... Такой порядок в полтора раза увеличил бы ежегодное число вызываемых к присутствию в Синоде и тем сделал бы участие в работах Синода более возможным для всех вообще пастырей» (Журнал Московской Патриархии 2001: 238). В итоге обсуждения этого вопроса определением ВЦУ от 25 октября 1934 года, № 107 синодальный год был разделён на три сессии: «первую (январь — апрель), вторую (май — август) и третью (сентябрь — декабрь) по два полных собрания Синода в каждой» (Журнал Московской Патриархии 2001: 238).

Из 139 постановлений высшей церковной власти, напечатанных в журнале, 39, т. е. почти треть, посвящены организационным вопросам — порядку работы Синода, изменениям границ и названий епархий в соответствии с гражданским делением территории страны, назначением и увольнением архиереев, награждениям и т. п. Среди такого рода вопросов важное место занимали постановления, имевшие цель наладить правильное, без путаницы и проволочек прохождение дел через все церковные инстанции. В качестве примеров можно назвать такие постановления Синода, как «О порядке сношения епархиального духовенства с Патриархией» от 29 октября 1935 года, № 140; «О праве апелляции» от 21 октября 1931 года, № 145 и весьма интересное, на наш взгляд, определение «Об архивах» от 28 октября 1932 года, № 156 (Журнал Московской Патриархии 2001: 145, 147). В последнем отмечается, что «в большинстве случаев отсутствие должного отношения к хранению служебных бумаг... как Преосвященными, так и отцами благочинными... делает часто невозможным получить и дать необходимую справку по тому или иному вопросу» (Журнал Московской Патриархии 2001: 147).

В связи с этим было признано важным «разъяснить Преосвященным:

1) Необходимость хранения поступающих на их имя служебных бумаг и в первую очередь имеющих значение церковных документов, каковы циркуляры и указы Патриархии, ставленнические дела, отпускные грамоты клирикам, переходящим из других епархий, послужные списки и т. д. 2) Пользу ведения реестра резолюций Преосвященного с кратким резюме бумаг, на которые они положены и с отметкой об исполнении... Со своей стороны, Преосвященные имеют предложить вышеизложенное благочинным своих епархий» (Журнал Московской Патриархии 2001: 147).

Особое место в деятельности руководимого Сергием ВЦУ занимали меры по поднятию авторитета существующей высшей церковной власти, налаживанию и укреплению её связей с епархиями и помощи последним в упорядочении церковной жизни в приходах.

В 1930-е годы в Патриархии уже не оставалось надежды ни на возвращение к высшей церковной власти Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра (Полянского), арестованного ещё 10 декабря 1925 года, ни на созыв Поместного или Архиерейского Собора. Таким образом, совершенно было невозможно создать иные органы Высшего церковного управления, кроме тех, которые уже существовали в виде должности

Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного при нём Патриаршего Синода.

Для поднятия авторитета церковной власти Временный Синод вынес ряд постановлений, начиная с определения 12 апреля 1932 года о награждении Заместителя Местоблюстителя правом совершать богослужения с предношением креста. В обоснование этого решения в постановлении говорилось, что митрополит Сергей «по своему значению и положению, а также по своей деятельности и ответственности превосходит прежних наших митрополитов, но не имеет никаких отличий при совершении богослужений. Предносимый крест присвоен всем Первоиерархам отдельных и автономных Церквей, не могущих сравняться по своим размерам и по своему значению с Всероссийской Православной Церковью» (Журнал Московской Патриархии 2001: 124).

Отмеченной выше цели служил и изданный 18 мая 1932 года в ознаменование пятой годовщины существования Временного Патриаршего Священного Синода указ ВЦУ о возведении четырёх членов Синода «вошедших в его состав с самого начала... архиепископов Хутынского Алексия, Одесского Анатолия, Ярославского Павла и Харьковского Константина — в сан митрополита» (Журнал Московской Патриархии 2001: 123). Наконец, на расширенном заседании Синода 27 (14) апреля 1934 года было принято постановление предоставить Заместителю Местоблюстителя вдовствующую после кончины патриарха Тихона Московскую кафедру взамен Нижегородской, в ту пору уже Горьковской, с присвоением ему титула «Блаженнейший» (Журнал Московской Патриархии 2001: 215). Статья, посвящённая этому торжественному акту и написанная редактором журнала Сергием (Воскресенским), была озаглавлена следующим образом: «14 (27) апреля 1934 года войдёт особо знаменательным днём в историю Русской Церкви» (Журнал Московской Патриархии 2001: 211).

Высшая церковная власть стремилась провести в жизнь ряд постановлений Поместного Собора 1917–1918 годов в той мере, насколько позволяли условия тех лет. Так, во исполнение соборного постановления от 20 (7) сентября 1918 года, предусматривавшего объединение всех епархий Русской Церкви в округа, и в соответствии с гражданским делением территории страны на области, определением ВЦУ от 27 декабря 1928 года были образованы церковные области (округа). Причём во исполнение соборного постановления от 21 (8) апреля 1918 года некоторые

полусамостоятельные епископии получили право самостоятельных (Журнал Московской Патриархии 2001: 218).

С учреждением церковных областей или округов возник вопрос, естественно, о полномочиях архиерея главного города области. Поэтому Синод своим определением от 27 декабря 1928 года утвердил «Положение о полномочиях архиерея главного города области» (Журнал Московской Патриархии 2001: 221–222). По словам Заместителя Местоблюстителя, «не желая искусственно создать лишнюю инстанцию, мы наметили полномочия названного архиерея только в самой зачаточной форме: возложили на областного архиерея обязанность принимать во временное своё управление каждую освободившуюся в его области епархию впредь до назначения на неё постоянного епископа. Подразумевалось также, что, находясь в административном центре области, областной архиерей явится представителем всей церковной области пред областной гражданской властью и посредником в сношении с ней остальных архиереев и епархий области» (Журнал Московской Патриархии 2001: 218).

К вопросу о церковных округах Высшее церковное управление вернулось через пять лет. 12 марта 1934 года, выступая на заседании Временного Синода, митрополит Сергей указывал, что «пятилетняя практика, оправдывая существование церковных областей, вместе с тем выясняет необходимость точнее определить и обязанность для областного архиерея общего попечения о всех епархиях своей области и способы и пути такого попечения» (Журнал Московской Патриархии 2001: 218). На том же заседании было принято «Положение о полномочиях областного архиерея», предложенное митрополитом Сергием «в переработанном виде». В этом документе, в частности, был сделан дальнейший шаг в исполнении соборного постановления 15 (2) апреля 1918 года о викариальных епископах: существовавшие в епархиях полусамостоятельные епископии предусматривалось передать из епархий в общее ведение областного архиерея и, таким образом, превратить в самостоятельные епархии наряду с прочими (Журнал Московской Патриархии 2001: 221). На заседании Синода 27 апреля 1934 года по предложению митрополита Сергея был также выработан и механизм осуществления этого решения: епархиальные архиереи по получении определения Патриархии от 12 марта 1934 года «должны незамедлительно представить свои соображения, в частности, о том, какие из викариатств есть основания обратиться в епархии и какие оставить в прежнем положении. Получив соображения

и доклады Преосвященных, областные архиереи представляют на всю область рапорты Патриархии со своим заключением, и Патриархия выносит уже окончательное решение о той или иной епископии» (Журнал Московской Патриархии 2001: 222). Это требовалось потому, что, как констатировал митрополит Сергей, «определение от 12 апреля 1934 года встречается на местах неправильное понимание. Некоторые из викарных Преосвященных самовольно объявили себя самостоятельными епархиальными архиереями и прекратили поминование своих правящих архиереев» (Журнал Московской Патриархии 2001: 222).

Следует отметить, что по поводу канонической дисциплины викарных епископов ВЦУ приходилось неоднократно принимать как постановления общего характера (например, «О правах викарных епископов» от 18 мая 1932 года, № 79; «О порядке обращения викариев к высшей церковной власти» от 24 февраля 1932 года, № 37 и др.), так и по конкретным запросам архиереев (Журнал Московской Патриархии 2001: 130–134, 147). Патриархия, отмечая встречавшиеся на практике отступления от постановлений Поместного Собора 1917–1918 годов, видела причину этого в «общем расстройстве церковно-епархиальной жизни» (Журнал Московской Патриархии 2001: 132).

Действительно, постановления Временного Синода чаще всего касались конкретных дисциплинарных вопросов, связанных с нарушениями канонов и церковной дисциплины. В рапортах и докладах правящих архиереев высшей церковной власти, опубликованных в «Журнале Московской Патриархии», речь шла о вступлении некоторых священников во второй брак, уходе в раскол, принятии в клир священнослужителей-обновленцев без предварительного ознакомления с их моральным обликом, без требуемого покаяния и даже без уведомления епархиального архиерея. Например, даже среди части московского духовенства каноническое сознание настолько исказилось, что клир одной из церквей втайне от правящего архиерея принял в причт обновленческого протодиакона (Журнал Московской Патриархии 2001: 10). При рассмотрении всех подобных случаев ВЦУ настаивало на соблюдении канонов и дисциплины, отменяя все местные решения, нарушавшие эти правила.

Общее расстройство церковной жизни сказалось и на состоянии православного епископата. На массовые аресты епископов Церковь ответила массовыми епископскими хиротониями, многие из которых были совершены тайно (например, в 1926 году сонм архипастырей пополнился 21 епископом) (Цыпин 1997: 150). Это породило ряд проблем, вплоть

до появления епископов-самозванцев. По каждому такому выявленному случаю Временный Синод принимал специальное постановление, обязательно публиковавшееся в «Журнале Московской Патриархии» и обычно заканчивавшееся следующим образом: «Сообщить Преосвященным, что среди православных епископов... не значится» (Журнал Московской Патриархии 2001: 89).

Главным же следствием указанных выше хиротоний стало понижение уровня богословско-канонической подготовленности новых архиереев, зачастую не прошедших академической школы. В первой половине 1930-х годов архиерейские хиротонии, согласно данным отдела «Хроника церковной жизни» «Журнала Московской Патриархии», совершались, правда, значительно реже, чем в предшествующее десятилетие. Так, в 1930 году — три, в 1931 году — восемь, в 1932 году — шесть, в 1933 году — две, в 1934 году — пять епископских хиротоний (Журнал Московской Патриархии 2001: 22, 35–36, 71, 83–84, 99, 119, 142, 155–156, 209–210, 235). Важно отметить, что лишь половина новопоставленных архипастырей окончили ту или иную духовную академию. Поэтому столь большое место в постановлениях ВЦУ отводилось мотивировке принимаемых решений, многие из которых начинались формулой: «Разъяснить Преосвященному... что...» Нередко формула имела и более строгий характер: «Разъяснить Преосвященному... что в данном случае виновным является сам Преосвященный...»

При этом лейтмотивом всех определений высшей церковной власти по дисциплинарно-каноническим вопросам была мысль, высказанная митрополитом Сергием в постановлении от 24 декабря 1930 года, № 252 о том, что такие решения в Церкви должны приниматься не формально, исходя из фиксированных и неизменных правил, а с рассуждением, сообразуясь с духом евангельского учения, в чём и состоит проявление подлинной церковности (Журнал Московской Патриархии 2001: 55).

По указанным выше причинам некоторые постановления Временного Патриаршего Синода превращались в настоящие богословские экскурсии. Таково, например, определение «О мироварении» от 29 марта 1931 года, № 51: «Думать, что освящать Святое Миро можно только в Великий Четверг, так же неправильно, как думать, что причащаться Святых Тайн можно только в Великий Пост и притом по субботам. Между миропомазанием Господа Иисуса Христа женой-грешницей и мироварением... нет никакой идейной связи...» (Журнал Московской Патриархии 2001: 117–118).

Общее падение церковной дисциплины в то время, так ярко отражённое на страницах журнала, позволяет лучше понять, почему митрополит Сергей шёл на уступки атеистической власти ради восстановления центрального церковного управления.

Ряд вопросов, рассмотренных Синодом, связан в значительной степени с теми тяжёлыми условиями, в которых оказались духовенство и верующие в результате нового открытого наступления богоборческой власти на Церковь, начавшегося с конца 1920-х годов. Например, 28 мая 1930 года ВЦУ приняло постановление о «заочном» отпевании умерших с разъяснением, в каких случаях оно возможно (Журнал Московской Патриархии 2001: 50). О причинах, по которым возникла в те годы такая потребность, нетрудно догадаться — отсутствие церкви поблизости ввиду закрытия большинства из них, смерть в лагере или тюрьме и т. п. Другой пример: 22 февраля 1929 года ВЦУ рассмотрело заявление нескольких епархиальных архиереев о том, что «за последнее время сельские и городские батюшки в гражданском порядке разводятся со своими жёнами, правда, в большинстве случаев все эти разводы фиктивные». В принятом постановлении указывалось на недопустимость в нравственном отношении этих разводов, а также и на их практическую нецелесообразность, т. к. «они обычно не достигают цели» (Журнал Московской Патриархии 2001: 41). Здесь подразумевались отчаянные, хотя и безнадёжные попытки семей клириков путём фиктивных разводов спасти от участи «лишенцев» хотя бы своих детей.

В период разгара гонений на Церковь среди священнослужителей оказалось немало тех, кто самовольно, без благословения или даже без простого уведомления о том своего архиерея, оставил должность клирика, причём некоторые такое оставление сопровождали также и публичным (например, с церковного амвона, через газеты или письменное заявление гражданской власти) отречением от веры. В постановлении «О падших клириках» ВЦУ отмечало, что «многие из отрেকшихся потом раскаиваются и выражают желание вновь продолжать служение Церкви» (Журнал Московской Патриархии 2001: 15). В связи с этим Патриархия неоднократно рассматривала рапорты епархиальных архиереев с представленными в них прошениями раскаявшихся «о возобновлении в священном сане» (Журнал Московской Патриархии 2001: 231, 240). Таким образом, сложение с себя сана или публичное отречение от веры «падших клириков» далеко не во всех случаях проходили сознательно

и добровольно, без внешнего воздействия, которое в то время чаще всего могло состоять в виде угроз и репрессий со стороны местных властей или суровых жизненных условий, в первую очередь тяжёлого материального положения семей священнослужителей.

Поскольку безжалостная атака на Церковь сопровождалась налоговым удушением духовенства, Патриархия публиковала на страницах своего журнала некоторые важные правительственные постановления, касавшиеся налогового обложения «служителей культа» (Журнал Московской Патриархии 2001: 47, 72, 99).

В 1935 году возобновились массовые аресты духовенства и активных мирян. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя Сергей оказался под угрозой ареста по сфабрикованному обвинению в шпионаже в пользу Японии. Ареста не последовало, но 18 мая 1935 года вышел указ о роспуске Временного Патриаршего Синода, у которого не было возможности пополнить свой поредевший состав (Цыпин 1997: 211). Вслед за этим власти запретили «Журнал Московской Патриархии» (Кашеваров 2004: 76). Таким образом, в середине 1930-х годов с церковной печатью на территории Советского Союза было покончено.

Анализ опубликованных в «Журнале Московской Патриархии» материалов показывает, что вопреки всем притеснениям церковная жизнь продолжалась, и Патриархия в лице Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергея и членов Временного при нём Патриаршего Священного Синода, оставаясь единственно легализованным органом церковного управления, делала всё возможное в тех невероятно трудных условиях, чтобы поддерживать на канонических основах некоторый порядок и дисциплину в Церкви и не дать ей распасться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Акты Святейшего Тихона, патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. — М. : Изд-во Православного Свято-Тихоновского богословского института, 1994. — 1063 с.

Васильева О. Ю. Февральская пресс-конференция митрополита Сергия — историческое осмысление и историческое наследие // История Русской Церкви в XX веке (1917–1933). Материалы конференции г. Сэттендре (Венгрия) 13–16 ноября 2001 г. — Мюнхен : Изд-во обители Иова Почаевского, 2002. — С. 384–405.

Жирков Г. В. Духовная журналистика: история, традиции, опыт // Журналистика. Просвещение. Церковь. — СПб. : СПбГУ, 2002. — С. 82–87.

Журнал Московской Патриархии в 1931–1935 годы. — М. : Издательский совет Русской Православной Церкви, 2001. — 272 с.

Кашеваров А. Н. Печать Русской православной Церкви в XX веке. — СПб. : Роза мира, 2004. — 162 с.

Кашеваров А. Н. Православная Российская Церковь и советское государство (1917–1922). — М. : Изд-во Крутицкого подворья, 2005. — 439 с.

Курляндский И. А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). — М. : Кучково поле, 2011. — 720 с.

Одинцов М. И. Патриарх Сергей. — М. : Молодая гвардия, 2013. — 395 с.

Фирсов С. Л. Время в судьбе. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский). О генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века. — СПб. : Сатисъ, 2005. — 396 с.

Цыпин В., прот. История Русской Церкви. 1917–1997. — М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. — 831 с.

Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. — М. : Лепта, 2010. — 480 с.

Сведения об авторе:

Анатолий Николаевич Кашеваров — доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор высшей школы общественных наук, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29 литера Б, e-mail: kashavar12@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 17.02.2024; одобрена после рецензирования 23.02.2024; принята к публикации 27.02.2024.

A. N. Kashevarov

PETER THE GREAT ST. PETERSBURG POLYTECHNIC UNIVERSITY,
SAINT PETERSBURG, RUSSIA

Metropolitan Sergius and the “Journal of the Moscow Patriarchate” in 1931–1935

Abstract. After the end of the civil war, the Moscow Patriarchate could only publish annual calendars, which were published until 1925. This was the only and very limited opportunity for the highest church authorities to publish some of their decrees and orders. Therefore, Metropolitan of Nizhny Novgorod Sergius (Stragorodsky), who assumed the duties of Deputy Patriarchal Locum Tenens on December 14, 1925, regarded the publication of the official periodical of the Patriarchate as one of the top priorities in organizing church life. One of Metropolitan Sergei's main achievements during this time was obtaining permission from the authorities to publish the “Journal of the Moscow Patriarchate”, which was published from 1931 to 1935. It was small in volume — from 8 to 14 pages including calendar materials and was published in a small edition — only three thousand copies. In reality, the journal was published once every 2–4 months. Metropolitan Sergius himself acted as the publisher. A large part of the materials published in the “Journal of the Moscow Patriarchate” in the 1930s are related to the activities of the Deputy Patriarchal Locum Tenens and the Temporary Patriarchal Holy Synod under his guidance. An important place in the journal was rightfully occupied by the sermons, letters, and resolutions of Metropolitan Sergius on various issues of church life. The materials published in the journal allow us to identify and study the main directions of the activities

and mechanisms of functioning of the highest church authority in the late 1920s to the first half of the 1930s. The analysis of these materials convincingly shows that, firstly, Metropolitan Sergei, who presented important issues of church life for consideration by the Supreme Church Administration, led the work of the Temporary Patriarchal Synod. Secondly, despite all the pressures, church life continued. The Patriarchate, represented by the Deputy Patriarchal Locum Tenens Metropolitan Sergius and members of the Temporary Patriarchal Holy Synod, remained the only legalized body of church administration, doing everything possible in those incredibly difficult conditions to maintain some order and discipline in the Church on canonical grounds and prevent it from falling apart.

Keywords: History of the Russian Orthodox Church, Deputy Patriarchal Locum Tenens Metropolitan Sergius (Stragorodsky), “Journal of the Moscow Patriarchate”, features of journal articles, church press

For citation: Kashevarov, A. N. (2024). Metropolitan Sergius and the “Journal of the Moscow Patriarchate” in 1931–1935. *Orthodoxia*, (2), 234–255. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-2-234-255

REFERENCES:

Akty Sviatetskogo Tikhona, patriarkha Moskovskogo i vseia Rossii, pozdneishie dokumenty i perepiska o kanonicheskom preemstve vysshei tserkovnoi vlasti. 1917–1943 [Acts of His Holiness Tikhon, Patriarch of Moscow and All Russia, Later Documents and Correspondence on the Canonical Succession of the Supreme Church Authority. 1917–1943]. (1994). Moscow : Izd-vo Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo bogoslovskogo instituta. [In Russian].

Vasileva, O. Iu. (2002). Fevral'skaia press-konferentsiia mitropolita Sergiia — istoricheskoe osmyslenie i istoricheskoe nasledie [February Press Conference of Metropolitan Sergius — Historical Understanding and Historical Heritage]. In *Istoriia Russkoi Tserkvi v XX veke (1917–1933). Materialy konferentsii g. Seetendre (Vengriia) 13–16 noiabria 2001 g.* (pp. 384–405). Munich : Izd-vo obiteli Iova Pochaevskogo. [In Russian].

Zhirkov, G. V. (2002). Dukhovnaia zhurnalistika: istoriia, traditsii, opyt [Spiritual Journalism: History, Traditions, Experience]. In *Zhurnalistika. Prosveshchenie. Tserkov'* (pp. 82–87). Saint Petersburg : SPbGU, 2002. [In Russian].

Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii v 1931–1935 gody [The Journal of the Moscow Patriarchate in 1931–1935]. (2001). Moscow : Izdatel'sky sovet Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. [In Russian].

Kashevarov, A. N. (2004). *Pechat' Russkoi pravoslavnoi Tserkvi v XX veke* [The Printing of the Russian Orthodox Church in the Twentieth Century]. Saint Petersburg : Roza mira. [In Russian].

Kashevarov, A. N. (2005). *Pravoslavnaia Rossiiskaia Tserkov' i sovetskoe gosudarstvo (1917–1922)* [The Orthodox Russian Church and the Soviet State (1917–1922)]. Moscow : Izd-vo Krutitskogo podvor'ia. [In Russian].

Kurliandsky, I. A. (2011). *Stalin, vlast', religiia (religioznyi i tserkovnyi faktory vo vnutrennei politike sovetskogo gosudarstva v 1922–1953 gg.)* [Stalin, Power, Religion (Religious and Ecclesiastical Factors in the Internal Policy of the Soviet State in 1922–1953)]. Moscow : Kuchkovo pole. [In Russian].

Odintsov, M. I. (2013). *Patriarkh Sergy* [Patriarch Sergius]. Moscow : Molodaia gvardiia. [In Russian].

Firsov, S. L. (2005). *Vremia v sud'be. Sviateishii Patriarkh Moskovskii i vseia Rusi Sergii (Stragorodsky). O genezise "sergianstva" v russkoi tserkovnoi traditsii XX veka* [Time in destiny. His Holiness Patriarch Sergius of Moscow and All Russia (Stragorodsky). On the genesis of "Sergianism" in the Russian Church tradition of the twentieth century]. Saint Petersburg : Satis". [In Russian].

Tsy-pin, V., Archpriest. (1997). *Istoriia Russkoi Tserkvi. 1917–1997* [The History of the Russian Church. 1917–1997]. Moscow : Izd-vo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyr'ia. [In Russian].

Shkarovsky, M. V. (2010). *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' v XX veke* [The Russian Orthodox Church in the Twentieth Century]. Moscow : Lepta. [In Russian].

About the author:

Anatoly Nikolayevich Kashevarov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Professor of Higher Education of Social Sciences, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 195251, Russia, St. Petersburg, Politekhnicheskaya St., 29 letter B, e-mail: kashevar12@mail.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 17.02.2024; approved after reviewing 23.02.2024; accepted for publication 27.02.2024.

СПИСОК НОМЕРОВ «ОРТОДОКСИИ», ВЫШЕДШИХ С 2021 ГОДА

2021

- Ортодоксия. 2021. № 1. Тема номера: «Богословие и выборы»
Ортодоксия. 2021. № 2. Тема номера: «Православная Белоруссия»
Ортодоксия. 2021. № 3. Тема номера: «Православие и русский консерватизм в XIX веке»
Ортодоксия. 2021. № 4. Тема номера: «Православие и русский консерватизм в первой половине XX века»

2022

- Ортодоксия. 2022. № 1. Тема номера: «Американская геополитика и православие»
Ортодоксия. 2022. № 2. Тема номера: «Традиция и справедливость»
Ортодоксия. 2022. № 3. Тема номера: «Вызовы неоязычества и Россия»
Ортодоксия. 2022. № 4. Тема номера: «Русская консервативная мысль советского периода. Часть I»

2023

- Ортодоксия. 2023. № 1. Тема номера: «Русская консервативная мысль советского периода. Часть II»
Ортодоксия. 2023. № 2. Тема номера: «Православная мысль в Советской России. Часть I»
Ортодоксия. 2023. № 3. Тема номера: «Русская консервативная мысль советского периода. Часть III»
Ортодоксия. 2023. № 4. Тема номера: «Православная мысль в Советской России. Часть II»

2024

- Ортодоксия. 2024. № 1. Тема номера: «Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский). Часть I»

**РОССИЙСКИЙ
ПРАВОСЛАВНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
СВЯТОГО ИОАННА
БОГОСЛОВА**

РОССИЙСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
СВЯТОГО ИОАННА БОГОСЛОВА УЧРЕЖДЁН
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ
МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА В 1992 ГОДУ.

В образовательном процессе РПУ св. Иоанна Богослова органично сочетаются традиции русских духовных школ и опыт академического преподавания российских университетов – обучение включает как базовые духовные, так и социально-гуманитарные дисциплины.

Обучение в РПУ св. Иоанна Богослова направлено на подготовку специалистов:
для синодальных учреждений и епархий Русской Православной Церкви (профиль в сфере церковно-государственных отношений или информационных процессов);

для государственной службы

(профиль в сфере государственно-конфессиональных отношений).

РПУ св. Иоанна Богослова проводит набор абитуриентов на дневную (очную) форму обучения за счёт средств федерального бюджета по направлениям подготовки:

БАКАЛАВРИАТ

48.03.01 **ТЕОЛОГИЯ**

срок обучения 4 года

МАГИСТРАТУРА

48.04.01 **ТЕОЛОГИЯ**

срок обучения 2 года

- **Лица, получившие полное среднее образование**, принимаются на обучение по программе бакалавриата по результатам ЕГЭ; лица, получившие среднее профессиональное образование, принимаются на обучение по результатам вступительных испытаний, проводимых в университете.
- **Лица, имеющие высшее образование**, принимаются на обучение по программе магистратуры по результатам вступительных испытаний, проводимых в университете.

ПО ОКОНЧАНИИ ОБУЧЕНИЯ ВЫДАЁТСЯ
ДИПЛОМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗЦА

АДРЕС:

127473, МОСКВА,
ПЕР. ЧЕРНЫШЕВСКОГО, Д. 11А, СТР. 1
ТЕЛЕФОН: +7 495 431 03 03 САЙТ: RPUSIB.RU

